

И. А. Фурманов

**ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ПРОФИЛАКТИКА
СЕМЕЙНОГО
НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ**

И. А. Фурманов

72

28.610.72.0117
В 21.0111
ББК

Психолого-педагогическая профилактика семейного неблагополучия

ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

ПОСОБИЕ ДЛЯ ПЕДАГОГОВ И ПСИХОЛОГОВ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ,
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ,
УЧРЕЖДЕНИЙ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рекомендовано
Научно-методическим учреждением
«Национальный институт образования»
Министерства образования
Республики Беларусь

МИНСК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
2010

УДК 37.013.42
ББК 74.6
Ф95

ISBN 978-985-465-702-8

Р е ц е н з е н т ы:

методическое объединение педагогов-психологов учреждений образования Московского района г. Минска (педагог-психолог государственного учреждения образования «Гимназия № 61 г. Минска» *И. В. Валобурла*); проректор по научной работе государственного учреждения образования «Минский городской институт развития образования», доктор педагогических наук, профессор *В. В. Буткевич*; декан факультета психологии социальной и воспитательной работы государственного учреждения образования «Академия последилового образования», доктор психологических наук, профессор *В. А. Янчук*

Фурманов, И. А.

Ф95 Психолого-педагогическая профилактика семейного неблагополучия : пособие для педагогов и психологов общеобразоват., социально-педагогич. учреждений, учреждений дошк. образования / И. А. Фурманов. — Минск : Нац. ин-т образования, 2010. — 176 с.
ISBN 978-985-465-702-8.

В пособии представлены материалы, описывающие особенности психического развития и поведения ребенка, воспитывающегося в условиях семейного неблагополучия, даны психолого-педагогические рекомендации по преодолению личностных и поведенческих затруднений у детей.

Адресуется психологам и педагогам общеобразовательных, социально-педагогических учреждений, учреждений дошкольного образования, а также социальным педагогам, специалистам по охране детства.

УДК 37.013.42
ББК 74.6

ISBN 978-985-465-702-8

© Фурманов И. А., 2010
© Оформление. НМУ «Национальный институт образования», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. ПРИЧИНЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ДЕТЕЙ.....	8
1.1. Сенсорная депривация.....	10
1.2. Ограничение двигательной активности ребенка	12
1.3 Роль материнская депривации	13
1.4. Психосоциальная депривация и адаптация ребенка	23
ГЛАВА 2. ПСИХИЧЕСКИЕ ТРАВМЫ ДЕТСТВА И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ	32
2.1. Дети, пережившие смерть родителей	32
2.2. Дети, пережившие развод родителей.....	39
2.3. Дети из семей алкоголиков	43
ГЛАВА 3. НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	48
3.1. Социально–психологические факторы семейного насилия	48
3.2 Эстафета насилия	56
3.3. Дети, подвергшиеся сексуальному насилию.....	64
3.4. Дети, подвергшиеся физическому насилию.....	86
3.5. Дети, подвергшиеся психологическому насилию	94
3.6. Физические наказания в семье и их последствия	101
3.7. Насилие над родителями	117
ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ.....	133
4.1. Агрессия	133
4.2. Гнев.....	150
4.3. Страх.....	153
4.4. Горе.....	159
4.5. Психосоматические симптомы.....	164
4.6. Гиперактивность	167
4.7. Замкнутость	169
4.8. Чувство вины	171
4.9. Незащищенность	175
3.10. Другие проблемы поведения	178
ПОСЛЕСЛОВИЕ	183
СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	184

ПРЕДИСЛОВИЕ

На семейное неблагополучие оказывает целый ряд как объективных, так и субъективных факторов. С точки зрения социологов и педагогов к объективным причинам неблагополучия семьи относятся экономический уровень жизни, обеспеченность жильем, уровень социальной защищенности семьи и ребенка и пр. К субъективным – социально–психологические особенности супругов, уровень их нравственного развития, распределение между супругами домашних обязанностей и участие в воспитании детей, личностные установки в сфере брака и семьи, уровень знаний о брачно–семейных отношениях, состояние физического и психического здоровья.

Следуя такому подходу в «Отчете национального исследования причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь»¹ делается логический вывод, что для решения проблем семейного неблагополучия необходимо сориентировать государственные программы и общественное мнение на «хорошую, благополучную, полную семью», изменить государственные стандарты в отношении материального благосостояния семьи и стратегии оказания материальной помощи, совершенствовать систему семейного консультирования, психологической и правовой помощи, обеспечить подготовку квалифицированных специалистов по разрешению семейных проблем различного характера, открытие и стимулирование деятельности научных центров семьи и детства и п.д.

Вместе с тем, существует несколько иной, психологический, подход к определению семейного неблагополучия. В этом подходе главным индикатором семейного благополучия/неблагополучия является психическое состояние ребенка, воспитывающегося в этой семье. И, если в семье ребенку плохо, если он лишен родительской любви, заботы и внимания, если он подвергается физическим наказаниям, испытывает боль и страдания,

¹ Отчет национального исследования причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь/ С.Н.Бурова [и др.]. – Минск: В.И.З.А. ГРУПП, 2009.– 352 с.

унижения и оскорбления, если условия семейного воспитания препятствуют его нормальному психическому развитию, то такую семью нельзя признать благополучной.

Например, одиноким ребенком может сформироваться как избалованного любовью ребенка с неуемными потребностями, которые невозможно удовлетворить, и с конфликтными отношениями с окружающими, так и одинокого человека с комплексом неполноценности, неудачливого, уязвимого, неуверенного в себе, желающего как можно быстрее вырваться из под родительской опеки.

В многодетной семье могут вырасти не только дружные дети-коллективисты, но и детей педагогически запущенные, с асоциальным и даже антисоциальным поведением, если родители заняты постоянным добыванием средств к существованию, а жизнь и воспитание детей не организованы, пущены на самотек.

В семье с низким материальным статусом, находящейся за чертой бедности из-за безработицы, низкой зарплаты, алкоголизма, неумения строить бюджет семьи дети лишены самого необходимого в удовлетворении материальных и духовных потребностей. Поэтому часто, наблюдая за детьми из обеспеченных семей, они озлобляются, становятся агрессивными и даже враждебно настроенными в отношении окружающих.

Семьи с нарушенными супружескими и родительско-детскими отношениями, повышенной конфликтностью между членами, а также умышленно или неумышленно допускающие безнадзорность детей, создают такую атмосферу, которая побуждает ребенка к уходу семьи, в компании сверстников, в различного рода неформальные объединения молодежи или секты.

Семьи с жестоким обращением с детьми, имеющим место по разным причинам: нервозность родителей из-за бедственного материального положения безработицы, отклонения в психике, высшая степень недовольства своими детьми, деспотизм отца или отчима из-за

невыполненных завышенных требований к ним, усталость и депрессия родителей порождают жестокость детей, затрудняют их адаптацию со сверстниками и педагогами.

Достаточно большое количество семей, которые обеспечивают детям материальные условия существования, но где родители фактически не занимаются воспитанием детей.

Действительно, проблемы семейного неблагополучия необходимо решать на государственном уровне. Однако, эта работа потребует усилий в течение достаточно длительного времени.

Можно начать, что-то изменять уже сегодня. Представленное пособие как раз и написано для тех специалистов, которые на своих рабочих местах, ежедневно сталкиваясь с проблемами семейного неблагополучия, могут направить свои усилия на психологическое просвещение в сфере семейных отношений, на оказание психолого-педагогической помощи, ребенку, родителям и семье в целом, на профилактику семейного неблагополучия.

ГЛАВА 1. ПРИЧИНЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ДЕТЕЙ

Одним из факторов влияющих на возникновение различного рода психологических проблем у детей являются лишения и потери.

Лишения – это отсутствие необходимых средств для достижения цели или удовлетворения потребности. В качестве иллюстрации "внешнего лишения", т.е. случая, когда преграда, помеха находится вне самого человека можно привести ситуацию, когда ребенок голоден, а пищи достать не может. Примером "внутреннего лишения", т.е. при преграде, коренящейся в самом человеке, может служить ситуация, когда ребенок хочет хорошо учиться и вместе с тем сознает, что его способности настолько низки, что он не может рассчитывать на высокие оценки.

Потери – это утрата предметов или объектов, ранее удовлетворяющих потребности. Примеры: смерть близкого человека; сгорел дом, в котором долго жили ("внешняя потеря") или ребенок теряет уверенность в себе, перестает верить в собственные силы ("внутренняя потеря").

Термин «*депривация*» – сегодня широко используется в психологии и медицине. Пришел из английского и в обиходной речи означает "лишение или ограничение возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей".

Когда говорят о депривации, имеют в виду такое неудовлетворение потребностей, которое происходит в результате отделения человека от необходимых источников их удовлетворения, имеющее пагубные последствия. Существенна именно психологическая сторона этих последствий: вне зависимости от того ограничена ли моторика человека, отлучен ли он от культуры или от социума, лишен ли с раннего детства материнской любви – проявления депривации психологически похожи. Тревожность, депрессия, страх, интеллектуальные расстройства – вот наиболее характерные черты так называемого депривационного синдрома. Симптоматика психической депривации может охватывать весь спектр

возможных нарушений: от легких странностей, не выходящих за рамки нормальной эмоциональной картины, до очень грубых поражений развития интеллекта и личности.

В психологии существует по крайней мере три основных подхода, объясняющих причины и описывающих последствия депривации.

Первая – теория обучения подразумевает, что развитие полностью или почти полностью зависит от внешней стимуляции. При обеспечении соответствующих внешних условий будет происходить обучение, а то, что не было выучено ранее, может быть выучено после обеспечения соответствующих условий. Согласно этому подходу ребенок, с самого начала отстающий в развитии из-за депривации внешней стимуляции, может постепенно достичь нормы при условии, что его избавят от депривации и предоставят ему достаточно времени для обучения.

Позиция психоанализа предполагает, что ранний опыт может положить начало определенным динамическим процессам, которые прочно укореняются и продолжают существовать несмотря на последующие изменения в реальной ситуации. Ранняя депривация матери может рассматриваться как толчок к установлению защитных действий, которые спасают ребенка от болезненных переживаний и страдания. Однажды закрепившись, защитное действие стремится к самосохранению, изолируя ребенка от взаимодействия с миром, который может оказать ему поддержку. Согласно этой позиции обратимость зависит от успеха попыток разбить этот защитный процесс.

Есть также психологический подход, предполагающий “сензитивные фазы” или критические периоды. Эта теория предполагает, что в ходе развития могут быть фазы, в течение которых определенные процессы развиваются нормально при наличии адекватных условий. Но, если они отсутствуют, развитие этих процессов может прекратиться, а последующая стимуляция может с большим трудом, если вообще, активизировать это развитие.

Все эти три точки зрения нельзя считать несовместимыми. Представляется весьма правдоподобным, что некоторое нарушение может быть полностью исправлено обучением после снятия депривации, но другое нарушение в той или иной степени не поддается полному исправлению из-за более или менее глубоко укоренившихся защитных действий или привычных схем поведения, а третье нарушение вообще не поддается исправлению, поскольку сензитивная фаза нормального развития соответствующего процесса уже прошла.

В зависимости от того, чего именно лишен человек, выделяют разные виды депривации – сенсорную, двигательную, психосоциальную, материнскую и другие. Далее будут рассмотрены основные из них.

1.1. Сенсорная депривация

Ребенок, оказавшись в условиях семейного неблагополучия, в детском доме, в интернате или другом учреждении закрытого типа часто оказывается в обедненной стимулами среде. Такая среда, вызывая сенсорный голод, вредна для человека в любом возрасте. Однако для ребенка она особенно губительна.

Многочисленные исследования доказывают наличие у младенцев потребности в новых впечатлениях, которая выражается в появлении зрительного сосредоточения. М.Ю. Кистяковская утверждала, что зрительные впечатления, начиная с 3-5-недельного возраста, действуют на ребенка успокаивающе. Плачущего ребенка можно перенести с кровати на стол, в другую комнату, где он тут же начнет переводить глаза с одного предмета на другой. Двухмесячному ребенку уже достаточно просто демонстрировать яркие или блестящие предметы, положенные на удобную для рассматривания высоту, чтобы поддерживать ребенка в состоянии спокойного бодрствования. Согласно наблюдениям, под влиянием зрительных воздействий у ребенка впервые возникают *радостные чувства*. Особенно сильно они проявляются, когда ребенок смотрит в лицо и

прислушивается к голосу разговаривающего с ним взрослого. По-видимому, человеческое лицо представляет для него наиболее сильный комплексный раздражитель.

Таким образом, как показывают многочисленные психологические исследования, необходимым условием для нормального созревания мозга в младенческом и раннем возрасте является достаточное количество внешних впечатлений, так как именно в процессе поступления в мозг и переработки разнообразной информации из внешнего мира происходит упражнение органов чувств и соответствующих структур мозга.

Большой вклад в разработку этой проблемы внесла группа ученых-физиологов и психологов, под руководством Н.М. Щелованова. Они установили, что те участки мозга ребенка, которые не упражняются, перестают нормально развиваться и начинают атрофироваться. Поэтому мозг постоянно нуждается в раздражителях, вызывающих его деятельность и обеспечивающих развитие. Отсутствие впечатлений даже у вполне здорового, сытого, хорошо ухоженного ребенка вызывает крик, который прекращается лишь вместе с появлением новых впечатлений. И наоборот, если дети начинают плакать под влиянием боли или голода, то очень часто, если боль и голод не достигли слишком большой интенсивности, плач можно затормозить, показывая ребенку яркие, привлекающие его внимание игрушки.

Н.М. Щелованов писал, что если ребенок находится в условиях сенсорной изоляции, которую неоднократно наблюдал в яслях и домах ребенка, то происходит резкое отставание и замедление всех сторон развития, своевременно не развиваются движения, не возникает речь, отмечается торможение умственного развития. Эти же психологические проблемы наблюдаются и у детей из неблагополучных семей.

Л.И. Божович выдвинула гипотезу о том, что именно потребность во впечатлениях играет роль ведущей в психическом развитии ребенка, возникая примерно на третьей пятой неделе жизни ребенка и являясь базой

для формирования других социальных потребностей, в том числе и потребности в общении ребенка с матерью. Эта гипотеза противостоит представлениям большинства психологов о том, что исходными выступают либо органические потребности (в пище, тепле и т.п.), либо потребность в общении. Еще великий русский ученый В.М. Бехтерев отмечал, что к концу второго месяца ребенок ищет новые впечатления.

Безучастность, отсутствие улыбки у детей из приютов, домов ребенка замечались многими. уже с самого начала действий таких учреждений. Как научный факт отрицательные последствия пребывания в закрытом детском учреждении стали рассматриваться лишь в начале XX века. Эти феномены, впервые систематически описанные и проанализированные Р. Шпитцем, были им названы феноменами госпитализма. Суть сделанного ученым открытия состояла в том, что в закрытом детском учреждении ребенок страдает не только и не столько от плохого питания или плохого медицинского обслуживания, сколько от специфических условий таких учреждений, один из существенных моментов которых – бедная стимульная среда. Необходимо отметить, что феномен госпитализма неоднократно наблюдался у детей из семей с ненадлежащим уходом за ребенком.

1.2. Ограничение двигательной активности ребенка

С последствиями двигательной депривации сталкиваются всякий раз, когда возникает резкое ограничение движения. Например, в результате травм или болезней.

Экспериментами психологов было доказано существование потребности во внешней стимуляции. В частности, они показывают, что ситуация изоляции, сенсорного голода и двигательной активности, отсутствия контакта со внешним миром вызывают у человека ряд психических нарушений и другого рода проблем. У него обнаруживаются расстройства в мыслительной, эмоциональной и поведенческой сферах. Для многих испытуемых участие в экспериментах в условиях двигательной и

сенсорной депривации было настолько невыносимым и болезненным, что эти люди предпочли отказаться от дальнейшего участия в них даже за вознаграждение.

Особенно тяжелы последствия двигательной депривации для детей. Существуют данные, что дети, двигательная активность которых в силу медицинских причин в течение длительного времени была сильно ограничена, нередко испытывают состояние депрессии, которое может "прорываться" взрывами ярости и агрессивности.

Стереотипное раскачивание из стороны в сторону, которое может продолжаться целыми часами, наблюдали многие исследователи именно у маленьких детей, условиями содержания лишенных возможности нормально двигаться.

Способы преодоления последствий двигательной депривации, равно как и способы ее профилактики, очевидны – необходимо создавать условия, всемерно способствующие развитию двигательной активности ребенка. Известный русский психолог и педагог И.А. Сикорский подчеркивал, что ребенку необходимо предоставлять свободу действий, поощряя его двигательную активность, чтобы давать ему повод как можно чаще и полнее напрягать и упражнять его мышцы. Это, по его мнению, позволит ребенку постоянно ощущать и помнить о живущей в нем и таящейся силе, о внутренней крохотной, но необъятной мощи, о свежести и энергии всего организма.

Современные представления психологов таковы, что ограничения детей в стремлении двигаться (бегать, лазать, ползать, прыгать) приводят к возникновению тревожности, раздражительности, агрессивному поведению.

1.3 Роль материнская депривации

Когда маленький ребенок имеет нормальные возможности для социального развития и привязан к матери, длительное ее отсутствие или насильственное отделение ребенка от матери приводит к страданию. После

отделения поведение младенца или маленького ребенка проходит ряд типичных стадий:

1. **Протест.** Заключается в энергичных попытках вновь обрести мать или человека, осуществляющего уход.
2. **Отчаяние.** Характеризуется горем и рыданиями.
3. **Отчуждение.** Состоит в формировании различного рода защит с целью компенсировать утрату.

В фазе протеста реакция ребенка на разлуку главным образом характеризуется эмоцией страха. Разлука означает одиночество, которое и сигнализирует о возможной опасности, а следовательно вызывает страх. Страх служит побуждением к бегству от опасности. Единственным способом осуществления этого, доступным для маленького ребенка, является попытка вернуть отсутствующую мать. Когда страх уменьшается, ребенок может выразить свое неудовольствие, выказывая гнев, направленный на «нерадивую» мать как упрек за то, что случилось. Гнев является и предупреждением матери: «Я буду злиться (плакать, кусаться, щипаться), если это снова повториться!».

В фазе отчаяния ребенок проявляет признаки горя. Это особенно заметно, когда ребенок разлучается с матерью на втором-третьем годах жизни. Ребенок этого возраста, до сего имевший теплые отношения с матерью, часто отвергает новую мать или ее «заменитель». Он длительное время сильно и безутешно горюет, находясь в состоянии отчаяния, кричит, стонет, отвергая еду и уход за ним. И чем сильнее и счастливее были у детей отношения со своими матерями, тем больше они страдают.

В последней стадии для младенца и маленького ребенка главным способом избавиться от травмирующего действия разлуки является переориентация на другие привязанности.

Феномен, который сейчас известен под названием «тревоги расставания» (протест младенцев или маленьких детей против затянувшегося материнского отсутствия), изучался в трех ситуациях: в военное время – в

интернатах для эвакуированных детей; в больницах, где дети различное время находятся без матери; в мирное время – в различных учреждениях типа приютов, домов ребенка и т. д. Данные обследования детей, растущих в разлуке с матерью, имеют устойчивые связи с данными анализа детей, имеющими отклонения. Это навело ученых на мысль о необходимости переоценки связи «мать – ребенок», связи, которая не может быть разорвана без серьезных последствий для эмоционального развития ребенка.

Дж. Боулби отмечает, что материнская депривация возникает из-за недополучения материнской любви и является причиной неврозов в будущем.

Материнскую заботу можно условно разделить на ряд составляющих: кормление, уход, прижимание к себе, улыбка, теплота и п.т. Если по одной или ряду составляющих ребенок депривируется, то перейдя определенный порог страдания, депривация приводит к замедленному психическому развитию либо к образованию защитного поведения.

После фазы отчаяния ребенок может впасть в апатию. Его психическое развитие регрессирует. Ребенок, возвращаясь на более ранние этапы развития, начинает демонстрирует свое прежнее младенческое поведение. Он как бы «разучается» говорить, мочится в постель, требует, чтобы его носили на руках. Такое поведение может иногда продолжаться по нескольку недель и даже месяцев.

Эксперименты Х. Харлоу отчетливо выявили, что в формировании чувства привязанности и защищенности неизмеримо большее значение имеет телесный контакт с матерью (теплота, возможность прижаться), чем удовлетворение такой базальной натуральной потребности, как голод. Именно к «мягкой», а не к выкормившей их матери сохраняют на всю жизнь привязанность макаки, над которыми проводились эксперименты. На основании полученных данных ученый делает вывод о чрезвычайно устойчивости ранних связей матери и детеныша.

Любовь к «мягкой» маме в опытах Х. Харлоу позволяет понять и ту привязанность, которую почти все дети испытывают к мягким, пушистым, большим игрушкам. Многие, особенно в возрасте 1,5-2 лет, не могут заснуть без такой любимой игрушки. Специалисты полагают, что для нормального развития ребенка мягкая игрушка совершенно необходима. Она необходима тройне для тех детей, которые воспитываются без матери в домах ребенка.

В американской психологии существует направление практической работы, основывающееся на так и называемой теории привязанности, суть которой состоит в том, что всякое нарушение в психическом развитии связывается с дефектом формирования чувства привязанности к взрослому в раннем детстве. Психологическая коррекция основана на восстановлении чувства привязанности, что в свою очередь подразумевает акцентированные, ярко выраженные телесные контакты. Даже подростков обнимают, качают, прижимают к себе специально обученные воспитатели. В арсенале этой психотерапевтической школы есть и такой метод: комната тишины – пустая комната с ковром на полу, в которой есть очень большая и мягкая игрушка. В эту комнату ребенок может попроситься сам, когда ему очень плохо, или его может поместить туда воспитатель.

Значение ранних эмоциональных связей матери и ребенка для всего его дальнейшего развития особенно хорошо видно на примере соотношения любви, страха и познавательной активности. Согласно Х. Харлоу, первое чувство, которое проявляется в жизни живого существа, – любовь к матери и полноценное развитие ребенка может осуществляться только в контакте с матерью. Эта любовь тормозит появляющиеся позже страх и агрессию, в результате чего подобные чувства испытываются ребенком лишь в ситуациях действительной опасности, а не как реакция на любой новый раздражитель.

Психологи Х. Рейнгольд и Э. Экерман нашли много общего между описанным поведением обезьянок и поведением маленьких детей. Они провели следующее исследование с детьми в возрасте от 0,5 до 5 лет и их матерями. Ученые наблюдали поведение детей, находившихся вместе с

мамами на большой лужайке, измеряя расстояние, на которое ребенок отдалается от матери, и установили, что с возрастом оно постепенно увеличивается примерно на 30 см в месяц. Все дети, начиная с десятимесячного возраста, отползали от матери. Они могли забираться в такие места, откуда мать не была видна, будучи при этом довольными и спокойными, но они постоянно возвращались к матери как к “базе уверенности”. По мнению исследователей, желание отдалиться от матери возникает параллельно с тем, как крепнет связь с ней.

Необходимость проявления эмоциональной теплоты, как ни странно, признается далеко не всеми. Часто даже любящие матери полагают, что детей надо держать в строгости, чтобы они не избаловались, росли самостоятельными. Такие матери стараются не брать младенцев на руки, кормить строго по часам, не подходить, когда они плачут. Последствия подобного воспитания часто печальны: когда детям исполняется 7-8 лет, они часто оказываются клиентами психологических и медицинских консультаций с жалобами на эмоциональные расстройства. А все дело в том, что на первом году жизни ребенок нуждается не в принципиальности матери и не в собственной самостоятельности, а в постоянном, неизменном, безусловном проявлении материнского тепла, любви и ласки.

На развитие организма младенца влияет не только правильное питание и дополнительный уход, но и возможность эмоционального контакта с матерью. Голос матери, ласковое прикосновение, поглаживание, прижимание к груди также важны для грудного ребенка, как и соответствующая пища и соблюдение правил гигиены. Именно возможность получать из внешнего мира соответствующие раздражители дают возможность развития коры головного мозга, а также является своеобразным тренингом для установления эмоционального контакта с окружающими людьми уже во взрослом возрасте.

М. Райбл провел наблюдение над 600 младенцами, лишенными материнской заботы, и пришел к выводу, что отсутствие материнской заботы

может вести к очень тяжелым соматическим расстройствам уже у детей двухмесячного возраста. По его мнению, у детей, живущих в негигиенических условиях, но имеющих постоянный физический контакт с матерью, соматических расстройств не возникает. Между тем, характерные для отсутствия материнской заботы соматические расстройства встречаются даже в самых лучших детских учреждениях, прекрасно оборудованных и обеспечивающих правильный с научной точки зрения уход.

При частой и/или длительной разлуке с матерью ребенок протестует против затянувшегося материнского отсутствия. В случае же, когда дети растут в полной разлуке с матерью можно говорить о **сепарации**, т.е. о массивной материнской депривации. По мнению психологов Дж. Боулби и К. Винникота, это может привести даже к возникновению таких заболеваний у ребенка, как психопатия, депрессия, различного рода фобий (сильных, устойчивых страхов).

На последствия психоэмоционального развития влияет возраст ребенка, в который имела место сепарация и ее длительность. Здесь уместно говорить не только о тревоге расставания, но и о ее последствиях – депрессии и шоке.

В частности, психологи Р.А. Шпиц и Х. Олехнович, исследуя детей раннего возраста, посещавших ясли, установили, что даже, если ребенок не переживал эмоционального шока после отрыва от матери, в его поведении наблюдались реакции эмоционального напряжения.

Эти реакции обычно выражались в двух формах:

1) отчаяние, когда ребенок, оставленный в яслях, плакал почти без перерыва несколько дней, не реагируя на попытки установления с ним эмоционального контакта, а также отказывался от пищи, не участвовал в играх;

2) остолбенение, когда он не двигался, не играл, не выражал никаких эмоций (не радовался, но и не плакал), не протестовал, а с безразличием подчинялся требованиям взрослых.

Тип личности, формирующийся у ребенка, с рождения оказывающегося в условиях материнской депривации, Дж. Боулби обозначал как “бэзэмоциональный характер”. Обобщенный портрет этого типа личности можно представить следующим образом: интеллектуальное отставание, неумение вступать в значимые отношения с другими людьми, вялость эмоциональных реакций, агрессивность, неуверенность в себе.

По мнению ряда исследователей, этот тип личности отличается от типа личности человека, лишенного материнской заботы не с рождения, а позже, когда тесная эмоциональная связь уже возникла. В таких случаях разрыв с матерью начинается с тяжелейшего эмоционального переживания ребенка.

А. Фрейд отмечала, что в норме способность ребенка отделяться от матери является лишь конечным продуктом линии развития, в которой можно выделить ряд различных стадий.

Первая стадия начинается с рождения, когда младенца едва ли можно считать личностью. Как во внутриутробной жизни он был частью материнского тела, так и в первые месяцы после рождения он остается частью материнского существования. Ни один младенец не может выжить без постоянной близости и внимания матери или «материнской» личности. Никто не сомневается, что в это время жизни разлучение матери и ребенка не только не приносит никакой пользы, даже если и необходимо из-за болезни, смерти или других неконтролируемых обстоятельств, но и несет много горя. Эту стадию можно назвать *периодом биологического единства матери и ребенка*.

Близкий и неразрывный контакт с матерью требуется и **на следующей стадии**, которая примерно соответствует второму году жизни. Младенец еще зависит от матери в удовлетворении своих потребностей, которые доставляют ему его же тело и пробуждающийся разум. Обычно незнакомый «заместитель» матери не в состоянии удовлетворить желания ребенка и создать ему комфорт. Чем больше потребности, тем настойчивее младенец

требует присутствия матери, которой дозволено расслабиться только во время сна ребенка или когда он на некоторое время удовлетворен.

Требовательность младенца незаметно развивается в назойливость маленького ребенка, который любит свою мать чрезвычайно доминирующим, диким образом, стремится к возможно большему владению ею. Взрослые, не имеющие опыта воспитания маленьких детей, обычно убеждены, что подобные отношения не нормальны и являются виной матери, что это она «испортила» ребенка, научив его цепляться ко всем.

Тщательные наблюдения показывают, что на этой стадии тесный *контакт матери и ребенка все еще является нормой, что дети яростно протестуют против разлуки*, поскольку она для них противоестественна и болезненна; что этот период приносит много страданий матерям, но он, к счастью, длится недолго; что младенец не «любит» мать, по крайней мере, в правильном понимании этого слова, а нуждается в ней.

И, наконец, наступает **третья стадия**, на которой ребенок обнаруживает свою готовность на короткие промежутки времени расставаться со своей матерью. Он уже не нуждается в ней постоянно. Он готов ко встрече с новыми людьми, готов расширять круг близких знакомых, если, конечно, поначалу эти периоды независимости будут не слишком продолжительны и будет открыта возможность возврата к матери. Развитие на этой стадии достигается действием нескольких внутренних факторов. Наиболее важный среди них – качественное изменение отношений матери и ребенка, которые перестают полностью определяться детскими потребностями. Теперь мать оценивается не только как источник удовлетворения и комфорта, но и как полноправная личность. Ребенок может сохранять любовное отношение к матери даже в ее отсутствие, даже в ситуациях, в которых она не выполняет его желания. Он приобретает то, что можно называть *внутренним образом матери*, который не так просто изменить, который закрепляет отношение к матери на время ее физического отсутствия, при условии, что продолжительность этого отсутствия адекватна

уровню развития ребенка. В пределах этого лимита он может позволить матери уйти, вспоминает ее с добрыми чувствами, без огорчения принимает ее отсутствие, весело встречает ее возвращение.

Уже шестимесячный младенец в первый месяц разлуки плачет, требует мать и ищет кого-нибудь, кто мог бы ее заменить. Второй месяц разлуки характеризуется возникновением реакции избегания: если кто-нибудь подходит к ребенку, он начинает кричать. Одновременно наблюдается падение веса и снижение уровня развития. Третий месяц знаменуется тем, что ребенок начинает избегать всяких контактов с миром, у него развивается апатия и аутизм (замкнутость в себе).

Классическое описание таких реакций можно найти у Р. Шпитца: «Хотя им было по 8-9 месяцев от роду, они лежали или сидели с широко раскрытыми, ничего не выражающими, устремленными вдаль глазами, с застывшим, неподвижным лицом, как в оцепенении. Очевидно, они не воспринимали происходящего вокруг них. Это поведение иногда сопровождалось аутоэротической активностью, и устанавливать контакт с детьми, находящимися на этой стадии, было все более трудно, а затем и просто невозможно».

Интересные данные приводит и Дж. Боулби, который выявил, что подростки, потерявшие мать сразу после рождения, отличаются от сверстников, осиротевших в шестимесячном возрасте и позднее. Последние часто становились правонарушителями, характеризовались ярко выраженным антисоциальным поведением, в то время как дети, оказавшиеся без матери сразу после рождения, не отличались склонностью к правонарушениям, а были просто замкнутыми, неконтактными.

Не менее важно и то, чтобы тепло и забота сосредоточивались в одном человеке. Это не обязательно должна быть биологическая мать ребенка, но важно, чтобы оказавшийся на ее месте взрослый был действительно неизменно любящим, эмоционально теплым. Сама по себе физическая сепарация от родителей и от дома, само по себе длительное пребывание в

детском учреждении не должны обязательно приводить к нарушениям психического развития – все зависит от качества человеческих связей, имеющих в распоряжении ребенка.

Два момента составляют непереносимое условие возникновения у ребенка базового доверия к миру: теплота материнской заботы и ее постоянство.

Отсутствие базового доверия к миру и рассматривается многими исследователями как самое первое, самое тяжелое и самое трудно компенсируемое последствие материнской депривации. Оно порождает страх, агрессивность, недоверие к другим людям и к самому себе, нежелание познавать новое, учиться.

М. Дамборска сравнивала детей из детских учреждений в возрасте 6-10 месяцев с их сверстниками из семьи. Она давала детям новые, незнакомые игрушки, помещала малышей в новую, непривычную для них ситуацию. Оказалось, что дети из детских учреждений в 7 раз чаще испытывали страх, чем семейные. Особенно страшила их новая игрушка.

Обсуждая многие причины неразвитости игровой деятельности у детей из неблагополучных семей, а также воспитанников детского дома, нельзя оставить без внимания ту, которую подсказывает «мама» Харлоу: для того, чтобы играть, ребенку необходимо одно глобальное условие – рядом должна быть мать, возможность контактов с которой позволяет ребенку при столкновении с новым и неизвестным испытывать не ужас, тревогу и страх, а интерес и любопытство. Не тормозить, а развивать активность.

Наиболее распространенная интерпретация описанных фактов – представление о формирующемся на ранних этапах детского развития чувстве базового доверия к миру, основывающемся на теплоте и постоянстве материнской заботы. На этом представлении, в частности, базируется целая теория развития личности, разработанная крупнейшим специалистом в данной области – американским психологом Э. Эриксоном. «Первое социальное достижение ребенка, – пишет он, – заключается в его

непротивлению тому, что мать скрывается из виду, причем без чрезмерной тревоги и гнева ребенка, так как мать уже превратилась в его внутреннюю уверенность, так же как во внешнюю представляемость”.

1.4. Психосоциальная депривация и адаптация ребенка

Тщательное психологическое описание одного из случаев социальной депривации и ее последующего преодоления дали в своей знаменитой работе А. Фрейд и С. Дан. Эти психологи наблюдали за процессом реабилитации шести 3-летних детей, бывших узников концлагеря, куда те попали в грудном возрасте. Судьба их матерей, время разлуки с матерью были неизвестны. После освобождения дети были помещены в один из детских домов семейного типа в Англии. А. Фрейд и С. Дан отмечают, что с самого начала бросалось в глаза то, что дети являли собой замкнутую монолитную группу, что не позволяло относиться к ним как к отдельным индивидам. Между этими детьми не было зависти, ревности, они постоянно помогали и подражали друг другу. Интересно, что, когда появился еще один ребенок – приехавшая позже девочка, ее мгновенно включили в эту группу. И это при том, что ко всему, что выходило за пределы их группы, – заботящимся о них взрослым, животным, игрушкам – дети проявляли явное недоверие и боязнь. Таким образом, отношения внутри маленькой детской группы заменили ее членам нарушенные в концентрационном лагере отношения с окружающим миром людей. Тонкие и наблюдательные исследователи показали, что восстановить отношения удалось только через посредство этих внутригрупповых связей.

Похожую картину наблюдали Й. Лангмейер, З. Матейчек, которые даже разработали типологию депривированной личности ребенка.

Социально гиперактивный ребенок. Такие дети вступают в контакт без затруднений и не смущаясь, причем они отличаются выраженными тенденциями к действиям напоказ, однако общение бывает совершенно поверхностным и непостоянным. Эти дети чрезвычайно живо интересуются

всем происходящим в окружающей их среде, однако, сами принимают в этом лишь совершенно поверхностное участие.

Социальный интерес явно преобладает над интересом к вещам, игре, решению задач. У них не отмечалось ни агрессии, ни социальной провокации, которые характеризуют детей из закрытых исправительных учреждений. Эти дети, наоборот, пользуются в общем симпатией воспитателей. Лишь у своих учителей они вызывают недовольство, так как работают значительно ниже уровня своих интеллектуальных возможностей.

С «чужим» психологом они вступают в контакт совершенно спонтанно, без замешательства и внутренних препятствий. Их трудно увлечь коллективной игрой, зато простая социальная игра может их полностью заинтересовать. Они цепляются за каждого вновь пришедшего, ласкаются к нему, стараются «показать себя», однако в более глубокие отношения не вступают и ведут себя с каждым с одинаковой милой поверхностностью. Они с трудом овладевают новыми навыками и новыми знаниями; из-за постоянного рассеянного интереса к людям они не заботятся о вещах и «плохо учатся.»

Ребенок – социальный провокатор. Данный тип поведения проявляется у детей уже в возрасте около 1 года. Эти дети овладевают вниманием взрослых особым образом – они провоцируют. Они добиваются игрушек злобными вспышками и ни за что их не отдают. Требуют различных преимуществ. В своих отношениях к остальным детям они агрессивны и ревнивы. Они хотят, чтобы воспитатель был только для них. С ними не удается организовать ни социальной, ни конструктивной игры. Их непрерывные конфликты с другими детьми приводят к тому, что окружающие взрослые просто их наказывают, ограничивают и «отказывают им в своей приязни». Такого ребенка педагоги считают просто «противным». Однако вскоре они с удивлением обнаруживают, что когда они с этим ребенком одни, вне коллектива, то это как бы «подмененный ребенок», он «до неузнаваемости мил».

В школьном возрасте агрессивность, особенно мальчиков, еще более возрастает. Они делают все назло, «разрушают» коллектив, до тех пор пока не попадают в исправительные учреждения как «не поддающиеся нормальным воспитательным методам» или совершившие серьезное правонарушение. Однако, позднее, находясь там и попадая в общество старших и более сильных, они быстро теряют свою агрессивность, сохраняя лишь основные черты личности, которые лучше всего можно выразить словом «инфантилизм».

Целый ряд психологических исследований свидетельствует, что у данных детей преобладают тревожные состояния. В оценках коллектива, в котором находятся, они выглядят, однако, в большинстве случаев как неинтересные «труссы».

Подавленный тип. Ребенок этого типа остается явно пассивным и даже апатичным. У многих детей проявляются регрессивные тенденции: умственная отсталость, аутизм.

В результате наблюдения за сложностями перехода из одного учреждения в другое, было обнаружено, что дети реагировали на смену привычной обстановки реакцией подавления. Можно предположить, что подобная реакция является одной из наиболее распространенных, с помощью которой ребенок приспосабливается к новой обстановке.

В детском коллективе и при общении со взрослыми ребенок явно пассивен. Предлагаемую игрушку он берет лишь после длительных сомнений и играет с ней монотонно, примитивно, хотя иногда и сравнительно стойко. Интерес к вещам обычно преобладает над социальными интересами. Конструктивную игру поэтому организовать легче, чем социальную игру. Так как реакция ребенка на приближение взрослого совершенно невыразительна, то он не привлекает ни его внимания, ни интереса. Таким образом, происходит обеднение подкрепляющих стимулов на самом основном уровне: при обычном рутинном уходе, одевании, кормлении и при коллективной игре. На долю описываемых детей достается значительно

меньше стимуляции, меньше возможностей для учения и личного контакта со взрослыми, чем это имеет место у более активных детей. Тем самым опасность задержки развития только углубляется. Однако, если у ребенка с данным типом поведения имеется хотя бы такой набор социальных и эмоциональных стимулов, который предоставляет ему возможность постепенно приспособиться, тяжелые состояния с подавлением, приводящие, скажем, к регрессии развития, чаще всего не возникают.

Тип поведения с подавлением в школьном возрасте может превращаться, главным образом, в «уравновешенный» тип поведения. То, что данный процесс у некоторых детей является непомерно длительным, сопровождаемым различными сдвигами, особенно при некоторых новых переменах среды, а также то, что в отдельных случаях он не заканчивается удовлетворительно (т. е. подавление превращается в их стойкую характеристику), следует относить не только за счет условий учреждений, но и за счет основной психической конституции, с которой ребенок поступает в среду учреждения.

Хорошо приспособленные дети. Справедливости ради необходимо заметить, что в так называемых неблагополучных семьях встречаются дети, у которых даже при строгой оценке нельзя заметить каких-либо отклонений или странностей в поведении. С самого начала становится очевидным, что между ними имеются как дети конституционно каким-то образом «более стойкие» в отношении неблагоприятных жизненных условий, так и дети, которые благодаря своему эффективному приспособительному поведению могут и в обедненной стимулами среде иметь возможность для нормального развития.

По некоторым данным число «хорошо приспособленных» детей, воспитывающихся в условиях семейного неблагополучия уже в школьном возрасте составляет приблизительно 20–25 % от всех детей.

Если над этими детьми проводить непосредственное наблюдение, то можно отметить, что уже «они нашли свое место» и «своих людей». Хотя

персонал в различных дошкольных и школьных учреждениях может меняться, такой ребенок умеет сосредоточиться на какой-либо педагоге и снискать его расположение. Это бывают так называемые «любимчики», на которых сосредоточивается внимание всех или хотя бы большинства тех, кто вступает в контакт с детской группой, причем это не обязательно бывают лишь воспитатели или учителя. Такие дети не провоцируют незнакомых взрослых и не пристают к ним, желая «показать себя», не кокетничают (как дети социально сверхактивного типа), а спокойно и сдержанно вступают в контакт. Они кладут взрослому головки на колени и мило ему улыбаются – понятно, что в качестве ответа их спокойно и нежно гладят. Таким образом, они вызывают у взрослых спокойное, уравновешенное, эмоционально теплое отношение. Опасность для них представляет перемена среды учреждения, например, перевод в другой детский сад или школу, переход в другой класс или оставление на повторный курс обучения, в следствие разрыва сформировавшихся ранее эмоциональных связей. Так как попытки удовлетворить эмоциональные и социальные потребности в новой среде у данных детей осуществляются так же, как правило, с использованием соответствующих и приемлемых средств, то имеется благоприятная надежда, что они снова «зацепятся».

При этом нельзя, конечно, забывать, что их «хорошее приспособление» действительно только для жизненной среды, в которой оно возникло. Причем данная среда, несомненно, в целом более бедна стимулами, отличается более простой структурой и предъявляет меньше требований, чем обычная семейная среда. То, что эти дети умеют в дошкольном возрасте хорошо играть, что они могут удовлетворительно учиться, что они заканчивают школу и свое пребывание в «неблагополучной» семье без каких-либо больших отклонений – все это еще не должно автоматически обозначать, что они способны хорошо приспособиться к условиям жизни вне семьи.

Тип ребенка, с замещающим удовлетворением аффективных и социальных потребностей, характеризуется целым рядом совместных признаков. Данные признаки являются, однако, несколько разнородными. Они не встречаются во всех случаях, все вместе в один и тот же период развития, как это имелось у предшествующих типов. А, скорее, следуют один за другим в соответствии с прохождением ребенком отдельных этапов развития.

При этом в них можно усматривать определенные проявления компенсации за неудовлетворение эмоциональных и социальных потребностей.

Так, например, для детей, воспитываемых с грудного возраста в детских учреждениях, характерно то, что они в целом лучше едят и отличаются большим весом тела, чем дети, которые поступили в учреждения позднее из семей. Но некоторые из них едят явно много, с жадностью. Они в прямом смысле слова объедаются. Дети таким способом возмещают то, что у них нет собственной матери.

У других детей это единственная деятельность, которую они проводят в покое, так как только при приеме пищи – не ощущают потребности защищаться от конкуренции других или добиваться «своих прав».

Кроме того, детей длительно содержавшихся в условиях депривации, весьма часто характеризуют в школьном возрасте как «ябедников», тогда как дети, воспитывающиеся в благоприятных семейных условиях, отличаются более открытой агрессивностью. «Ябедничество» – является определенной формой замещающего удовлетворения, когда детям не представилась возможность получать удовлетворение при непосредственном социальном включении в группу, и когда они сами не способны обеспечить для себя подобное место в группе.

Примечательно, что почти все замещающие виды активности соответствуют, как правило, более низкому уровню, приближаясь больше к биологическим потребностям (еда, мастурбация, сексуальная активность,

манипулирование с вещами вместо контакта с людьми, «ябедничество» вместо активного стремления проникнуть в группу, позднее чрезмерное любование собственной персоной, причем, главным образом, в физическом отношении, скорее, злорадство при боли других, чем положительное чувство дружбы и сочувствия и т. д.).

Чаще всего речь идет о направленности на самого себя в раннем возрасте, о преждевременном и чрезмерном сексуальном любопытстве, что в детском коллективе учреждения вызывает затруднения, о проявлениях садизма, позднее о склонностях к гомосексуализму и т. п.

Склонность к замещающему удовлетворению потребностей обнаруживается чаще всего у детей, воспитывающихся в неблагоприятной семейной среде, где им не уделялись в достаточной мере индивидуальная забота и внимание.

Анализ показывает: чем старше дети, тем в более мягких формах проявляется социальная депривация и тем быстрее и успешнее происходит компенсация в случае специальной педагогической или психологической работы. Однако практически никогда не удается устранить последствия социальной депривации на уровне некоторых глубинных личностных структур. Люди, перенесшие в детстве социальную изоляцию, продолжают испытывать недоверие ко всем людям, за исключением членов своей микрогруппы, перенесших то же самое. Они бывают завистливыми, чрезмерно критичными к другим, неблагодарными, все время как бы ждут подвоха со стороны других людей.

Таким образом, если рассмотреть результаты всех многочисленных работ о развитии детей в неблагоприятной семейной среде и детских учреждениях, то можно отметить, во-первых, что их совершенно преобладающее большинство тождественно и указывает на невыгодные стороны такой воспитательной среды для ребенка. Сравнение развития детей из благополучных семей и из неблагополучных семей, детских домов и интернатов почти всегда подтверждает более замедленное развитие

последних в области интеллекта, чувств и характера. В исследованиях во всех случаях однозначно утверждается, что неблагоприятная среда семьи и детского учреждения затрагивает в особенности детей самого раннего возраста – до 3 или, возможно, до 6 лет. Дети, воспитывавшиеся в неблагоприятной стимульной среде практически от своего рождения, глубже испытывают последствия депривации, чем те дети, которые сталкиваются с лишениями и потерями только в школьном возрасте.

Тот факт, что у детей, вырастающих в тождественных депривационных условиях, также устанавливаются различные формы депривационных последствий, указывает, несомненно, на то, что следует серьезно считаться с индивидуальными факторами, вносимыми самим ребенком в депривационную ситуацию (свойства конституции, пол, возраст, возможно, и патологические признаки и др.). В каком соотношении стоят эти основные индивидуальные предпосылки к определенным депривационным условиям или сумме условий, остается пока открытым вопросом.

У детей, растущих в неблагополучных семьях, наблюдается не просто отставание или недоразвитие личностных образований, а интенсивное формирование некоторых принципиально иных механизмов, позволяющих ребенку приспособиться к жизни в особых условиях и тем самым как бы заменяющих ему личность. Несоответствие этих механизмов социальным нормам предъявляемым "реальным" обществом и приводит к отклонения в поведении детей.

Вместе с тем, если подвести итог всему выше изложенному, можно с той или иной степенью уверенности ответить на вопрос «Обратимы ли последствия депривации?». Американский психолог и педагог М. Айнсворз приводит следующие аргументы:

1. Если рассматривать внешние проявления, то реабилитация после одного короткого переживания депривации представляется весьма быстрой и полной. Некоторые данные, однако, свидетельствуют о повышенной чувствительности к угрозам будущих разлук, т.е. существует, по крайней

мере, одно нарушение “испугом”, что не позволяет считать обратимость полной.

2. Прекращение длительной депривации в раннем младенчестве приводит к быстрой и очевидной нормализации во внешнем поведении и в общих интеллектуальных функциях. Развитие речи, однако, может быть задержано, даже если избавление от депривации произошло до двенадцати месяцев. Влияние изоляции на другие специфические аспекты интеллектуальных и личностных функций не могут быть установлены точно до тех пор, пока не будут проведены специальные исследования.

3. Длительная и жесткая депривация, начавшаяся на первом году жизни и продолжающаяся около трех лет, обычно приводит к тяжелым последствиям для интеллектуальных и личностных функций, практически не поддающихся исправлению.

4. Длительная и жесткая депривация со второго года жизни ведет к печальным последствиям для личности ребенка, не поддающимся исправлению, хотя общее интеллектуальное развитие, по всей видимости, достаточно полно нормализуется.

5. Возраст, в котором началась и закончилась депривация, без сомнения, является важным фактором, определяющим обратимость, но детали еще не ясны и нельзя пока установить точные границы “сензитивных фаз” для развития отдельных процессов.

6. В целом, чем раньше младенца до года избавят от депривации (а следовательно, и чем менее продолжительной она будет), тем нормальнее будет его последующее развитие. Чем старше ребенок после года жизни, тем легче и полнее будет проходить реабилитация после депривации одинаковой продолжительности.

7. Определенные нарушения менее легко и полно поддаются исправлению по сравнению с другими. Эти менее обратимые изменения – нарушения в речи, абстракции и способности к сильным и продолжительным межличностным привязанностям.

8. Интенсивное медицинское, дефектологическое и психологическое терапевтическое воздействие, особенно в очень раннем возрасте, может привести к значительному восстановлению некоторых особо тяжелых нарушений, что невозможно сделать только снятием депривации.

9. Последующие воздействия недостатка, искажения или нестабильности взаимодействий могут значительно усугубить те нарушения, которые, в противном случае, более или менее полно приводят к нормальному развитию.

ГЛАВА 2. ПСИХИЧЕСКИЕ ТРАВМЫ ДЕТСТВА И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

2.1. Дети, пережившие смерть родителей

Детский опыт переживания горя практически в точности повторяет переживание горя взрослыми. Тем не менее, реакции детей проявляются иначе и часто отличаются от тех, которые ожидают от них взрослые. Поэтому мнение, что дети не переживают так сильно, как взрослые, во многом ошибочно. Этому способствует неправильное представление взрослых о детях, будто бы не обладающих опытом горя и эмоциональной болью. Такое мнение, на первый взгляд, не обосновательно. Действительно дети часто смешивают переживания чувств и мыслей. Кроме того они испытывают значительные затруднения, чтобы выразить их. Но, несмотря на то, что маленькие дети не в состоянии выразить свои чувства – им свойственны такие же сильные чувства и мысли, какие бывают характерны и для взрослых.

Как для взрослых, так и для детей, горе является индивидуальным опытом. То, как дети переживают несчастье, зависит от их личности и возраста. Вопреки представлениям некоторых людей, не существует никакого нижнего возрастного предела детскому переживанию горя. Шведские психологи У. Фориндер и Л. Полфелдт утверждают, что для ребенка, еще недостаточно владеющего речью, но уже потерявшего кого-то

из близких, горе приобретает исключительно физический и эмоциональный характер, становится опытом дословесным. Ребенок не может преодолеть свою беду, выговариваясь: у него нет ни своих, ни "чужих" слов. Утрата и горе в раннем возрасте разрушают душу изнутри, например, физическим переживанием, не затрагивая интеллект, - даже когда ребенок позже, став старше, и научится ради преодоления своих проблем пользоваться логикой и речью. Совсем маленький ребенок, переживая горе, как бы отделяется от внешнего мира. Физическое отсутствие значимой для ребенка личности оставляет в нем психологическую пустоту.

Дети младшего возраста (до 5-ти лет) осознают и объясняют мир, учитывая мнения и действия окружающих их взрослых. Ребенок не в состоянии понять значения слов "смерть", "всегда" или "никогда больше не вернется". Он не понимает этих абстрактных слов, ему также трудно понять абстрактные объяснения причин смерти. Ребенок осознает и воспринимает только конкретные действия и события.

Возможно, ребенок будет искать умершего человека, но в конце концов откажется от своих попыток и смирится. Легко неправильно понять эти реакции у маленьких детей и воспринять их как отрицание произошедшего. Скорее, эти реакции являются выражением недостаточного опыта. Дети не понимают, что смерть окончательна, и поэтому думают, что тот, кто умер, может вернуться или что можно пойти к нему или к ней в гости. Они будут реагировать на утрату, становясь надоедливым и раздражительным, или - в более тяжелых случаях – крайне замкнутыми.

Дети, также как и взрослые, принимают действительность постепенно и колеблются между отрицанием и принятием того, что произошло. Детям дошкольного возраста нужно еще и еще раз повторять, что тот, кто умер, ушел и не придет обратно. Дети должны знать, что умерший человек больше не дышит, что его сердце не бьется, он не может говорить, что умерший не может думать и не чувствует никакой боли.

Дети, потерявшие кого-либо из родных, испытывают сильные и зачастую новые для себя чувства, Их пугает то, что они не могут объяснить своих реакций на переживаемое, поэтому они нуждаются во взрослых, чтобы последние помогли им разобраться в происходящем.

В этом случае наилучшей помощью травмированному ребенку будет та, когда другой взрослый включится в его ситуацию и постепенно выстроит надежную эмоциональную связь с ребенком, таким образом, продолжая внезапно прервавшийся диалог. Этот новый контакт может стать впоследствии той прочной базой, благодаря которой ребенок будет в состоянии сам справиться с постигшим его несчастьем.

4-6 летний ребенок думает, что его мысли могут оказывать влияние на окружающий мир. Он живет в иллюзии своего всемогущества, и ему трудно отделить фантазии от реальности. У детей в этом возрасте сильное воображение, причем свои мечты им самим трудно выразить словесно; дети не всегда уверены, существуют ли их фантазии на самом деле, во внешнем мире, или они живут только в их собственном сознании. Это обстоятельство делает механизм детского горя более сложным, в сравнении со взрослым.

Когда ребенок становится старше, то уже знает, что один из родителей или оба родителя умерли и никогда не придут. Да, ребенок до сих пор скучает, тоскует без родителей, но ему также грустно без тех приятных фантазий, которые не состоялись. Эти мечты не могут долго защищать от тяжелых мыслей, и ребенок должна найти новые пути борьбы с ними.

Младшие школьники (7-9 лет) часто задумываются о смерти. В этом возрасте постепенно развивается понимание, что смерть окончательна и что все жизненные функции прекращаются, когда человек умирает. Потом они начинают понимать, что смерть неизбежна, что все - и они в том числе - когда-то умрут.

Они уже хорошо понимают, что целый ряд основных жизненных обстоятельств изменить невозможно. Однако, наблюдая и осмысливая их,

детям еще далеко до того, чтобы управлять этими ситуациями. И эта беспомощность может вызвать у них чувства тревоги и тоски.

Даже в поведении 10-12-летних детей, переживших потерю близкого, можно наблюдать как бы фрагментарность поведения: для них характерно периодическое чередование состояний грусти и развлечений, игр. Но это лишь психологическая защита ребенка от состояния тревоги и страдания.

Представление о смерти становится более абстрактным только к 10 годам: тогда дети лучше понимают, какие последствия несет за собой смерть и больше думают о том, что происходит после смерти. Они задумываются над смыслом того, что произошло, и заняты мыслями о несправедливости смерти.

Обычно дети 10 лет и старше не хотят говорить о том, что произошло, потому что это слишком мучительно. Иногда им нужно достаточно долгое время, прежде чем они смогут говорить о смертном случае. Это может произойти потому, что понимание смерти приходит постепенно. Внезапно у них может возникнуть желание говорить о смерти, даже если в течение долгого времени они казались абсолютно равнодушными. Особенно часто этим «грешат» мальчики, которым часто бывает трудно показать свои чувства, вызванные смертным случаем, так как это противоречит их представлениям о мужской роли.

Тем не менее желание поговорить о смерти – явление позитивное, это возможность нового и более зрелого переживания и понимания смертного случая.

То, как мыслят старшие подростки и юноши, похоже на способ мышления взрослых. Но часто период переходного возраста - нелегкое время для переживания горя. Психологические защитные механизмы ослаблены, подросток изучает себя. "Кто я?" Ему необходимы ролевые модели поведения взрослого, чтобы найти себя или отказаться от чего-то в себе. Потеря матери или отца в это время, возможно, бывает невыносимой. Весь мир становится ребенку чужим, когда он переживает сильное горе из-за

потери значимого для себя человека. Я-концепция, т.е. система представлений ребенка о самом себе, рушится, и иногда это приводит к упадку сил. Разрушенная Я-концепция нуждается в восстановлении. Ребенку следует помочь, чтобы он четко осознал значение того, что случилось до и после перенесенной им травмы, а что является новым, отличным от его прежней жизни.

Когда дети узнают о смертном случае, у них, как и у взрослых, может возникнуть чувство нереальности и сомнения. Иногда они вообще не показывают никаких сильных чувств. Иногда их реакция выражается протестом, слезами и озлобленностью.

В первое время после смертного случая у детей чаще всего наблюдаются сильный страх находиться вдали от взрослых (они всегда хотят быть рядом со своими родителями), у них могут быть проблемы со сном, озлобленность, раздражительность или другой тип деструктивного поведения, привлекающий к себе внимание, замкнутость и стремление к изоляции, печаль, тоска, чувство потери, мучительные воспоминания и фантазии.

Таким образом, дети переживают горе не каким-то определенным образом, а реагируют на него по-разному. Вот несколько самых распространенных реакций.

Тревожность. Смерть легко вызывает страх, что может произойти еще одна катастрофа. Поэтому дети разных возрастов часто высказывают свои опасения, что что-нибудь случится с их близкими им людьми. Дети также могут испытывать страх, что сами умрут. В результате такой постоянной тревоги, бдительности и напряжения у ребенка могут возникать боли в животе, плечах, шее и голове.

Маленькие дети могут постоянно прижиматься к родителям или присматривающим за ними взрослым, выдавая этим свой страх быть разлученными с ними. При крайней степени тревоги они могут не отпускать их ни на одну минуту, воспринимая всякую разлуку как символическую

смерть близкого.

Часто дети хотят спать с зажженной лампой и открытой дверью, чтобы видеть, что взрослые дома и с ними ничего не произошло.

Если ребенок был свидетелем смерти или если он нашел умершего, он может пугаться каждый раз, когда что-то напоминает о случившемся. Например, если смерть произошла в результате автомобильной катастрофы, то при каждом приближении к машине ребенок может чувствовать сильную тревогу.

Замкнутость, изоляция и проблемы концентрации внимания. После смертного случая ребенок начинает «борьбу» с тревожащими его мыслями и чувствами. Он будет стремиться изолироваться. Желание замкнуться в себе и уединиться становится спустя некоторое время характерной чертой для всех людей с подобным опытом. Психологически травмированные дети в дальнейшем всегда более чувствительны к разлуке, нежели другие. Кроме того у него могут ухудшаться результаты в школе, причем как в учебе, так и в поведении.

Печаль, тоска. В раннем возрасте, когда присутствие рядом матери и отца настолько важно для развития ребенка, что он, потеряв одного из родителей, испытывает как бы двойную утрату: оставшийся в живых родитель (мать или отец) из-за собственного личного горя более или менее отстранен от ребенка эмоционально. Вместо утешения и поддержки мать или отец, возможно, ругают ребенка и отвергают его, в то время как нормальные реакции тоски и печали на смерть близкого выражаются, могут выражаться ребенком в назойливости, плаксивости и капризах.

Глубина детского горя не измеряется «объемом» выплаканных слез. Дети могут тосковать не так долго, как этого хотелось бы взрослым. Но не стоит заблуждаться. Дети могут продолжать думать о мертвом еще долго чувствовать печаль и тоску. Они очень скучают. Поэтому у многих из них может возникнуть желание вернуться в те места, где они были вместе с умершим, чтобы «оживить» воспоминания. Некоторые дети реализуют это

свое желание, убегая от приемных родителей или попечителей, или из детских учреждений.

Когда тоска становится невыносимой, бессознательно может возникнуть образ ушедшего («тень отца Гамлета»). У ребенка может появиться ощущение, что умерший находится рядом в комнате и разговаривает с ним. Особенно часто образ умершего может посещать ребенка в сновидениях. Это может как испугать, так и успокоить ребенка. Важно подготовить ребенка к этому, чтобы он знал, что такие вещи возможны и вполне обычны.

Вина. Большинство детей часто задумываются, почему пришла смерть, что ее вызвало. Иногда они считают (возможно из-за ревности), что это их собственные мысли или поступки вызвали смерть. Они также могут возложить вину на родителей.

Для многих детей, особенно более старшего возраста, характерно ощущение связи между способностью совершить какое-либо действие и наказанием. Когда ребенок ощущает в себе сильную склонность к какому-либо проступку, то он закономерно чувствует вину: "Если бы я вел себя хорошо, если бы я был лучше, мама была бы по-прежнему жива!". В этом случае он может выбрать две стратегии поведения:

1. Ребенок может постараться нечто предпринять, чтобы снова как бы вернуться в обычную жизнь. Например, начать вести себя очень хорошо, стать послушным – ведь именно такое поведение ценится взрослыми.

2. Или, возможно, ребенок станет более беспокойным и трудным в общении для того, чтобы его наказали. По его мнению, ведь он этого заслуживает, это он виноват в том ужасном, что произошло. Взрослые же часто совсем не воспринимают подобное вызывающее поведение как признак вины или горя. Поэтому на ребенка обрушиваются брань и наказания за его плохое поведение. В то время, когда при более терпимом отношении взрослых, он мог бы испытать успокоенность и облегчение.

Гнев. Ребенок может испытывать очень сильное чувство гнева, когда

любимый человек умирает. Вспышки гнева в этом случае довольно обычны. Чувство озлобленности, когда кто-либо умирает, вполне естественная реакция на потерю близкого.

Гнев может быть направлен на что-то конкретное, на обстоятельства или определенного человека. В некоторых случаях, когда ребенок настолько потерян, ощущает себя крайне тревожным, бессильным и раздраженным – он выплескивает свой гнев на окружающих и может вести себя деструктивно.

Но нередки случаи, когда гнев, соединяясь с виной, направляется ребенком на себя. Суицидальные мысли, вероятно, являются примером саморазрушения, но они также, быть может, выражают желание ребенка вновь соединиться с умершим. Почти каждому, кто пережил ощутимую потерю близкого человека, приходят в голову мысли о самоубийстве. Взрослые редко задают детям вопросы о самоубийстве, подобные вопросы – табу для многих. Но стоит осведомиться у таких детей, что именно более всего помогло преодолевать горе. И некоторые из них ответят, что по-настоящему давала им силу для продолжения жизни и борьбы с проблемами мысль о возможности прекращения своей собственной жизни.

2.2. Дети, пережившие развод родителей

Как правило, в развод оказываются вовлеченными не только супруги, но и их дети, которые от расставания родителей страдают больше всего. Для детей развод является трагичным происшествием, сродни утрате близкого человека. Ситуация развода в семье наносит большой вред психическому здоровью ребенка, для которого нет и не может быть развода ни с отцом, ни с матерью. Родители не могут стать для него чужими, если сами не захотят этого. К сожалению, принимая решение о разводе, родители часто не думают о судьбе ребенка. Более того существуют данные свидетельствующие о неосознанности многими супругами своей родительской позиции и связанной с нею ответственности за судьбу собственного ребенка. Например, многие молодые родители, заблуждаясь, убеждены, что дети-дошкольники

еще слишком малы, чтобы как-то относиться к разводу. Видимо, по этой причине ситуация развода «окутывается тайной» и многие разводящиеся супруги ничего не говорят детям о предстоящем разводе. В этой ситуации ребенок начинает самостоятельно пытаться объяснить происходящее. Часто бывает так, что некоторые дети-дошкольники или младшего школьного возраста обвиняют в разводе родителей себя: «Я не слушался, плохо вел себя и поэтому папа уходит от нас». В этом случае разубедить их с помощью каких-то логических доводов просто не удастся.

Еще более тяжелые последствия для ребенка наступают позже тогда, когда бывшим супругам не удастся наладить родительское сотрудничество с ребенком. В данном случае имеется в виду расхождение мнений мужа и жены о формах и способах участия в воспитании, в контактах с детьми. Как показывают опросы российских психологов, около половины отцов хотели бы встречаться с ребенком раз в неделю и чаще. Однако лишь пятая часть матерей считают это возможным, а вообще они чаще настаивают на полном отсутствии таких встреч. Однако, большинство отцов в возможных формах участия в воспитании (например, контроле учебной деятельности и успеваемости детей в школе, заботе о проведении ими свободного времени и т. п.) занимают очень своеобразную позицию – они предпочитают после развода такой «беспроектный вариант», как дарить детям подарки.

Согласно данным российских социологов, 80% разведенных отцов ограничивают свои родительские обязанности уплатой алиментов; 10 из 100 не готовы даже на такие скромные жертвы и скрываются от собственных детей. И только 10% отцов выражают готовность заявить о своих родительских правах в полный голос и согласны нести с матерями равную ответственность за судьбу ребенка, активно участвуют в его воспитании.

В ситуации, когда мать не противится встречам ребенка с отцом, возможна следующая метаморфоза. Со временем мать начинает замечать, что ребенок, особенно мальчик, больше привязывается к отцу, ожидая каждой встречи с ним как волнующего события. Это вызывает в ней обиду, гнев и

горечь из-за того, что все будничные заботы о ребенке лежат на ее плечах, а любовь ребенка больше достается изредка приходящему отцу.

В этом случае часто наблюдается манипулирование любовью ребенка при помощи подарков, игрушек и сладостей. Ребенок мечется между родителями, воюющими между собой за его внимание и привязанность, а потом приспособливается и начинает извлекать свою пользу (выгоду) из этой вражды. Подобное поведение родителей может повлечь за собой серьезные деформации в личности ребенка, которые станут явными спустя годы, когда что-либо изменить уже невозможно.

Однако самые серьезные последствия развода родителей для ребенка – его воспитание в неполной семье. При всех усилиях матери неполная семья не может обеспечить полноценных условий социализации ребенка: процесс вхождения его в социальную среду, приспособление к ней, освоение социальных ролей и функций. Уход из семьи отца, который является для сына моделью мужской роли, а для дочери моделью комплементарности, может неблагоприятно проявиться в некоторых адаптационных затруднениях в подростковом возрасте. Например, известно, что лишенные в детстве достаточного общения с отцом, мальчики либо усваивают «женский» тип поведения, либо создают искаженное представление о мужском поведении как антагонистически противоположного женскому и не воспринимают всего того, что пытается им привить мать. Выращенные без отцов мальчики оказываются менее зрелы и целеустремленны, не чувствуют себя в достаточной безопасности, менее инициативны и уравновешенны, у них труднее развивается способность сочувствовать, управлять своим поведением. Им гораздо труднее выполнять свои отцовские обязанности. Девочки, воспитанные без отцов, менее успешно формируют представление о мужественности, в дальнейшем у них меньше шансов правильно понимать своих мужей и сыновей, исполнять роль жены и матери. Любовь отца к дочери очень важна для развития ее самосознания, уверенности в себе, формирования своего образа женственности.

Позднее могут возникнуть затруднения в собственном браке, а также в психологическом и сексуальном развитии. Мать стремится своим влиянием, любовью и заботой компенсировать то, что, по ее мнению, дети не получают из-за отсутствия отца. По отношению к детям такая мать занимает опекающую, охранительную, контролирующую, сдерживающую инициативу ребенка позицию. Это способствует формированию эмоционально ранимой, несамостоятельной, подверженной внешним влияниям, «извне управляемой» эгоистической личности. К тому же ребенок из неполной семьи чаще оказывается объектом нравственно-психологического давления со стороны детей из благополучных полных семей, что ведет к формированию чувства неуверенности, а нередко и озлобленности, агрессивности.

Как уже отмечалось, последствия развода на детях сказываются травматично. Один из самых трудных периодов в жизни ребёнка состоит в том, чтобы пережить и пройти через опыт развода его родителей. Последствия развода могут быть разными для детей в зависимости от их стадии развития, возраста и пола, но дети в любом случае страдают до и после бракоразводного процесса.

После развода родителей, дети, чувствуют потерю стабильности и безопасности, они могут замыкаться в себе, исходя из попытки и желания, объединить своих родителей, а в случае, когда родители всё же расходятся и все их переживания остаются либо тщетными, либо незамеченными – дети чувствуют потерю чего-то самого важного. Чего-то, что было опорой их жизни, их мира.

Дети могут реагировать совершенно по-разному на надвигающийся развод. В некоторых случаях малыши могут быть весьма печальны, переживать депрессии и даже не спать по ночам. Причина столь высокой тревоги заключается в том, что ребенок боится быть отвергнутым, брошенным одним родителем или даже обоими. В некоторых случаях дети могут чувствовать себя очень одинокими, особенно, когда один из родителей подолгу отсутствует в семье и не появляется дома.

Независимо от того, какова ситуация и в чем её причина, сам по себе развод, как таковой может влиять на ребёнка и с другой стороны. Некоторые дети остаются с раной на всю жизнь и чувствуют себя преданными, брошенными, отвергнутыми, а некоторые, не смотря на высокий уровень своих переживаний, проходят через это, свыкаются с этим и идут дальше. Проблема развода не затрагивает их глубинных качеств и тайных сторон души. Конечно же, самое главное в этом процессе это то, как родители сами развивают эту ситуацию.

Можно привести лишь самые серьезные из последствий, отражающихся на детской психике во время развода:

- Дети считают, что их больше не любят родители.
- У детей появляется чувство брошенности и запустения, которое со временем может трансформироваться в желание уйти из дома.
- В результате невозможности помирить родителей и сделать что-то для сохранения семьи дети чувствуют свою беспомощность и своё бессилие
- Беспомощность, тревога, разочарование в совокупности с гневом из-за невозможности изменить ситуацию может выливаться в неприкрытые приступы агрессии как в сторону одного родителя (виновника ситуации), так и обоих.
- Дети винят себя, полагая, что это они что-то сказали или сделали не так, и что именно их какой-то поступок привел родителей к разрыву
- Дети во время развода родителей переживают боль и скорбь сравнимую по силе только со скорбью смерти.

2.3. Дети из семей алкоголиков

Развитие детей в семьях, где отец и/или мать злоупотребляют алкоголем протекает с тяжелыми нервно-психическими отклонениями. У таких детей низкий интеллектуальный уровень обычное дело. Здесь в первую очередь речь идет о детях с алкогольным синдромом плода, когда причиной

задержки психического развития оказывается интоксикация алкоголем и продуктами его метаболизма центральной нервной системы плода. Во вторую очередь, это касается так называемых "педагогически запущенных детей", внутриутробное развитие которых протекало нормально; рождение и первые недели не были отягощены алкогольной интоксикацией, а низкий уровень их интеллектуального развития обусловлен отсутствием всестороннего воспитания в раннем детстве.

Узкий круг интересов родителей, очень кратковременное общение с детьми, невнимание к их актуальным потребностям и нуждам не позволяют ребенку приобрести первоначальный жизненный опыт, элементарные знания, необходимые для нормального формирования сознания, продуктивной умственной деятельности.

Кроме того, у этих детей нередко обнаруживается чувство собственной ненужности, безысходной тоски по лучшей жизни в семье. Длительное истощение нервной системы приводит к глубокому нервно-психическому утомлению. Поэтому в школе их отличает заметная пассивность, безразличие к окружающему. Нередко протест против безысходного положения в семье проявляется в стремлении к лидерству в школьном классе. Однако из-за низкого уровня интеллектуального развития они самоутверждаются среди сверстников и стремятся обратить, привлечь внимание взрослых, совершая неблагоприятные поступки, балуются на уроках и озорничают на переменах.

Психологи отмечают, что дети лиц, злоупотребляющих алкоголем, не только имеют стабильные проблемы с учебой и поведением в школе, но и гораздо чаще пребывают в состоянии страха и горя, подвержены депрессиям, могут вести себя неадекватно, страдают заниженной самооценкой, нарушениями сна, ночными кошмарами.

Дальнейшее развитие и поведение ребенка определяется тем, какую стратегию адаптации он себе избрал в семье. Ролевая палитра может быть самой разнообразной.

Ужасный ребенок. Это дети, которые своим вызывающим поведением заставляют обращать на себя внимание и создают лишь хлопоты и напряженные ситуации. Подобная тактика имеет ярко выраженную «замаскированную» цель – отвлечь родителей от проблемы алкоголизма и заставить их сконцентрироваться на проблеме «ужасного» поведения ребенка. Кроме того такое поведение дает выход агрессии, которая обычно накапливается у детей из семей, злоупотребляющих алкоголем, и не находит выхода в других видах деятельности. Еще один «плюс» – в относительной безопасности оказываются братья и сестры, поскольку внимание родителей поглощено в это время проблемой «шкодливого кота».

Псевдородитель. Эти дети часто берут на себя функции одного или обоих родителей. И взваливают на себя значительную долю ответственности за семью, ответственность, несоизмеримую с возрастом. Они ходят в магазин и готовят еду, убирают и стирают и готовы делать еще тысячу дел в попытках уберечь семью от полного краха. Как бы тяжело не напрягались эти дети, они делают это для того, чтобы преодолеть чувства неполноценности и вины. На удовлетворение собственных потребностей не остается ни сил, ни времени. Все силы и внимание отданы заботе о других. Часто это качество остается на всю жизнь, проявляясь в поисках тех "других", о которых можно заботиться (порой даже в ущерб собственному развитию). Такие дети часто очень хорошо учатся, но обладают заниженной самооценкой.

Шут гороховый. Еще один способ для ребенка из семьи, злоупотребляющей алкоголем, приспособиться к действительности и таким способом избавиться от стресса – это высмеивать всех и вся. Таких детей отличает заикленность на шалостях, они все время паясничают, переключая внимание с серьезного на смешное, убогое и никчемное окружение. Они шутят и говорят глупости по всякому поводу. С ними становится трудно общаться. Со временем шутовское поведение надоедает окружающим и ребенка перестают воспринимать всерьез. Поэтому эти дети очень часто

испытывают трудности как в отношениях с другими, так и по отношению к самому себе.

Человек-невидимка. Часть детей выбирают роль "пустого места", стараясь никогда не привлекать к себе внимание. Они могут часами тихо сидят в своей комнате, сосредоточившись на играх или погрузившись в фантазии. Стремятся никогда не мешают взрослым. Поэтому их оставляют в покое. В компаниях они стараются всем угодить и не выдвигают никаких требований.

Тактика «с глаз долой – из сердца вон» может со временем трансформироваться в более серьезные отклонения в поведении, например, в анорексию (отказ от еды). Девочки изнасилованные в детстве отцом или отчимом могут предпринимать попытки самоувечий с тем, чтобы сделать себя непривлекательным и избежать повторного инцеста.

Больной. У роли «больного ребенка» два истока: либо на нервной почве – когда болезненное состояние проявляется в головных болях, болях в животе, плохом самочувствии, энурезе, нервных тиках, страхах; либо это может быть реальное заболевание. И в том и в другом случаях внимание родителей сосредоточивается вокруг больного.

В первом случае симптомы заболевания выполняют функцию защиты. Не так-то просто требовать чего-то от больного человека и ссориться с ним. К тому же «болезненный» ребенок может рассчитывать на большее внимание со стороны матери или избегать нелюбимых занятий в школе и домашних поручений.

Во втором случае бывает сложно лечить заболевание должным образом, так как оно может сопровождаться бессознательным сопротивлением со стороны ребенка. При эффективном лечении ребенка будет нарушен «отвлекающий» сценарий. Следовательно, семья в целом ничего не выигрывает, когда ребенок выздоравливает. Часто выздоровевшие дети в семьях алкоголиков выглядят еще более неухоженными.

Ребенок из семьи, злоупотребляющей алкоголем, может сталкиваться с серьезными трудностями в межличностных отношениях с другими детьми. Недостаточно развитое чувство собственного достоинства, заниженная самооценка, робость приводят к тому, что в глазах окружающих такой ребенок становится чем-то вроде «отверженного», которым либо помыкают, либо просто игнорируют и выталкивают из игр, компаний и т.д. Вместе с тем у такого ребенка может появиться потребность доминировать в коллективе и властвовать над другими людьми. В этом случае ребенок становится тем агрессором. Для достижения главенствующего положения он может не только драться, но и становиться хвастуном, придумывающим о себе разные небылицы. В результате, никто из детей не хочет с ним дружить.

Развивающееся с годами неверие в себя, низкая самооценка делают таких детей очень уязвимыми и податливыми для сомнительного рода компаний. В своем стремлении быть среди "избранных" они могут отдавать себя во власть более сильного лидера и поэтому рискуют быть вовлеченными в различные занятия недостойного и просто преступного характера.

Не встречая поддержки и понимания в семье, сталкиваясь с неудачами в попытке установить связи в школьном окружении, ребенок оказывается в своего рода социальном вакууме. Он чувствует себя заброшенным, одиноким и никому не нужным. Один из родителей целиком сосредоточен на спиртном, другой - на спасении спивающейся «половине». Ребенок и его потребности просто не имеют шансов быть замеченными в таком окружении. Подобное положение очень сильно переживается ребенком. Он чувствует себя сиротой при живых родителях.

Повседневная жизнь детей из семей, злоупотребляющих алкоголем, постоянно сопровождается эмоциональным стрессом. Состояние ребенка, к которому предъявляются непосильные требования, следует рассматривать как кризисное. Тяжесть последствий, вызванных проживанием в семье алкоголиков зависит от того, насколько ребенок сумел осмыслить и эмоционально переработать происшедшее. Но так или иначе жизнь в семье

алкоголиков не проходит бесследно и отражается не только на психическом состоянии ребенка, но и на его судьбе.

ГЛАВА 3. НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

3.1. Социально–психологические факторы семейного насилия

Насилие в семье часто провоцируется взаимодействием различных личностных и ситуативных факторов. Остановимся более подробно на наиболее существенных из них.

Личность ребенка как фактор насилия. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют, что целый ряд особенностей личности и развития ребенка могут вызвать в родителе агрессию, недовольство, раздражение и последующее за этим насилие.

Высокий риск стать жертвами насилия имеют дети со следующими проблемами в психическом и физическом развитии:

- нежеланные дети, а также те, которые были рождены после потери родителями предыдущего ребенка;
- недоношенные дети, имеющие при рождении низкий вес;
- дети, живущие в многодетной семье, где промежуток между рождениями детей был небольшим;
- дети с врожденными или с приобретенными увечьями, низким интеллектом, с нарушениями здоровья (наследственными или хроническими заболеваниями, в том числе и психическими);
- с расстройствами и особенностями поведения (раздражительность, агрессивность, непокорность, непослушание, импульсивность, гиперактивность, непредсказуемость поведения, нарушения сна, энурез);
- с определенными свойствами личности (апатичность, замкнутость, равнодушие, чрезмерная зависимость, лживость);
- с привычками, действующими на нервы родителям (грызение ногтей, ковыряние в носу, кривляние, манипулирование гениталиями);

- с низкими социальными навыками (несамостоятельные, некоммуникативные, не имеющие друзей);
- с особенностями внешности, отличающейся от других или тяжело переживаемой родителями, с которыми они никак не могут примириться («ушастые», «сутулые», «кривоногие», «толстые»);
- дети, чье вынашивание и рождение было тяжелым для матерей, которые часто болели и были разлучены с матерью в течение первого года жизни.

Каждая из перечисленных выше особенностей или их комбинация увеличивают в семье дистресс и вероятность проявления насилия к ребенку.

Личность родителя как фактор насилия. Физические, индивидуальные и личностные особенности самого родителя и его способность налаживать коммуникацию с ребенком также могут провоцировать насильственное поведение.

1. Особенности личности родителя. Как было установлено, риск насилия взрослого над ребенком возрастает, если родители обладали такими психологическими качествами и свойствами как ригидность, доминирование, тревожность, быстрая раздражительность (особенно на провоцирующее поведение ребенка), низкая самооценка, депрессивность, импульсивность, зависимость, низкий уровень эмпатии и открытости, низкая стрессоустойчивость, эмоциональная лабильность, агрессивность, замкнутость, подозрительность и нарушенные процессы самоидентификации.

2. Негативное отношение родителя к окружающим и неадекватные социальные ожидания в отношении ребенка. В этом случае родители оценивают поведение ребенка как сильную «помеху». Их отличает недовольство и негативное самоощущение. Они чувствуют себя несчастными, недовольными своей семейной жизнью, страдающими от стресса.

3. Низкий уровень социальных навыков. Для таких родителей характерно отсутствие умений вести переговоры, решать конфликты и проблемы, совладать со стрессом, просить помощи у других. При этом часто срабатывает такой механизм психологической защиты как отрицание – наличие проблемы

игнорируется, чтобы не принимать помощь окружающих. Насилие над детьми является семейным секретом, который тщательно скрывается и открыто не обсуждается, поскольку вызывает страх обвинений в родительской некомпетентности, стыд, вину и т. д.

4. Психическое здоровье родителя. Определенные психопатологические отклонения у родителей, их невротичность, депрессивность, склонность к суицидам увеличивают риск применения насилия в отношении детей.

Родители, склонные к насилию, могут страдать некоторыми расстройствами личности и нарушениями поведения. Например, у лиц, страдающих синдромом зависимости, присутствуют изменения личности и аффективные нарушения, которые приводят в дальнейшем к психопатизации личности. Их характеризует перемена настроения в отношениях с людьми, нарушение самосознания, отсутствие ясных и постоянных целей, плохой контроль над своими желаниями и действиями. Ригидность, плохая социальная толерантность, конфликтность детерминируются категоричностью мышления, склонностью к крайним эмоциям и манере поведения, которые часто переходят границы и приводят к насилию. Родитель с *делинквентным поведением, социопат*, может крушить, красть, причинять телесные повреждения окружающим. Он не в состоянии планировать и контролировать свои действия, импульсивен и склонен к насилию, у него снижен инстинкт самосохранения, и он также беспечен по отношению к своим родным.

5. Алкоголизм и наркомания родителей. Вызванные различными психофармакологическими проблемами аффективные и поведенческие нарушения: агрессивность, гиперсексуальность, раздражительность, ослабленный контроль над своим поведением, нарушения координации, сниженная критичность, деформация личности увеличивают риск насилия над детьми. Часто в результате опьянения или наркотизации процессы торможения ослабевают, резко ухудшается внимание и способность мыслить, снижается самоконтроль и критическое восприятие себя и своих действий, что приводит к неадекватной оценке происходящего. Так, малейшее невыполнение ребенком

зачастую противоречивого распоряжения или запрета может вызвать сильный аффект ярости и агрессии. Тот же механизм может срабатывать и при сексуальном насилии: в состоянии опьянения растормаживается половое влечение, утрачивается контроль и критика, в результате это приводит к злоупотреблению ребенком.

6. Проблемы со здоровьем. К факторам, увеличивающим риск насилия, также могут относиться патологически протекающая беременность, прервавшаяся беременность, тяжелые роды. Все что влияет на нервную систему и делает женщину не резистентной к стрессовому воздействию.

7. Эмоциональная невосприимчивость и умственная отсталость. Родитель не всегда понимает и может оценить физическое и психическое состояние ребенка, особенно больного, течение и последствия его болезни, поэтому может оставить ребенка без необходимой помощи.

8. Неразвитость родительских навыков и чувств. Дефицит родительских чувств и навыков чаще всего характерен для молодых, умственно отсталых, психически больных родителей.

Молодые родители, часто являясь незрелыми и не вполне компетентными, не могут взять на себя ответственность, не обладают необходимыми знаниями о развитии и воспитании ребенка. Такие родители всегда испытывает страх, что не справится с требованиями, поэтому бывают раздражительны и агрессивны. Они не в состоянии подавить собственную агрессию и гнев по отношению к ребенку. Боясь потерять контроль над ребенком, молодые родители часто используют авторитарный метод воспитания, а наказание рассматривают как единственный «эффективный» способ коррекции поведения ребенка. Часто это обусловлено незнанием других способов воспитательного взаимодействия с ребенком. При этом агрессия, сопровождаемая депрессией и тревогой, снижают толерантность к стрессу, способность справляться с возникающими трудностями в воспитании.

Некоторые родители не понимают потребностей ребенка, не способны оценить его умения и способности, в результате чего предъявляют к нему требования, которые он не может удовлетворить. У родителей, склонных к проявлению насилия, часто отсутствуют коммуникативные навыки, позволяющие им справиться с агрессивным поведением ребенка. Они убеждены, что ребенок существует для удовлетворения их эмоциональных потребностей и что он должен быть послушным, чутким, ласковым, понятливым, не огорчать, а только любить их и радовать.

Структура семьи и модель общения как факторы риска.

Исследования показывают, что факторы и условия, которые способствуют жестокому обращению с детьми достаточно многочисленны (Browne, 1988 и Straus, 1980):

1. Неполные и/или многодетные семьи. Часто из-за более тяжелого материального положения, занятости на работе, дефицита свободного времени у родителей, неравномерного распределения внимания детям неполная или многодетная семья создают больше предпосылок для переживания стресса, чем обычная семья. Нестабильность семьи, которая существенно затрудняет формирование семейной системы, является серьезным стрессогенным фактором как для родителя, так и для детей (например, когда мать часто меняет сожителей). Во-первых, отношения между детьми и сожителем складываются по-разному и часто неопределенны из-за статуса «нового члена» семьи; во-вторых, они отличаются непостоянством, и в-третьих, могут быть обусловлены своеобразной, «центрированной на сожителе» позицией матери..

2. Семьи с отчимом или приемными родителями. Как показывают многочисленные исследования, например, риск сексуального насилия над девочкой в семьях с отчимом увеличивается.

3. Конфликтные или насильственные отношения между членами семьи. Как уже отмечалось, родители, применяющие насилие при разрешении конфликтов между собой, склонны использовать его с целью подчинения и по отношению к детям. Женщины, испытывающие насилие от мужа, достоверно

чаще проявляют его к своим детям. В семьях с неравномерным распределением власти между родителями — при доминирующей гиперпротекции — применение насилия над детьми наиболее вероятно. Также семьи с размытыми, неопределенными семейными ролями и функциями, с неустойчивым стилем воспитания, когда к детям применяются непоследовательные и противоречивые требования, имеют высокий риск применения насилия к ребенку. Семьи, в которых проявляют насилие к детям, отличаются недостаточными и нарушенными эмоциональными связями и коммуникация между членами семьи, как следствие этого — несформированная и неэффективная психологическая поддержка и низкий уровень семейной сплоченности.

4. *Проблемы между супругами* Финансовая, психологическая, сексуальная неудовлетворенность супругов, отсутствие или недостаток эмоциональной поддержки и теплоты влияют на психологическое благополучие матери и в конечном итоге определяют ее отношение к детям. В частности, по мнению Cooney (1995), брошенная или неудовлетворенная отношениями с мужем женщина с высокой степенью вероятности не сможет проявить нежность и установить близость со своим ребенком.

2. *Межпоколенная эстафета.* Как уже отмечалось ранее, родители, испытавшие или видевшие в детстве насилие или пренебрежительное отношение, склонны к нему в обращении со своими детьми. С раннего возраста родители–жертвы усвоили модель агрессивного поведения по отношению к другим людям и членам семьи. И здесь снова необходимо обратиться к механизму «идентификации с агрессором». Ребенок, с которым плохо обращались, отождествляет себя со своим родителем–насилем и учится тому же. Насилие для таких ставших взрослыми детей — наиболее приемлемый и привычный способ разрешения межличностных конфликтов и дисциплинирования собственных детей. Например, А. Грин отмечает, что существенная часть родителей, применивших сексуальное насилие к своим детям, сами пережили в детстве сексуальное злоупотребление. Это закрепило *инцестную модель поведения*, согласно которой допускается использование детей в качестве сексуального

партнера. Более того, те родители, которые не применяют насилия, но и не могут защитить своих детей от насилия другого родителя, могут формировать у детей *модель беспомощного родителя*. Именно матери, имеющие травматический опыт детства, не в состоянии защитить детей от сексуального насилия своего партнера, по той причине, что отождествляют себя со своей матерью, которая не заботилась о них и не защищала.

В связи с этим, как показывают исследования, родителей, страдавших в детстве от насилия, отличает низкая самооценка, социальная изолированность, переживание хронических повседневных стрессов, трудности при формировании близких отношений, особенно со своими детьми. Травматический опыт детства может снижать их родительскую компетентность. Пережитая ими заброшенность, пренебрежение и отсутствие любви, иногда в сочетании с требованиями беспрекословного подчинения, сформировали недоверие к людям и собственному ребенку в частности. Очень часто они повторяют ту же модель поведения: суровые требования и наказания.

5. Проблемы взаимоотношений родителя и ребенка. В семьях, где между родителем и ребенком не формируются отношения привязанности, существенно возрастает риск проявления насилия. Кроме того, в старшем возрасте у ребенка могут быть трудности в формировании самостоятельности и близких отношений, поскольку отсутствуют подходящие условия и образцы для подражания и приобретения основных навыков общения с людьми, усвоения действующих норм морали, формирования умения решать собственные проблемы, устанавливать необходимые эмоциональные связи. Это подтверждается многочисленными исследованиями, которые проводились в семьях с зависимыми, асоциальными и делинквентными родителями.

Кроме того, у родителей, применяющих физическое и сексуальное насилие, может быть нарушено адекватное восприятие своего ребенка. В частности, в семьях с жестоким обращением можно наблюдать феномен «перевертывание ролей», когда родители ждут от детей удовлетворения своих желаний и выполнения некоторых родительских обязанностей (например,

стирки белья, приготовления пищи, уборки, ухода за другими детьми и т. д.). Если ребенок в роли «родителя» не выполняет свои обязанности, то его наказывают. Эта же схема используется и в семьях инцестными отношениями: отец общается с дочерью как с супругой или любовницей, причем мать в роли «жены» либо игнорируется, либо сама отказывается от выполнения этой роли. В этом случае именно ребенку приходится нести ответственность за сексуальную удовлетворенность своего отца, а также за сохранение семьи.

7. Эмоциональная и физическая изоляция семьи. Изоляция проявляется в отсутствии социальных контактов, формальной и неформальной поддержки. В частности, отсутствие кого-то из близких с кем бы можно было бы поделиться проблемами, кому можно было бы довериться, на кого можно было бы оставить ребенка, что бы уделить время себе, устранение одного из родителей от воспитания ребенка и пр.

Социально-экономические факторы насилия в семье. К такого рода факторам, провоцирующим проявление насилия, относятся: низкий доход семьи и постоянный дефицит денежных средств; безработица или временная работа, а также низкий трудовой статус родителей (работающие родители меньше склонны к насилию); размеры и состав семьи; возраст родителей;; принадлежность к групповому (этническому, религиозному) меньшинству; плохие жилищные условия; отсутствие социальной помощи и пр. Эти хронические стрессовые ситуации часто вызывают у родителей фрустрацию и чувство беспомощности и оказывают существенное влияние на психологический климат семьи. В результате ребенок может стать, а часто и становится «козлом отпущения».

Было установлено, что родители, существующие в перечисленных выше условиях, в большей мере склонны к насилию, чаще других попадают в стрессовые ситуации и находятся в условиях хронического дистресса. Было обнаружено, что применяющие насилие и оставляющие детей без присмотра матери более изолированы от общества, имеют меньший круг друзей и знакомых, проводят в собственной родительской семье больше времени, чем

заботливые матери. Инцест чаще встречается в социально изолированных сообществах. Отцы, неспособные к созданию нормальных социальных отношений вне семьи, используют детей для удовлетворения своих сексуальных потребностей особенно в период супружеского кризиса. Кроме того, исследования показали, что, будучи ожесточенными и разочарованными в своих возможностях найти или сохранить постоянное место работы и таким образом материально обеспечить себя, они выплескивают на детей свое напряжение, гнев и разочарование. Вынужденные в рабочие дни оставаться наедине с детьми, они чаще срываются, наказывая их даже за маленькие шалости и непослушание. При этом отец/отчим, находясь с детьми в дневное время, получает все условия для сексуального злоупотребления детьми.

3.2 Эстафета насилия

Передача модели насильственных отношений от одного поколения к следующему осуществляется через трансляцию родителями агрессии детям. Именно образец отношений и поведение родителей оказывает существенное влияние на обучение детей агрессивному поведению. Было установлено, что дети, видевшие проявления физического насилия в отношениях между собственными родителями, склонны воспроизводить подобные действия в общении с другими людьми. Этот феномен имеет длительный эффект: люди, бывшие в детстве свидетелями физического насилия между родителями и подвергающиеся телесным наказаниям, во взрослом возрасте сами становятся склонными к использованию физической силы в отношениях с супругами и агрессии в отношении собственных детей. Кроме того, насильственные отношения между супругами в семье повышают вероятность использования этими родителями физического насилия по отношению к собственным детям. По некоторым данным приблизительно 30 %, тех, кто был свидетелем агрессии между родителями и был жертвой физических наказаний, во взрослом возрасте совершают насилие.

Эстафета насилия становится возможной в результате совокупного воздействия целого ряда эндогенных и экзогенных факторов.

Агрессия и насилие от одного поколения к другому может транслироваться благодаря различным моделям (Рис.).

Первая модель – через *процессы полоролевой идентификации ребенка с родителем*, когда ребенок является свидетелем агрессивных взаимоотношений между собственными родителями в супружеских отношениях.

В целом *супружеское насилие* – это неправомерное использование, употребление силы, власти и контроля, это попытка принуждать и управлять супругом через физическое или психологическое воздействие.

Физическое воздействие включает – истязания, пытки, избиение, толчки, царапание, кусание, хватание, удушение, посягательства сексуального характера, использование холодного и огнестрельного оружия.

Психологическое воздействие включает – многообразные разновидности принуждения (коммуникативного, сексуального, экономического и пр.), основу которых составляют вербальная и косвенная агрессии и различные формы проявления негативизма.

Полоролевая идентификация – это процесс и результат формирования у ребенка образа Я, который содержит элементы половой и ролевой идентичности, образующих в совокупности интрапсихическую модель взаимодействия с окружающими на основе представлений о маскулинности и феминности [3]. Восприятие ребенком физических и поведенческих различий у родителей, сиблингов и сверстников, побуждает его не только отнести себя к определенной категории, но и вести себя соответствующим образом Я способом.

Известно, что чаще всего ребенок идентифицируется с родителем одного с ним пола. В итоге, результатом идентификации для девочек является осознание собственной принадлежности к женскому полу, отождествление с материнской ролью в отношениях с отцом и с материнской

Рис. Схема эстафеты агрессии и насилия в семейных отношениях

манерой взаимодействия с окружающими, а для мальчиков – формирование чувства мужественности, навыков регуляции агрессивного поведения, заимствование мужской модели взаимодействия с матерью, другими женщинами. Психоналитики обычно рассматривают идентификацию как бессознательный процесс, отличный от сознательной имитации, способствующий процессу научения, здоровому становлению Эго и на адаптации в целом.

Первоначально данная модель поведения может проходить апробацию в подростковом и юношеском возрастах в романтических отношениях с противоположным полом. Если между партнерами устанавливаются бесконфликтные отношения доминирования–подчинения и агрессор не будет встречать сопротивления со стороны жертвы, то с большой степенью вероятности можно ожидать, что эти отношения будут развиваться по ненасильственному сценарию. Если конфликт в сфере обладания властью и контроля над партнером не разрешается и агрессор сталкивается с сопротивлением жертвы, то с большой степенью вероятности можно ожидать, что эти отношения будут развиваться по насильственному сценарию. Реакция смирения со стороны жертвы будет усиливать установку агрессора на насильственные действия в отношениях с противоположным полом.

Как показано в многочисленных исследованиях чаще всего в супружеских отношениях в качестве агрессора выступает муж, а жена в качестве жертвы. Однако не всякий мужчина и не всякая женщина в семье выступают соответственно в роли агрессора и жертвы.

Личность агрессора (мужа) отличают следующие характеристики:

- импульсивность, фрустрационная неустойчивость, склонность к аффективным вспышкам гнева;
- низкая самооценка;
- гипертрофированная потребность во внимании;
- эмоциональная зависимость от партнера;

- собственнические установки;
- стремление контролировать ситуацию в семье;
- ригидность ожиданий в супружеских отношениях;
- ревнивость.

Личность жертвы (жены) отличаются следующие характеристики:

- экономическая и/или эмоциональная зависимость от мужа;
- ощущение бессилия, смирение с мыслями о насилии и нежелание его остановить;
- неспособность разделять свои собственные потребности и нужды мужа;
- низкая самооценка;
- нереалистические убеждения, что поведение насильника можно изменить;
- уверенность, что ревность и физическая агрессия – доказательство любви.

Таким образом, с высокой вероятностью можно предположить, что если в результате полоролевой идентификации мальчик идентифицируется с отцом–агрессором, а девочка с матерью–жертвой, и эти роли закрепляются в результате опыта экспериментирования в сексуально–агрессивных отношениях с противоположным полом, то в будущей их супружеской жизни значительно возрастает риск воспроизведения этой системы отношений во взаимодействиях с собственными супругами, а также ретрансляции ее собственным детям.

Вторая модель – через *наблюдение соответствующего способа действий и механизм идентификации с агрессором* в результате использования в семье физических наказаний в отношении детей.

Физические (телесные) наказания – это использование физической силы с намерением воздействовать на ребенка, чтобы он почувствовал боль,

но без нанесения серьезного ущерба (ран, увечий, ожогов и пр.), с целью исправления или контроля его поведение.

Наблюдение соответствующего способа действий. В период взросления и социализации поведение детей часто ориентировано на образец, поэтому они с готовностью воспроизводят поведение взрослых. Следование образцу поведения взрослых, особенно родителей, позволяет детям достаточно эффективно осваивать широкий спектр способов межличностных отношений. Исследованиями доказано влияние первичных посредников социализации, а именно образца отношений и поведения родителей, на обучение детей агрессивному поведению. Поведение родителей представляя собой модель агрессии приводит к тому, что у агрессивных родителей обычно вырастают агрессивные дети.

Для научения агрессивной модели поведения используются три способа:

Копирование – воспроизведение специфических действий взрослого или движений, входящих в состав действий с определенными предметами. Для эффективного копирования насильственной модели поведения необходимы:

- неоднократная демонстрация агрессивной модели (образца) поведения;
- предоставление ребенку возможности поэкспериментировать с образцом в реальных взаимоотношениях с окружающими;
- эмоционально насыщенное одобрение со стороны взрослого за воспроизведение агрессивной модели поведения.

Подражание – активное воспроизведение ребенком способов действия, когда взрослый выступает как объект наблюдения, пример как в предметной, так и в межличностной сфере (отношения, оценки, эмоциональные состояния и пр.). Это в большей мере не только осознанное следование агрессивному образцу, но и воспроизведение отдельных сторон, черт, манеры поведения образца.

Эффективность копирования и подражания, а в последующем и закрепление агрессивной модели значительно возрастает, если либо такое поведение подкрепляется, поощряется родителями или другими значимыми взрослыми, либо вознаграждается успехом достижения цели, получения власти, контроля или привилегий.

Идентификация с агрессором. Это механизм защиты, который срабатывает, когда ребенок сталкивается с опасностью: критикой, вербальной или физической агрессией со стороны родителей. Ребенок идентифицируется с агрессором посредством приписывания себе самого акта агрессии, подражания физическому и моральному облику агрессора, заимствования некоторых символов его власти. Здесь наблюдается эффект оборачивания ролей: жертва представляет себя агрессором и часто становится таковым, чтобы защититься, избежать страданий, болезненных ощущений и сознавания себя в роли жертвы.

Как показано в многочисленных исследованиях чаще всего в родительско–детских отношениях в качестве агрессора выступают отец или мать, а дети в качестве жертвы.

Риск насилия в отношении ребенка возрастает, если агрессор и жертва обладают определенными физическими, психологическими или поведенческими особенностями и способностями налаживать коммуникацию с ребенком.

Таким образом, когда родители демонстрируют личный пример агрессивного поведения, они тем самым «преподают урок» научения насилию:

эффект адаптации – ребенок, ставший свидетелем насилия со стороны родителей, приобретает для себя совершенно новый опыт поведения, то есть через наблюдение он обучается вербальным и/или физическим реакциям, которые ранее отсутствовали в его поведенческом репертуаре и с помощью которых можно причинять вред окружающим либо защитить свои интересы;

эффект снятия запретов – ребенок, наблюдающий агрессивные действия родителей, может изменить свои взгляды и поставленные им самим ограничения насильственного поведения. Его позиция может стать таковой, что если другие безнаказанно проявляют агрессию, то и мне позволено то же самое;

эффект утраты эмоциональной восприимчивости – ребенок настолько привыкает к насилию, его последствиям и признакам собственной или чужой боли, что перестает рассматривать агрессию как особую, крайнюю форму поведения (повышение порога восприятия агрессии);

эффект изменения образа реальности – часто дети, наблюдающие бесконечное насилие, становятся склонными ожидать его в любую минуту, а, следовательно, начинают воспринимать окружающий мир как враждебно настроенный по отношению к ним. Такое искажение может привести к формированию модели «оборонительного поведения»: постоянному обостренному ощущению угрозы и к склонности реагировать агрессивно на любые стимулы. Это происходит в результате снижения порога восприятия агрессии.

Наблюдение за агрессивной моделью и идентификация с агрессором могут привести к использованию ребенком насилия как в отношении сиблингов и сверстников, так и в отношении взрослых. В последующем, во взрослой жизни, объектами агрессии могут стать собственные родители и дети. Это происходит потому, что, кроме адаптивной, агрессивная модель поведения выполняет еще защитную и компенсаторную функции. Кроме того, многочисленными экспериментами убедительно доказано, что использование авersive (болевого или неприятного) стимулов является одним из эффективных и экономичных способов научения желаемому поведению или установления власти и контроля над другим человеком.

3.3. Дети, подвергшиеся сексуальному насилию

Обычно жертвами сексуальных действий являются дети моложе 12 лет, но наиболее часто ими становятся в возрасте 3-7 лет. В этом возрасте ребенок еще не понимает происходящего, его легче запугать, склонить к тому, чтобы он никому не говорил том, что произошло (то есть заключить договор молчания). Также совершивший насилие взрослый надеется, что в этом возрасте ребенок еще не сможет словами описать произошедшее. Поскольку фантазии ребенка зачастую смешаны с реальностью, то, вероятно, его рассказу не поверят, даже если он что-то об этом и расскажет.

По данным российских исследований сексуальному насилию в возрасте до 14 лет обычно подвергаются 20-30% девочек и 10% мальчиков. Мальчики чаще, чем девочки, подвергаются насилию в более раннем возрасте. Хотя в общей сложности сексуальное насилие над мальчиками встречается в 3-4 раза реже, чем над девочками. Как показывают различные международные психологические исследования жертвами сексуального насилия в семье, как правило, бывают девочки. И хотя считается, что к насильственным действиям по отношению к детям прямо или косвенно причастны оба родителя, доля мужчин здесь составляет почти 95 %.

В большинстве случаев насильники знакомы детям. И только 25% насильников — совершенно незнакомые люди. В 45% случаев насильником является родственник, в 30% — более дальний знакомый (друг брата, любовник матери или бабушки). Среди родственников наиболее часто насилие совершается отчимом, опекуном, реже — отцом, братом или дядей. Отчимы совершают такое насилие в пять раз чаще, чем — отцы (Е.М.Черепанова, 1996).

Сексуальное насилие или оскорбление квалифицируется в тех случаях, когда были предприняты следующие действия по отношению к ребенку:

а) сексуальный контакт между взрослым и сексуально незрелым ребенком с целью получения взрослым сексуального удовольствия;

б) использование силы, угроз или обмана с целью вовлечения ребенка в сексуальную активность;

в) сексуальный контакт, при котором ребенок не способен контролировать свои взаимоотношения со взрослыми в силу возрастных и физических особенностей.

Сексуальное насилие в отношении детей включает большое количество действий и дополняется такими из них, как принуждение или поощрение ребенка совершать сексуально окрашенные прикосновения к телу взрослого или самого ребенка, принуждение ребенка к обнажению, вовлечение в оргии и ритуалы, сопровождаемые сексуальными действиями. Вместе с тем, не все сексуальные насильственные действия включают раздевание и прикосновения.

Формы неконтактного сексуального взаимодействия с ребенком. К актами «безобидного», неконтактного сексуального взаимодействия с ребенком относят действия, которые нередко предваряют начало сексуального насилия:

- Взрослый, делает сексуальные «намекы» ребенку: смущает, притесняет ребенка взглядами, высказываниями сексуальными содержания.
- Взрослый ласкает, ощупывает, целует, ненароком касается интимных частей тела ребенка.
- Взрослый, оголяет интимные части тела ребенка или рассматривает половых органов ребенка, иногда сопровождая эти действия мастурбацией.
- Вуайеризм (подглядывание): наблюдение за ребенком во время раздевания, купания, в туалете.
- Взрослый, показывает ребенку порнографию (картинки, книг, или кино).
- Взрослый демонстрирует свое голое тело или половые органы ребенку.
- Взрослый побуждает ребенка раздеваться и/или мастурбировать.

Формы контактного сексуального взаимодействия с ребенком. К контактными формам сексуального насилия относятся следующие действия:

- Взрослый трогает интимные части тела ребенка (гениталии, ягодицы, грудь).
- Взрослый побуждает ребенка касаться его интимных частей тела.
- Фроттаж (трение гениталиями о тело или одежду жертвы).

Формы сексуального контакт с проникновением (пальцами или другими объектами)

- Взрослый, помещает палец(цы) во влагалище или задний проход ребенка.
- Взрослый, побуждает ребенка засовывать палец(цы) во влагалище или задний проход взрослого.
- Взрослый, вставляет различные объекты во влагалище или задний проход ребенка.
- Взрослый, побуждает ребенка засовывать различные предметы во влагалище или задний проход взрослого.

Оральный секс

Поцелуи.

Сосание, целование, облизывание, покусывание груди.

Кунилингус (облизывание, целование, посасывание, покусывание влагалища или просовывание языка во влагалище).

Фелляция (облизывание, целование, посасывание, покусывание члена).

Анилингус (облизывание, целование анального отверстия).

Половой акт

Вагинальное половое сношение.

Анальное половое сношение.

Половое сношение с животными.

Виды сексуальных действий. Сексуальные действия с детьми могут происходить при различных обстоятельствах.

Диадное сексуальное насилие. Наиболее часто встречаемый вид сексуального насилия, когда взаимодействуют два человека ребенок и взрослый.

Групповой секс. Практикуется также достаточно часто. Как правило в нем принимают участие либо несколько детей и взрослый, либо несколько взрослых и один ребенок, несколько детей и взрослый. Такие конфигурации могут быть внутрисемейными (например, в случаях полиинцеста) или внесемейными.

Сексуальное окружение. Дети также могут быть подвергнуты сексуальному насилию со стороны окружающих; часто это – групповой секс. Определенная сексуальная атмосфера может быть организована педофилами (людьми, имеющими сексуальное влечение к детям), таким образом, чтобы они имели постоянный доступ к детям для удовлетворения собственных сексуальных потребностей а, в некоторых случаях, для получения прибыли. Жертвы подкупленные или совращенные педофилом в и становятся частью этого окружения. Для этих действий могут использоваться и вербовщики. Окружение изменяется в зависимости от ситуации, т.е. оно может предполагать как участие только одного взрослого, который хочет получить сексуальное удовольствие, так и участие нескольких взрослых и детей, детскую порнографию и проституцию.

Сексуальная эксплуатация детей. Использование детей в порнографии и для проституции – и все связанные с этим ситуации, когда ребенок может быть подвергнут сексуальному насилию

Детская порнография. Съемка может производиться как членами семьи, знакомыми детей, так и профессионалами для личного пользования, торговли или продажи. Порнографическая продукция может также использоваться, чтобы инструктировать, соблазнить или шантажировать жертву.

Детская проституция. Принуждение к занятию проституцией может исходить от родителей, других близких родственников, знакомых ребенка

или людей, которые осуществляют уход за ними. Более старшие дети, часто убегающие из дома и/или дети, которые ранее подверглись сексуальному насилию, могут начать заниматься проституцией и без принуждения.

Ритуальное насилие. На этот вид детского сексуального насилия лишь недавно стали обращать внимание. К нему относят сексуальное насилие, которое допускается и совершается в рамках того или иного религиозного течения или обряда (например, сатанизм и др.).

На практике непросто отличить начинающееся сексуальное насилие от позитивного телесного контакта, который бывает совершенно необходим в общении с маленькими детьми. Различия между этими двумя ситуациями определяются намерениями взрослого человека, а также возможностью ребенка «уйти» из ситуации.

Индикаторы сексуального насилия

Сексуальные индикаторы, характерные для младших детей и подростков:

- Реплики, указывающие на несоответствующие возрасту сексуальные знания, часто сказанные невзначай. Например, ребенок, наблюдая за целующейся парой по телевизору, говорит: «а сейчас дядя засунет свой пальчик в тетю»
- Рисунки на явно сексуальные темы. Например, ребенок рисует сцену фелляции.
- Сексуальное взаимодействие с другими людьми. Например, сексуальная агрессия по отношению к более младшим детям (может свидетельствовать об идентификации с насильником), сексуальная активность в отношении сверстников (может указывать, что ребенок получает некоторое удовольствие от насильственных действий), сексуальные предложения или жесты старшим людям (может сигнализировать о том, что ребенок воспринимает и расценивает сексуальную активность как необходимый атрибут взросления).

- Сексуальные действия с животными или игрушками. Например, ребенок может имитировать фелляцию со своей собакой или разыгрывать сценку орального секса, играя с куклами.

- Чрезмерная мастурбация. Этот индикатор сексуального насилия следует использовать с некоторой долей осторожности, так как и взрослые, и дети время от времени занимаются мастурбацией и эти действия не выходят за рамки нормального сексуального поведения. Поэтому мастурбацию ребенка следует квалифицировать как индикатор сексуального насилия, если мастурбация связана с повреждениями, ребенок занимается ею много раз в день и не может остановиться, вставляет различные предметы в вагину или анус, ребенок издает стоны или звуки стенания в то время мастурбации, сопровождает мастурбацию копулятивными фрикциями.

- Беспорядочные половые связи с различными сексуальными партнерами (промискуитет).

- Сексуальное преследование девочек сверстниками или взрослыми.
- Занятие проституцией.

К физическим (внешне наблюдаемым) индикаторам относятся: порванная одежда; окрашенное или испачканное кровью нижнее белье; боль или зуд в половой области; гематомы (синяки) в области половых органов; кровотечения, необъяснимые выделения из половых органов; гематомы и укусы на груди, ягодицах, ногах, нижней части живота, бедрах; боль в животе; повторяющиеся воспаления мочеиспускательных путей; повреждения в прямой кишке, покраснение ануса, варикозные изменения, ослабление сфинктера; запоры; нарушение девственной плевы, расширение влагалища, свежие повреждения (раны, ссадины), сопутствующие инфекции; венерическая болезнь; беременность.

К поведенческим индикаторам относятся: внезапный отказ, сопротивление тому, чтобы пойти куда-то или с кем-то; чрезмерное проявление привязанности; сексуальное отыгрывание (acting out); неожиданное употребление сексуальных терминов или присваивание новых

названий для частей тела; стеснительность или уклонение от привязанности к семье; проблемы со сном, включая бессоницу, ночные кошмары, отказ засыпать в одиночестве или настаивание на том, чтобы был включен ночник; регрессивное поведение, включая: сосание большого пальца, энурез, недержание кала; инфантильное поведение или другие проявления зависимости; чрезмерная «цепкость», «прилипчивость» или другие признаки напуганности; страх перед людьми определенного типа; импульсивность, неусидчивость (более характерна для жертв мальчиков), деструктивность; суицидальные попытки или рискованное поведение; жестокость к животным (более характерна для жертв мальчиков); резкое изменение индивидуально-личностных особенностей; проблемы в школе; нежелание посещать уроки физкультуры или публично переодеваться в раздевалке; побеги из дома; необычайная искусственность и несоответствующая возрасту образованность в вопросах сексуального поведения; сообщение о сексуальном насилии или принуждении родителем, взрослым; реверсирование роли в семье или псевдозрелость.

Для детей подросткового и юношеского возраста характерны нарушения пищевого поведения (булимия и анорексия); побеги из дома; токсикомания; попытки самоубийства и членовредительства; недисциплинированность; депрессия, социальная изоляция; асоциальное и делинквентное поведение.

Последствия сексуального насилия

Сексуальное насилие, совершаемое по отношению к ребенку, по своим последствиям относится к самым тяжелым психологическим травмам. Реакции ребенка на совершенное сексуальное насилие могут быть самыми разнообразными.

Травматические стрессовые реакции. Состояния страха и тревоги относятся к тем симптомам, которые возникают у этих детей как непосредственные, так и отсроченные реакции на травму. Нарушение сна (беспокойный сон), бессонница, плохой аппетит, психосоматические жалобы,

всепоглощающая тревога является отсроченными последствиями надругательства. Эти дети часто распространяют свой страх не только на насильника. Он проявляется в избегании других взрослых и лиц, пользующихся авторитетом. У некоторых жертв могут проявляться постравматические стрессовые расстройства, с типичными симптомами реинтерпритации и переосмысления травматического события, избегания ситуаций, ассоциирующихся с сексуальным оскорблением, сильного возбуждения со сверхбдительностью, появлением ночных кошмаров, болезненной чувствительности. Кроме того, навязчивые воспоминания, часто с видениями в виде ярких вспышек и повторяющимися ночными кошмарами, касающимися событий, связанных с надругательством вызывают у них страх перед отходом ко сну.

Рассмотрение последствия сексуального насилия, пережитого ребенком, требует учета его возрастных особенностей. В разные периоды жизни реакция ребенка на подобную травму проявляется по-разному:

- детям до 3 лет свойственны страхи, спутанность чувств, нарушения сна, потеря аппетита, агрессия, страх перед чужими людьми, инфантильные сексуальные игры;

- у дошкольников на первый план также выступают эмоциональные нарушения (тревога, боязливость, спутанность чувств, чувства вины, стыда, отвращения, беспомощности, испорченности) и нарушения поведения (регрессивные реакции, отстраненность, агрессия, сексуальные игры, мастурбация) и в меньшей степени психосоматические симптомы;

- у детей младшего школьного возраста – чаще всего возникают амбивалентные чувства по отношению ко взрослым, сложности в определении семейных ролей, страх, чувство стыда, отвращения, испорченности, недоверия к миру, а в поведении отмечаются отстраненность, агрессия, молчаливость либо неожиданная разговорчивость, нарушения сна, аппетита, ощущение «грязного тела», сексуальные действия с другими детьми;

➤ для детей 9-13 лет характерно то же, что и для детей младшего школьного возраста, однако могут добавляться также депрессия, диссоциативные эпизоды – чувство потери ощущений, а в поведении: изоляция, манипулирование другими детьми с целью получения сексуального удовлетворения, противоречивое поведение;

➤ для подростков 13-18 лет – отвращение, стыд, вина, недоверие, амбивалентные чувства по отношению ко взрослым, сексуальные нарушения, несформированность социальных ролей и своей роли в семье, чувство собственной ненужности, а в поведении: попытки суицида, уходы из дома, агрессия, избегание телесной и эмоциональной близости, непоследовательность и противоречивость поведения.

Косвенными признаками, указывающими на наличие травматического опыта, может стать повышенная тревожность дома или в школе, связанная со страхами или фрустрирующими обстоятельствами, чего раньше не наблюдалось.

Подозрительность и недоверие. Детям, которые подверглись сексуальному насилию или оскорблению и тем самым испытали или пережили родительское предательство, очень трудно установить доверительные отношения со взрослыми, что существенно сужает круг их общения. Они больше не ожидают от своих родителей любви, признания, поддержки и помощи в реализации себя. Они могут считать, что все потенциальные объекты любви опасны и непредсказуемы. Причем их подозрительность может распространяться на всех мужчин, а иногда и женщин.

Став взрослыми, такие дети стараются избегать любой близости с другими людьми, в том числе и психологической, считая эти отношения потенциально опасными и непредсказуемыми.

Депрессия и суицидальное поведение. У этих детей наблюдаются депрессивные симптомы, сопровождающиеся печалью, тоской, грустью и неспособностью испытывать приятные ощущения, радость и наслаждение. Тяжелая депрессия, сопровождаемая чувством униженности, состоянием

чрезвычайной уязвимости и ощущением вторжения в их “интимную” зону. У детей старшего возраста, преимущественно подростков, переживших сексуальное насилие, глубокая депрессия часто сочетается с суицидальным поведением. Аутоагрессивное поведение выражается в действиях, направленных на нанесение себе травм, попытках суицида и мыслях о суициде.

Чем тяжелее травма при сексуальном насилии, тем выше риск суицида и более глубоко выражена депрессия. У детей, подвергнувшихся сексуальным злоупотреблениям, в дальнейшем могут возникнуть более серьезные эмоциональные нарушения.

Гиперсексуальность. У этих детей отмечается высокий уровень (низкий порог) сексуального возбуждения и они легко достигают оргазма. Они не способны отличать нежные и любовные от сексуальных отношений. Поэтому либо часто возбуждаются лишь от физических прикосновений, либо как защитное поведение демонстрируют психологическую холодность и закрытость. Дети всех возрастов, подвергшиеся сексуальному насилию, сексуально соблазненные сверстниками и взрослыми, часто прибегают к сексуальной самостимуляции – «вынужденной» мастурбации. В подростковом и юношеском возрасте эти дети могут быть склонными к беспорядочным половым связям. Движимые сильной потребностью в любви и комфорте, удовлетворения которой они ищут в сексе, полностью обесценивая при этом самих себя. У них также могут иметь место тенденции к проституированию (тому способствует их соглашательское, уступчивое, пассивное поведение).

Избегание сексуальных стимулов. На фоне эмоции страха по отношению к сексуальным стимулам могут отмечаться сильная тревожность вплоть до реакций панического неприятия, агрессии и избегания, например, ухаживаний или поцелуев. И как следствие этого сексуальная индифферентность. Если домогательство исходило от мужчины, ребенок–жертва может бояться всех мужчин.

В дальнейшем, став взрослыми, у жертв сексуального насилия часто отмечаются нарушения сексуальной жизни, выражающиеся в избегании сексуальных отношений и неспособности чувствовать радость и удовлетворение. По данным М. Кортуа, у 80% жертв инцеста имеются нарушения сексуального поведения, которые проявляются в торможении сексуальной активности или в ее усилении.

Нарушение половой идентификации. Часто сексуальное насилие, связанное с ранним сексуальным опытом, и действиями, совершенными вопреки желанию ребенка, приводит к нарушению сексуального развития, половой идентификации и сексуальных установок. Патологическое психополовое развитие наблюдается как у мальчиков, так и у девочек. Девочки предпочитают более маскулинное (мужского типа) полоролевое поведение, их отличает конфликт половой идентификации, они начинают отождествлять свое поведение с мужским поведением, что часто выражается уже в фантазийных играх раннего детства, когда они выбирают себе роли или героев, обладающих мужскими качествами.

У девочек подросткового возраста жертв сексуального насилия в семье отмечаются трудности в формировании стабильной женской идентификации, так как они отождествляют себя больше со своим доминирующим отцом, чем с пассивной матерью, особенно, если последняя публично подвергалась психологическому и физическому насилию. Эти девочки чувствуют себя несчастными оттого, что родились не мальчиками. Предпочитая носить мужскую одежду, они скрывают под ней презираемые ими отличительные признаки своего пола. Иногда их тело (особенно девочкам-подросткам) кажется причиной насилия, поэтому они пытаются сделать его непривлекательным для насильника. Они начинают худеть или, наоборот, много есть, прятать тело под длинной одеждой, для них также характерны попытки самоистязания или самонаказания.

В более зрелом возрасте они начинают принимать участие в экстремальных видах спорта или грубых играх, требующих мужских качеств, предпочитают компании сверстников мужского пола.

У мальчиков отмечаются изменения в мужской половой идентификации, проявляющиеся в компенсаторном гипермаскулинном поведении и гомофобии. Некоторые мальчики демонстрируют женоподобное поведение.

У детей-жертв сексуального насилия вне зависимости от пола встречаются и нарушения сексуальной ориентации, среди которых наиболее выделяются гомосексуальные отношения.

Для некоторых жертв сексуального насилия характерно сексуально-агрессивное поведение по отношению к сверстникам или сестрам-братьям, напоминающее поведение взрослого насильника.

Низкая самооценка. Эти дети из-за сильных переживаний стыда и вины начинают рассматривать себя с некоторым недовольством и презрением. Их низкая самооценка со временем маскируется компенсаторной грациозностью и фантазиями всемогущества. Низкая самооценка у жертв сексуальных оскорблений часто основывается на стыде и чувстве вины, ассоциирующемся как клеймо инцеста. Стыд и вина могут появляться и в отношении собственных переживаний, когда в период домогательства у ребенка возникают приятные сексуальные фантазии и сексуальные чувства. Жертвы инцеста могут также испытывать синдром “испорченного товара”, при котором ребенок постоянно ощущает себя физически непривлекательным для сексуальных контактов.

Низкая самооценка может проявляться и в определенных видах защитного, компенсаторного поведения. В частности, если это экстрапунитивное реагирование, то это визг, нытье, жажда победы и самоутверждения любой ценой, обман в игре, стремление к совершенству, крайнее хвастовство и самохвальство, подкуп, обвинение во всем других, желание многих вещей, использование различных приемов привлечения

внимания (шутовство, поддразнивание других детей, антисоциальное поведение – воровство, ложь, драки, порча вещей и т. д.). Если это интрапунитивное реагирование, то это излишняя самокритика, замкнутость, стыдливость, извинение по каждому поводу, пугливость по отношению к новым стимулам, неспособность к принятию решения или выбора, подчеркнута защищающее поведение, чрезмерные попытки всегда и всем нравиться.

Импульсивность и поведенческие расстройства. Отличает агрессивность, асоциальность, неконтролируемое поведение. Эти дети могут иметь большой опыт побегов из дома. Поэтому, бродяжничая или присоединяясь к деликатным группам подростков, они часто вовлекаются в злоупотребление алкоголем, наркотиками, занятия проституцией.

Потеря интереса к школе. Характерна школьная неуспеваемость из-за снижения познавательной мотивации, гиперактивности, специфических учебных затруднений.

Итак, при сексуальном насилии или оскорблении ребенок служит средством забавы и утешения родителей либо других близких взрослых и часто используется в качестве объекта сексуального комфорта и получения сексуального удовольствия.

Как только совершается надругательство и сексуальный барьер переступается, жизнь ребенка меняется необратимо. Он или, что более часто, она может не понимать того, что случилось. Мужской пенис неприятен ребенку и может его испугать. Сперма кажется ему в чем-то сходной с мочой, а само событие может причинить боль и привести к кровотечению. Девочке при этом могли угрожать тем, что, если она кому-либо расскажет о случившемся, ее выгонят из дома, ей переломают ноги, ее мать убьют, а отца посадят в тюрьму.

В результате дети хранят все в строжайшем секрете месяцами и годами. Они ощущают ужас оттого, что, рассказав, они нарушают некий негласный семейный обычай секретности. Их сдерживают сильное чувство

лояльности к отцу или матери, а также страх пойти против запретов отца и перед угрозами наказания, в случае если кому-либо расскажут о происшедшем. Кроме того, дети желают знать, случилось ли это на самом деле или им все это показалось? Ведь родители ведут себя так, будто ничего не произошло, и ребенок ждет, обмирая, повторится ли это снова. Он перестает верить самому себе, своему собственному опыту и рассудку.

В то время, когда над ребенком совершается надругательство, ему велят сдерживать свои эмоции, не плакать, обеспечивая совратителю некоторое ощущение триумфа. Ребенок вынужден молчать и подавлять боль и гнев. Желание девочки, например, рассказать о случившемся матери скорее всего встретит недоверие и упреки за «вздор, который она несет». Более того, ребенок не знает порой даже слов, которыми возможно описать происшедшее, поскольку все это находится как бы по ту сторону его повседневного опыта.

Сексуальная травматизация ребенка может начинаться очень рано, между тремя и шестью годами. Гораздо раньше, чем он способен запомнить это. По мере достижения ребенком подросткового возраста возможен переход от прикосновений, несущих оттенок сексуальности, к развернутому оральному, вагинальному или анальному сношению. Ребенок привыкает к повторяющемуся надругательству. Он боится отходить ко сну, может страдать от ночных кошмаров, энуреза, испытывать трудности в школе, иметь поведенческие нарушения. При этом у него преждевременно пробуждается сексуальность. Девочка может стать молчаливой, замкнутой, отстраненной и слезливой, неожиданно отворачивается от родственника, с которым прежде была весела и игрива.

В подростковом возрасте (в период полового созревания) девочка постепенно начинает осознавать свое отличие от большинства сверстников, лишенных столь тягостного опыта. Она стесняется выступать перед классом, показываться в раздевалке после уроков физкультуры и занятий спортом,

боясь, что окружающие смогут разглядеть нечто и узнают о том, что же происходит с ней дома.

Сексуальная травматизация может иметь и более отдаленные последствия. Например, для девушек, подвергшихся сексуальному насилию в детстве, трудно а иногда просто невыносимо поддерживать разговоры подруг о парнях, первых поцелуях, об ухаживании, о положении невесты и свадьбе. Еще в детстве она “потеряла” отца и мать, стала изолированной и депрессивной, с крайне бедным образом “Я”, чувствовала себя униженной, злой и в чем-то виноватой.

Девочка старается полностью забыть случившееся до тех пор, пока во взрослой жизни какое-либо событие, такое, например, как рождение ребенка или специальная телепередача, посвященная инцесту, не растревожит ее воспоминаний. Она может испытывать большие трудности, сталкиваясь с разного рода медицинскими осмотрами и обследованиями. И врачи часто не могут понять, в чем, собственно, дело. Вагинальное или ректальное (анальное) обследование вновь возвращает их к тягостным воспоминаниям, а авторитарная фигура врача напоминает им отца-насильника.

С такими детьми очень трудно вступить в контакт, так как они не хотят ворошить свои тягостные воспоминания, сопряженные с невыносимой душевной болью, и боятся вызвать у окружающих неодобрение, отвержение и отвращение.

Исследования показали, что насилие чаще проявляется в отношении детей младшего возраста и с более низким уровнем развития. Характер и глубина нарушений личности вследствие насилия будут также зависеть от возраста и уровня развития ребенка. Последствия для ребенка будут серьезнее, если насилие сопровождалось причинением боли и травмы. По сравнению с сексуальным злоупотреблением такие формы сексуального насилия, как половое сношение (оральное, анальное или вагинальное), для ребенка, наиболее травматичны. Последствия насилия будут тяжелее и в том случае, если оно совершено близким для ребенка человеком. Если после обнаружения

сексуального насилия члены семьи встанут на сторону ребенка, а не на сторону насильника, то для ребенка последствия будут менее тяжелыми, чем когда он не получит защиты и поддержки.

Личность насильника

Как показывают результаты различных исследований в качестве насильника могут выступать как мужчины, так и женщины, как подростки, люди среднего (30–40 лет), так и пожилого возраста, как психически больные, так и здоровые люди, как в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, так и в нормальном состоянии. Чаще всего это люди, которых ребенок хорошо знает, или хотя бы периодически общается.

Ситуативные насильники. Это люди, которые в силу определенных обстоятельств останавливают свой сексуальный выбор на детях. Их можно разделить на несколько типов:

Регрессивные. Они отличаются низким уровнем собственного достоинства, а также слабой способностью контролировать собственные желания и управлять ими. По определенным причинам они не могут справиться с семейной ситуацией и поэтому нереализованное стремление к власти, с одной стороны, и доступности детей, с другой, провоцируют их к совершению насилия.

Морально неразборчивые. Они жестоко обращаются со всеми близкими людьми, кто находится в их власти и зависим от них – женой, родственниками, друзьями, подчиненными. В конце концов объектом насилия становится ребенок, при этом, как правило, насильник заставляет вступать с ним в сексуальный контакт, используя физическую силу.

Сексуально неразборчивые. Это люди, для которых не существует границ и правил при необходимости удовлетворения собственных сексуальных потребностей.

Неадекватные. К этому типу относят социопатов — людей, с явно выраженным асоциальным поведением, для которых дети не имеют никакой ценности и потому они считают себя вправе делать с ними все, что захотят.

Преферентные насильники – это исключительно те, чья сексуальное влечение фиксировано на детях, то есть педофилы. Для удовлетворения своих потребностей они не останавливаются ни перед чем, поэтому количество жертв значительно больше, чем у ситуативных насильников. Преферентных насильников разделяют на следующие типы:

Соблазнитель. Они умеют хорошо находить контакт с ребенком, общаться с ним, слушать, разговаривать, устанавливать партнерские отношения. Вовлечение в сексуальные отношения происходит постепенно и сопровождается проявлением внимания по отношению к ребенку, ухаживанием и дарением подарков.

Интроверты. Этот тип не обладает такими же навыками общения и обольщения, как соблазнитель, поэтому установление длительного контакта с ребенком, позволяющего вступить в сексуальные отношения – для него непростая задача. В связи с этим его сексуальный опыт кратковременен и нередко сопровождается физическим насилием.

Садисты. Это те, кто предпочитает в качестве сексуальных партнеров исключительно детей. Их сексуальные действия сопряжены с необходимостью для насильника причинять физическую боль, истязать жертву, вплоть до убийства.

Инцест

Инцест (кровосмешение)– это половая связь акт между кровными родственниками (между отцом и дочерью, матерью и сыном, братом и сестрой, матерью и дочерью, а также между отцом и сыном). Основной причиной инцестных отношений считают нарушенное функционирование семьи. В первую очередь это семьи, в которых отсутствует взаимное доверие и подлинная эмоциональная привязанность членов семьи друг к другу и в связи с этим любые тактильные контакты (прикосновения, телесные ласки) начинают приобретать сексуальный подтекст. Также важную роль играют сексуальные отношения между матерью и отцом. Если отец склонен к насилию и алкоголизации, мать

может настолько потерять власть в семье или контроль над своими сексуальными влечениями, что не в состоянии воспрепятствовать инцесту.

Матерей жертв сексуального насилия по личностным характеристикам можно разделить на два типа:

Доминирующая мать. Это часто совершенно независимая и самостоятельная женщина, которая большое значение придает профессиональному росту. Нередко обладает более высоким интеллектуальным уровнем развития, чем муж. Эмоционально сдержанная, прагматичная, властная, крайне недовольная мужем – она, как правило, стремится удовлетворять свои психологические и сексуальные потребности вне рамок семьи. В этом случае важное значение имеет мотивация, благодаря которой она сохраняет этот брак.

Пассивная мать. Она характеризуется низкой самооценкой, низким уровнем социальных и интеллектуальных потребностей, значительными проблемами в сексуальных отношениях с мужем. В структуре семьи находится на периферии. Она отсутствует либо физически (вынуждена много работать), либо психологически (всегда во всем соглашаясь). С ее мнением, если же его кто-то спрашивает, никто не считается – она «пустое место». Довольно часто и подолгу находится в депрессивном состоянии, подавлена, чрезвычайно зависима от мужа, его сексуальных пристрастий.

Как показывает практика, в алкогольных и дисфункциональных семьях много секретов, запретов и страхов. Методы воздействия на жертву в целях сохранения тайны различны. Их использование обеспечивают насильнику безопасность, а жертве не позволяют защитить себя. Основными из них являются:

Изоляция. Насильник способствует изоляции жертвы, лишает ее всякой социальной поддержки и тем самым существенно ограничивает возможности позаботиться о себе самостоятельно. Часто ребенок, не доверяя ни близким взрослым, ни детям, может просто не знать, к кому и куда можно обратиться за помощью.

Угрозы. Ради сохранения тайны насильник прибегает к использованию давления на детей и угрозам физической расправы («Скажешь кому – убью!»). Часто жертва подвергается и психологическому насилию – ей внушается страх, что именно она станет причиной несчастий в семье. «Хорошим» способом являются попытки «повесить» на жертву чувство вины: «Если ты кому-нибудь скажешь, то папу посадят в тюрьму».

Демонстрация силы. Насильник может перейти от угроз к физическому насилию или наказаниям.

Обман или подкуп. Когда насильник близкий человек, которому ребенок доверяет и которого любит – нет ничего проще сманипулировать им так, что он и не поймет, что стал жертвой насилия. Иногда маленький ребенок (3-6 лет) сомневается, что что-то произошло, было ли это на самом деле, или ему это всего лишь показалось, поскольку взрослые ведут себя, как раньше. Маленькому ребенку иногда бывает сложно отличить хорошее от плохого, насилие от любви. Кроме того, угроза потерять любовь отца может, например, сочетаться у девочки с честолюбивым стремлением стать более любимой и более близкой, чем мама.

Усиление обычных, тривиальных требований. В данном случае речь идет о том, что жертва занимает полностью подчиненную позицию, когда уступка становится обычной привычкой.

Факторы, детерминирующие инцестные отношения

Доминирующая позиция родителя. Сексуальное насилие над ребенком возможно вследствие того, что у взрослого члена семьи гораздо больше власти, чем у ребенка. Эта власть и используется для удовлетворения взрослым собственных сексуальных потребностей.

Сексуальная неудовлетворенность родителя. В семье может сложиться такая ситуация, когда существуют нарушенные сексуальные отношения или их вообще нет. Очевидно, что вероятность инцеста по мере взросления ребенка возрастает.

Естественная привлекательность ребенка. Взаимоотношения родителя и ребенка чаще всего отличаются эмоциональной близостью. В результате такой структуры эмоциональных связей ребенок может вообще не восприниматься как жертва. Поэтому достаточно часто инцестные отношения строятся либо на взаимном согласии, либо провокации или соблазнении. Однако при инцесте, как и при любом сексуальном насилии, ребенок должен всегда расцениваться как жертва.

Алкоголизация или наркотизация. Сексуальное влечение может нарастать и растормаживаться под влиянием алкоголя, наркотиков.

Внешние обстоятельства. Доступность и территориальная близость ребенка также могут способствовать ослаблению тормозных механизмов: например, родитель или другой близкий и значимый взрослый часто находится наедине с детьми и внешне это выглядит совершенно естественно и не вызывает у окружающих тревоги.

Игра в «кошки–мышки». Необходимость преодолеть сопротивление ребенка, вовлечь его во взаимодействие сексуального характера. Важно отметить, что инцест часто начинается с флирта и обольщения и крайне редко с полового акта.

Невмешательство родителя, пассивная позиция по отношению к инцесту. Например, когда мать узнает об инцесте, ее мир рушится, и поэтому она старается вытеснить этот инцидент, умудряясь «не замечать» происходящего, или отрицать происшедшее. Дочь же расценивает подобное поведение матери как предательство с ее стороны и не прощает этого. В итоге сначала мать теряет мужа, а затем и дочь.

Фазы процесса инцеста

Инцест как и любой процесс насилия имеет свое развитие и в нем можно выделить несколько фаз.

Первая фаза – вступительная. На этом этапе взрослый должен создать благоприятные условия для установления инцестных отношений. Сначала это может быть делом случая, однако, затем насильник может неоднократно

предпринимать попытки специально организовать ситуацию таким образом, чтобы он мог находиться с ребенком один или в уединенном месте. Таким образом, ребенок попадает в опасную ситуацию, связанную с человеком, которому доверяют его близкие или он сам.

Вторая фаза – непосредственно сексуальный акт. На этом этапе взрослый начинает «притуплять бдительность» и исподволь готовить ребенка к сексуальной близости. Например, насильник может постепенно и не полностью раздеваться, оставаясь наедине с ребенком. Важно сделать так, чтобы ребенок воспринимал наготу родителя естественно. Процесс развивается по нарастающей: от невинных прикосновений – к ласкам интимного характера. Часто насильник обликает сексуальные ласки в форму игры и когда ребенок воспринимает их как развлечение – тогда это можно повторить снова. В конце концов интимные ласки переходят в половой акт.

Третья фаза – контроль за сохранением секрета. Главной задачей насильника является сохранение его действий в секрете. Поэтому он должен оказать на ребенка такое давление, чтобы тот ни при каких обстоятельствах не раскрыл происходящего. В подавляющем большинстве случаев это без труда удается. Как уже отмечалось ребенка можно запугать как угрозами физической расправы или наказания, так и моральной угрозой: потери любви, стать причиной семейного конфликта, вплоть до разрушения семьи. Обычно фаза секретности длится долго, иногда до нескольких лет.

Четвертая фаза – раскрытие. На этом этапе окружающим становится известно о происходящем или имевшем место насилии. В одних случаях факты насилия обнаруживаются случайно это может быть третье лицо (какой-то свидетель), а могут свидетельствовать – раны и повреждения на теле ребенка, появление которых он не может внятно объяснить, венерические заболевания, беременность и пр. И, как показывает практика, хотя это и выглядит парадоксально, жертва может реагировать крайне негативно на попытки специалистов или окружающих изменить ситуацию и оказать ей помощь.

В других случаях одна из сторон (либо ребенок, либо взрослый) сообщает о происходящем. Конечно же, чаще всего это делают жертвы. Детям очень хочется поделиться своим секретом и получить поддержку близких. Как правило, это происходит тогда, когда жертвы начинают понимать, что их используют как сексуальный объект и у них уже нет сил терпеть все это.

Следует отметить, что обвинение в насилии может быть сфальсифицировано или быть плодом сексуальных фантазий ребенка. Иногда дети специально оговаривают взрослых, включая своих родителей, поэтому требуется особое внимание и тщательное изучение ситуации. Однако любые сообщения ребенка о насилии не должны игнорироваться взрослыми.

Пятая фаза – подавление. Не столь важно, каким образом тайное стало явным. Важно, что любая семья стремится сделать происшедший инцидент делом семейным, свести к минимуму всю информацию о происшедшем. Родители в тайне надеются, что ребенок обо всем забудет. Более того, семья часто оказывает на ребенка давление, сознательно или бессознательно добиваясь, чтобы он тоже делал вид, что ничего не произошло. Раскрытие инцеста вызывает у ребенка сильные переживания, так как ребенку кажется, что, рассказывая о случившемся, он совершает преступление – предаёт отца и мать. Во многих случаях после раскрытия факта инцеста происходит распад семьи и у многих ее членов психологи отмечают серьезные травматические переживания.

Причины неразглашения факта сексуального насилия или инцеста

Дети не рассказывают про сексуальное насилие или инцест по целому ряду обстоятельств. К наиболее существенным можно отнести:

Возраст ребенка. Если речь идет о маленьких детях, то в силу своего возраста они еще не понимают смысла сексуальных действий.

Уровень образования. Дети могут не владеть достаточным словарем, чтобы описать действия взрослого.

Запреты взрослых. Детям могут не разрешать это сделать.

Недоверие к окружающим. Их рассказы могут игнорироваться или высмеиваться. Детей могут упрекать в лживости и в нелепых фантазиях.

Озабоченность собственным положением. Многие дети озабочены тем, как их будут воспринимать окружающие, если обо всем станет известно. Страх быть отвергнутым, смешанный с чувством стыда и вины, мешает ребенку рассказать о случившемся, но в то же время и жить с этими переживаниями очень трудно.

Психологические защиты. В такой ситуации часто срабатывают механизмы вытеснения, отрицания и диссоциации травматического опыта.

3.4. Дети, подвергшиеся физическому насилию

Как показывают различные международные исследования каждый день по причинам несчастных случаев из-за жестокого обращения с детьми или отсутствия должной заботы о них – погибают 3 ребенка. Более чем в половине всех случаев нанесения детям телесных повреждений они подвергались физическому насилию со стороны своих родителей, причем отцы и матери замешаны в этом примерно одинаково. Среди других лиц, уличённых в жестоком обращении с детьми, число мужчин превышает число женщин в 4 раза. Физическому насилию чаще подвергаются мальчики. Маленькие дети получают тяжелые физические повреждения, чем дети старшего возраста. Около половины всех случаев, повлекших серьезные телесные повреждения или смерть, приходится на детей в возрасте до 3-х лет (Г. Крайг, 2000).

Многие дети, подвергающиеся насилию, воспринимаются родителями как трудные, с задержкой развития или с умственной усталостью, плохие, эгоистичные и не подчиняющиеся дисциплине. Дети с гиперактивностью наиболее часто подвергаются физическим наказаниям, особенно если их родители лишены способности осуществить правильный уход за ребенком.

В избиении ребенка обычно бывает виновата женщина, а не мужчина. Один из родителей обычно бывает инициатором применения силы, а другой

пассивно мирится с этим. Средний возраст матерей, злоупотребляющих своими детьми, – 26 лет, средний возраст отцов – 30 лет.

В большинстве случаев физические наказания детей имеют место в семьях с низким социально-экономическим статусом.

Физическое насилие – это насильственные и другие умышленные, намеренные действия, которые причиняют ребенку физическую и душевную боль и страдания, включая избиения, ожоги, кусание, удушение и ошпаривание, приводящее к ожогам, наказание («лупцевание») ремнем или другими предметами, переломы костей, нанесение шрамов, рубцов или серьезных внутренних повреждений, а также наносят ущерб его развитию, здоровью и жизнедеятельности.

Индикаторы физического насилия

К физическим (внешне наблюдаемым) индикаторам относятся: следы укусов; синяки; кровоподтеки; царапины; шрамы, следы связывания, следы ногтей, следы от сжатия пальцами; следы от ударов предметами (ремнем, палкой, следы от веревочной петли); ожоги; наличие на голове участков кожи без волос; высокая вероятность травматизации или частых повреждений; переломы в необычных местах; повреждения, припухлости на лице или конечностях; бледность кожных покровов; повреждения внутренних органов (разрыв печени, ушибы почек, мочевого пузыря в результате удара в живот или в бок); необычное состояние ребенка после насильственного приема алкоголя или лекарств; умерший ребенок с признаками насилия (убийство). О повторяющемся физическом насилии можно судить в том случае, если на теле ребенка имеются следы разной давности (раны, кровоподтеки и т. д.).

К поведенческим индикаторам относятся: избегание физических контактов с другими людьми; застывший, испуганный взгляд (наблюдается и у грудного ребенка); пугается, когда слышит крик или плач других детей; ношение закрытой одежды, чтобы преднамеренно скрыть повреждения; отказ раздеваться для участия в школьных спортивных мероприятиях; невразумительные (противоречивые) объяснения причин происхождения

повреждений; страх перед родителями; частые опоздания или пропуски школьных занятий; ранний приход в школу/детский сад и очень поздний уход домой; испытание трудностей, когда необходимо быть вместе с другими; неуважительное отношение к другим; чрезмерное послушание, избегание, готовность и позволение «без протеста» делать другим с собой все что угодно; пассивность, замкнутость или повышенная агрессивность; агрессивные игры, часто с причинением повреждений сверстникам; случаи причинения себе вреда – саморазрушительное поведение (употребление алкоголя, наркотиков, курение); необъяснимые изменения в поведении (прежде жизнерадостный ребенок теперь постоянно грустен, задумчив, замкнут); жалобы на боль при движениях или контактах; большой опыт побегов из дома; отчаянные просьбы и мольба ребенка не сообщать родителям о его неудачах (двойки, прогулы, плохое поведение) в школе; рассказы о насилии со стороны родителей.

К индикаторам семейной обстановки и поведения родителя, использующего физическое насилие по отношению к детям можно отнести наличие многочисленных личностных и супружеских проблем; экономический стресс; ситуацию, когда родитель(и) сам в детстве подвергался насилию или вырос в семье, где использовались чрезмерные наказания и строгая дисциплина; высокая морализация; длительное употребление алкоголя или наркотиков; психическая неуравновешенность; антагонизм, подозрительность и напуганность другими людьми; социальная изоляция, отсутствие поддержки со стороны близких или друзей; рассмотрение ребенка как источника всех бед или зла; небольшой или полное отсутствие интереса к благополучию ребенка; необъяснимо презрительное, пренебрежительное отношение родителя к ребенку; безразличие к боли ребенка; семейные традиции жестокого дисциплинирования ребенка; непоследовательное (противоречивое) или уклончивое объяснение причин появления телесных повреждений у ребенка; возложение на ребенка ответственности за повреждения; постоянная критика, необоснованные

требования к ребенку; обращение к различным врачам или в больницу после каждого случая нанесения телесных повреждений.

Последствия физического насилия

Последствия физического насилия могут проявляться в различных симптомах.

Травматические стрессовые реакции. Состояния страха и тревоги достаточно типичные реакции ребенка на угрозу физического насилия. Кроме того они могут проявляться в нарушении сна, бессоннице, плохом аппетите, психосоматические жалобах. Часто страх имеет генерализованный характер, т.е. распространяется не только на насильника, но проявляется в настороженном отношении или избегании родителей и других взрослых.

Сверхагрессивность и импульсивное поведение. Поведение этих детей часто сопровождается агрессивным деструктивным поведением дома и в школе. Они отличаются задиристостью, драчливостью, агрессивностью по отношению к сверстникам, братьям и сестрам, бесконтрольностью поведения.. Это свидетельствует о серьезных нарушениях поведения. С одной стороны, их проблема связана с недостаточным контролем над импульсами. С другой, базируется на идентификации с их родителями, склонными к насилию, («идентификация с агрессором»), как основной защите против чувства тревоги и беспомощности. Часто вовлекаются в преступные и антисоциальные действия. У таких детей обычно мало друзей, потому что, с одной стороны, ровесников часто пугает их взрывное, импульсивное поведение, а с другой – они сами дистанцируются от окружающих из-за боязни причинить боль другим людям.

Подозрительность и недоверие. Детям, которые испытали родительское предательство, подверглись насилию, физическим наказаниям, словесным оскорблениям, а также побывали в роли “козла отпущения” очень трудно установить доверительные отношения со взрослыми. Они могут не ожидать от своих родителей ни поддержки, ни заботы, ни помощи. Они

могут также считать, что все потенциальные объекты любви опасны и непредсказуемы.

Депрессия и суицидальное поведение. У этих детей наблюдаются депрессивные симптомы, сопровождающиеся печалью и неспособностью испытывать приятные ощущения. Дети, подвергшиеся физическим оскорблениям демонстрируют саморазрушительное поведение в таких формах как причинение увечий самим себе, суицидальные реакции, суицидальные попытки и желания.

Низкая самооценка. Эти дети учатся рассматривать себя с некоторым недовольством и презрением. Их низкая самооценка со временем маскируется компенсаторной грациозностью и фантазиями всемогущества.

Нарушения в развитии и познавательной деятельности. У этих детей наблюдаются нарушения функций речи и языкового развития как результат заторможенности этих функций в случае если ребенка часто наказывали за плач и крики.

Нарушения в сфере межличностных отношений. Подвергавшиеся жестокому обращению дети плохо контролируют свои эмоции и поведение и, как правило, менее уверенно чувствуют себя в обществе, чем дети выросшие в нормальной обстановке. Проведение длительного исследования на 5-летних детях, подвергавшихся жестокому физическому обращению, психологи обнаружили, что такие дети испытывали больше трудностей в отношениях со сверстниками, чем дети их возраста, воспитывавшиеся в нормальной обстановке. Они были менее популярны среди сверстников и более замкнуты, а их проблемы в отношениях с детьми увеличивались с каждым годом на протяжении всех пяти лет наблюдения за ними (Г. Крайг, 2000).

Нарушения в центральной нервной системы. При отсутствии ясно выраженных повреждений головы, у этих детей могут наблюдаться «мягкие» симптомы нарушений в деятельности центральной нервной системы. Тем не менее есть основание полагать, что именно многочисленные лишения, такие как ненормальное воспитание в детстве, «бедное» внутриутробное развитие,

отсутствие заботы в младенческом возрасте, дефицит питания, неполная сенсорная стимуляция могут приводить к подобным симптомам.

Потеря интереса к школе. Характерна школьная неуспеваемость из-за снижения познавательной мотивации и повышенной рассеянности, гиперактивности, специфических учебных затруднений. Дети, выросшие в атмосфере физического насилия, часто являются источниками многих конфликтов в школе из-за своего агрессивного поведения по отношению к другим детям и взрослым, а также из-за низкого самоконтроля. В результате этого другие дети стараются их избегать или, наоборот, мстить им, дразнить их, что, естественно, негативно отражается на их школьной мотивации.

Плохая успеваемость детей с посттравматическим стрессовым расстройством зачастую обусловлена *трудностями концентрации внимания*, так как их мысли постоянно заняты проблемой своего существования в качестве жертвы, а также титаническими усилиями, направленными на вытеснение всплывающих травматических воспоминаний. Социальная изоляция ребенка может распространиться на все школьное окружение и постепенно привести к уклонению от обучения.

Причины жестокого обращения с детьми. Модель жестокого обращения с детьми строится на 3-х основных теоретических объяснений: психиатрического, социологического и ситуационного (Г. Крайг, 2000).

Психиатрические основания. Психиатрическая модель ставит в центр личность и семейную историю родителей. Она предполагает, что жестокие родители больны и требуют психиатрического лечения. Однако исследователи так и не смогли выявить комплекс черт личности, связанных со склонностью к жестокому обращению с детьми.

Единственным факт, который им удалось установить, заключается в том, что многие взрослые, проявлявшие жестокость в обращении с детьми, сами в детстве подвергались подобному обращению. Психологи не могут сказать с уверенностью, почему примеры жестокого обращения с детьми передаются от одного поколения к другому. Одно из наиболее

правдоподобных объяснений состоит в том, что те люди, с которыми в детстве жестоко обращались, на основе подражания насильственным ролевым моделям просто воспроизводят в своем взрослом поведении примеры жестокого поведения родителей или воспитателей. Возможно, в детстве родители приучили этих людей к тому, что рассчитывать на их заботу или, наоборот, не принимать их в расчет недопустимо, что плакать и просить помощи бесполезно, неуместно, или это свидетельствует о дурном характере. Дети усваивая уроки жестокости в раннем возрасте – часто сами становясь родителями, применяют те же методы “воспитания” к своим детям.

Социологические основания. Здесь упор делается на то, что *средства массовой информации* пропагандируют и внушают людям – насилие это вполне приемлемый способ разрешения конфликтов. Кроме того, если физическая агрессия проявляется в ссорах между мужем и женой, то, вероятно, она проявляется и в отношениях родителей с детьми. Вероятность жестокого обращения с детьми повышается вследствие широкого мнения, будто физическое наказание является эффективной формой воспитания. Доминирующее большинство родителей физически наказывают своих детей, хотя большинство все же соблюдают меру. Для сравнения следует упомянуть, что в более миролюбивых обществах, где предпочитают дисциплинарные меры, ориентированные на любовь, значительно реже встречается насилие, в том числе и над детьми.

Бедность также играет свою роль в жестоком обращении с детьми. Хотя жестокость по отношению к детям встречается во всех слоях общества, почти в 7 раз чаще о ней упоминается там, где семейный годовой доход не так велик. Такую статистику можно отчасти объяснить тем, что случаи жестокого обращения с детьми в семьях, принадлежащих к среднему классу, не так часто становятся достоянием гласности. Верно, однако, и то, что любое напряжение в семье, – а бедность, бесспорно, является источником такого напряжения, – увеличивает риск плохого обращения с ребенком.

Другим фактором риска является *безработица*. В периоды высокого уровня безработицы количество случаев насилия мужчин над своими женами и детьми заметно увеличивается. Родители, неожиданно потерявшие работу, начинают вымещать злобу и раздражение на своих детях. Безработица не только приносит с собой финансовые проблемы, но также снижает социальный статус и самоуважение потерявшего работу человека. Безработный отец иногда пытается возместить эти утраты, добиваясь беспрекословного подчинения членов семьи с помощью физической силы.

Еще одной нередко встречающейся особенностью семей, в которых имеет место жестокое обращение с детьми, является *социальная изоляция*. Такие родители часто живут в изоляции от своих родственников, друзей и местных органов социальной помощи. Им трудно поддерживать дружеские отношения с окружающими, и они редко становятся членами каких-либо общественных организаций и объединений. Иногда им просто некого попросить о помощи в трудную минуту, и они обращают свое раздражение и свой гнев против собственных детей.

Ситуационные основания. Эта модель ищет причины жестокого обращения с детьми, в факторах внешней среды. Однако ситуационная модель придает центральное значение формам взаимодействия между членами семьи, причем дети рассматриваются как активные участники этого процесса. При изучении конкретной роли каждого ребенка в жестоких по отношению к детям семьях, было обнаружено, что родители обычно выделяют одного из детей, к которому начинают относиться особенно предвзято. Младенцы и дети младшего возраста оказываются самыми частыми объектами родительской жестокости. Дети с физическими и умственными аномалиями или чрезвычайно обидчивые дети также подвержены риску плохого отношения со стороны родителей. Постоянно плачущие грудные младенцы тоже выводят родителей из себя. В других случаях поводом может стать расхождение между ожиданиями родителей и особенностями ребенка. Например, мать, привыкла выражать свою любовь

физически, обнаруживает, что ее ребенок не любит прикосновений к себе. В ряде случаев родители имеют нереалистичное представление о том, как должны вести себя дети. Например, отец может рассердиться, если 3-летний ребенок не убирает свою комнату. Такие неадекватные представления тоже иногда приводят к жестокому обращению с детьми.

3.5. Дети, подвергшиеся психологическому насилию

Пренебрежительное отношение (родительская небрежность, детская запущенность) – умышленное ограничение биологических потребностей ребенка или создание неблагоприятных условий для их удовлетворения, а также недопустимые действия, наносящие ущерб развитию и жизнедеятельности ребенка.

Плохое обращение с ребенком существует в контексте межличностных отношений, и эти отношения психологически являются оскорбительными: манипулятивными, отвергающими или унижающими. Между тем эта психологическая травматизация может оказаться не менее серьезной, чем физические страдания ребенка. Часто такие взаимоотношения родителей и ребенка квалифицируются как эмоциональное или психологическое насилие.

Эмоциональное или психологическое насилие – преднамеренные деструктивные действия или значительный ущерб детским способностям, включающие наказание за чрезмерную эмоциональную привязанность ребенка к родителю или взрослому, за самоуважительное отношение к себе и потребности, необходимые для установления нормальных социальных взаимоотношений. От кого бы ни исходило психологически жестокое обращение с ребенком – от родителей, учителей, братьев, сестер или сверстников, – в нем всегда присутствует злоупотребление силой или властью над уязвимыми в этом отношении детьми.

Формы психологического насилия

Психологически жестокое обращение с ребенком принимает следующие основные формы:

1. *Отвержение.* Активное отвержение представляет собой отказ выполнять просьбы или удовлетворять потребности ребенка в форме, выражающей сильную неприязнь.

2. *Отказ в эмоциональном отклике.* Эта пассивная форма отказа ребенку в теплых чувствах, заключающаяся в излишней холодности, нежелании или неспособности ответить на предпринимаемые ребенком попытки общения.

3. *Унижение.* Прилюдное унижение ребенка или постоянное высмеивание его, употребление по отношению к нему обидных прозвищ и бранных слов. Самооценка и самоуважение ребенка снижаются частыми оскорбительными нападками на его достоинство, знания или умственные способности.

4. *Запугивание.* Терроризирование ребенка с целью формирования стабильного чувства страха, поддержание постоянного напряжения, запугивание, угрозы, принуждение ребенка быть свидетелем надругательства над любимым человеком или угроза применить насилие к нему самому. Ребенок, слышащий угрозы типа: «Будешь плохо себя вести, голову оторву!», удерживается взрослыми в состоянии постоянного страха. Более хитрая форма запугивания проявляется тогда, когда родители оставляют расшалившегося ребенка на улице, где он оказывается незащищенным от опасности.

5. *Изоляция.* Отчуждение ребенка от нормального социального общения, запрещение ребенку играть с друзьями или принимать участие в семейных мероприятиях может быть формой психологического насилия. А некоторые формы изоляции, такие как запираание ребенка в темной комнате, шкафу, кладовке, сарае, можно рассматривать и как запугивание.

6. *Эксплуатация.* Предъявление ребенку чрезмерных, не соответствующих возрасту, требований. Кроме того, использование невинности или слабости ребенка (наиболее очевидным примером эксплуатации является сексуальное насилие).

7. *«Торговля запретами».* Манипулирование ребенком с использованием негативного подкрепления (например, если ребенок в определенное время не выполнил уроки или не убрал постель, то за этим на определенное время следует запрет смотреть телевизор или гулять).

8. *Моральное разложение.* Корруппирование, привлечение и принуждение ребенка к действиям, которые противоречат общественным нормам и наносят ущерб ребенку (вовлечение или принуждение к совершению краж, употреблению алкоголя или наркотиков).

Индикаторы психологического насилия

К физическим (внешне наблюдаемым) индикаторам относятся: сосание пальцев, монотонное раскачивание (аутоэротические действия); ночной и/или дневной энурез (недержание мочи); психосоматические жалобы: головная боль, боли в животе и области сердца, сообщение ребенка, что ему плохо; замедление физического, психического и общего развития ребенка.

К поведенческим индикаторам относятся: эмоциональная невосприимчивость, равнодушие или, наоборот, чрезмерная ранимость; проявления низкой самооценки и самоуважения; переживания фрустрации; грусть или выраженная депрессия; замкнутость в себе, задумчивость или, наоборот, агрессивность; «прилипчивость» к любому взрослому в поисках внимания и тепла; социальная беспомощность; ночные приступы страха, плохой сон; отсутствие интереса к играм.

К индикаторам семейной обстановки и поведения родителя, использующего психологическое насилие по отношению к детям можно отнести предъявление ребенку завышенных требований, с которыми он не в состоянии справиться; непредсказуемое поведение родителей по отношению к ребенку суровые наказания ребенка; чрезвычайно критичное отношение к ребенку, постоянные его обвинения; проявления злости и запугивание ребенка.

В процессе развития ребенку приходится неоднократно испытывать эмоциональное напряжение из-за неадекватной реакции взрослого или

другого ребенка: страх, гнев, горе, унижение, волнение, подавленность и т. д. Как известно, продолжительное эмоциональное напряжение может тормозить нормальное психическое развитие ребенка. При такой ситуации развития эмоциональная жизнь ребенка становится однобокой, затрудняется как понимание собственных эмоций, так и их внешнее проявление. Вследствие односторонности эмоций ребенок не учится распознавать и понимать чувства других людей, адекватно реагировать на них.

Похвала, благодарность, радость и чувство гордости – естественные реакции «нормальных» родителей на успех ребенка. Однако, случается, что родители проявляют равнодушие и раздражение. Поначалу это вызывает в ребенке смешанные чувства. В дальнейшем ребенок, которому неоднократно приходится сталкиваться с такими реакциями родителей в ответ на его положительное поведение и чувства, быстро «теряет» мотивацию достижений. Он делает вывод, что проявлять радость от своих достижений и связанное с этим чувство удовольствия неприемлемо, а иногда даже опасно.

При неустойчивом, непоследовательном отношении со стороны родителей ребенок воспитывается в условиях эмоциональной депривации и часто становится жертвой эмоционального и психологического насилия. Постоянные переживания отрицательных эмоций из-за конфликтов, ссор, агрессии и насилия в семьях с таким стилем воспитания, а также невозможность поделиться с кем-либо своими переживаниями и хоть как-то снизить эмоциональное напряжение приводит к «замораживанию» эмоций. Возникает так называемая аффективная тупость, которая становится своеобразным механизмом защиты, обеспечивающим выживание в такой ситуации.

Привыкнув к подобной реакции со стороны родителей, ребенок перестает испытывать потребности в эмоциональной близости и эмоциональном контакте. Как показывают исследования, дети-жертвы насилия испытывают большие трудности при переживании и выражении эмоции, у них хуже развита способность к эмпатии, они не способны понимать чувства других людей, сопереживать им. Вырастая и становясь

взрослыми людьми, эти дети часто не только не умеют выражать свои переживания, но и вообще как бы отказываются от них, боятся их и стремятся уйти из ситуаций, где затрагиваются чувства.

Воспитание ребенка в условиях эмоционального и психологического насилия может приводить к деформации личности: формированию низкой самооценки, устойчивого чувства собственной ненужности, глубокого чувства вины и стыда за свое существование, пессимизма, безнадежности.

Когда дело доходит до того, что дети в угнетающем чувстве своей ничтожности уходят в оборону, тогда может проявиться такое явление, которое называется беспризорность.

Семья. Дети, с которыми обращались жестоко в психологическом смысле, попадают в сеть отношений наносящих вред и выпадают из нормального процесса социализации, с положительным подкреплением и поддержкой со стороны родителей. В результате этим детям трудно удовлетворить свои потребности в защите и покровительстве, нередко им приходится быть чрезмерно уступчивыми, чтобы избежать плохого отношения к себе, и у них могут развиваться невротические черты и проблемное поведение. В то же время такие дети постепенно учатся эксплуатировать, унижать или терроризировать других, равно как и ожидать, что любые человеческие отношения приносят боль и страдание. И все это – глубокие, долговременные последствия жестокого обращения с детьми.

Пренебрежительное отношение к ребенку очень часто встречается в семьях с так называемой гипопротекцией. Это стиль воспитания, при котором ребенок находится на периферии внимания родителей и попадает в поле их зрения только тогда, когда случится что-то серьезное (болезнь, травма и т.п.). Родители не проявляют к ребенку никакого интереса и могут полностью игнорировать как его физиологические (сон, еда), так и психологические (любовь, нежность, забота) потребности.

Родители, исповедывающие такой стиль воспитания, рассматривают ребенка как обузу, мешающую заниматься собственными делами. Поэтому

ребенок в такой семье оказывается не только в эмоциональной изоляции, но и очень часто подвергается наказаниям, когда пытается все же тем или иным способом удовлетворить свои потребности.

Многим родителям приходится наказывать своих детей. Даже тем, кто считает, что этого делать нельзя. Однако психологи высказывают большие сомнения по поводу того, что наказания приносят эффект, если применяются для воспитания детей. Это всего лишь родительское заблуждение. Им кажется, будто бы, если они прибегают к наказаниям, то могут заставить детей повиноваться и исправиться. По существу же родители, таким образом, проявляют лишь свое нетерпение и гнев.

А.Фромм считает, что существует ряд опасностей, которые возникают, когда родители применяют наказания:

1. Очень часто наказание не исправляет поведение ребенка, а лишь преобразует его. Один проступок заменяется другим. Но при этом он по-прежнему может остаться неправильным и еще более вредным для здоровья ребенка.

2. Наказания вынуждают ребенка опасаться потерять родительскую любовь. Он чувствует себя отвергнутым и нередко начинает ревновать брата или сестру, а порой и родителей.

3. У наказанного ребенка может возникать враждебное чувство к родителям, и это породит в его сознании чудовищную дилемму. С одной стороны, родители – это взрослые, восстание против них никак невозможно. С другой – он еще слишком зависит от них, чтобы извлекать пользу от своей вражды, не говоря уже о том, что он все-таки любит своих родителей. И едва в нем объединятся эти два чувства – любовь и ненависть, – как сразу же возникает конфликт, который приводит к тревоге.

4. Частые наказания, так или иначе, побуждают ребенка оставаться незрелым, инфантильным. Обычно его наказывают за какую-нибудь ребяческую проделку. Но желание достичь запретного не пропадает, и ребенок решает, что, пожалуй, не стоит от него отказываться, если можно

расплатиться всего лишь наказанием. То есть он терпит наказание, чтобы расплатиться, очистить совесть и продолжать в том же духе – и так до бесконечности.

5. Наказание может помочь ребенку привлечь к себе внимание родителей. Хотя детям нужна, прежде всего, родительская любовь, они часто ищут даже такую жалкую ее имитацию, как простое внимание. Ведь порой гораздо легче привлечь внимание родителей, делая какие-нибудь глупости, чем оставаться все время добрым и послушным. Речь может идти не только о добром внимании со стороны родителей – неважно: все равно, было бы внимание.

В результате соответствующего воспитания и постоянных наказаний от любви к родным не остается ничего, кроме видимости или привычки. Но часто нет даже этого и дети действуют против семьи. В жизни они играют роль людей, которым недостает чувства солидарности, у которых не сложились отношения с людьми, и они видят в ближних что-то враждебное. Они все время начеку, чтобы кто-нибудь другой их не обманул. Очень часто от таких детей можно слышать, что они готовы “растерзать” своих родителей. Недоверие прокрадывается во все отношения. Из-за него все время увеличиваются трудности совместной жизни. У них также очень часто наблюдаются деструктивные наклонности. Трусливое коварство растет в них само по себе из-за их недостаточного доверия к самим себе и к окружающим.

Итак, невозможность удовлетворения своих потребностей в семье приводит детей к тому, что они ищут себя в побочной, а не главной области отношений, которая закрылась для них, и пытаются компенсировать свой неуспех, свое честолюбие, стремления к власти и превосходству в другой не менее значимой деятельности – школьной.

Школа. Дети, обреченные на неуспех в жизни – это дети с чрезвычайно сильным честолюбием, повышенной чувствительностью к любым обидам.

Если ситуация, связанная с неуспехом, который или уже произошел, или угрожает, повториться в школе – это ведет к безнадежности, к стремлению скрыть свою слабость и этот ребенок начинает избегать школу.

Первый путь – проявить “защитную” форму лени. Известнейший психолог А. Адлер считал, что такую лень нужно понимать не как что-то врожденное или как плохую привычку, а как средство не подвергать себя какой бы то ни было проверке. Так, ленивый ребенок всегда может сослаться на лень: он проваливается на экзамене – виновата лень. Лучше потерпеть поражение из-за лени, чем из-за неспособности. И ребенок должен как опытный преступник создать для себя алиби. Он все время должен ссылаться на лень. И это ему удастся. Он спрятан за своей ленью, психическая ситуация по отношению к сохранению честолюбия облегчена.

Второй путь – ребенок начинает прогуливать занятия, подделывает подписи и делает “липовые” справки. Но что должен делать ребенок со свободным временем? Нужно найти какое-нибудь занятие. При этом чаще всего ребенок соединяется с себе подобными, с теми, кто уже вступил на тот же путь, у кого та же судьба. Это всегда честолюбивые дети, которые очень хотели бы играть некоторую роль, но которые больше не надеются удовлетворить свои потребности на основном жизненном пути. Таким образом, они ищут другие занятия, которые бы их удовлетворили. И очень часто эти дети становятся на преступный путь, так как не имеют опыта удовлетворения своих потребностей социально приемлемым способом.

3.6. Физические наказания в семье и их последствия

Физические (телесные) наказания – это использование физической силы с намерением воздействовать на ребенка, чтобы он почувствовал боль, но без нанесения серьезного ущерба (ран, увечий, ожогов и пр.), с целью исправления или контроля его поведения. Так что физическое наказание это и легкие шлепки по рукам и ягодицам, и увесистые подзатыльники, и порка. Здесь важным является и как сам причиненный вред, так и намерение

причинить вред. То есть целью такого «воспитательного» воздействия является не только вызов болезненных ощущений, которые и делают это наказание действенным, но и стремление родителя причинить боль. Эти два момента позволяют дифференцировать наказание от многих других действий родителей, которые могут причинять боль ребенку непреднамеренно (например хватание падающего малыша, обрабатывание ссадины йодом и пр).

Типы наказания. Физические наказания можно разделить на четыре категории:

- «порка/битье» (шлепание и удары по разным частям тела);
- «физическое сдерживание» (удержание, ограничения, подталкивание,);
- «наказание для примера» (используется для демонстрации ребенку последствий его действий: щипание, дергание за волосы, кусание);
- «физическое принуждение» (включает насильственное мытье, кормление, одевание).

Обзор многочисленных исследований показывает – большинство детей во многих странах мира подвергается физическим наказаниям. Вместе с тем, частота наказаний зависит от возраста детей. В частности, установлено, что чаще всего физическим наказаниям подвергаются дети в возрасте от 1 года до 4 лет (по некоторым данным в 80–90% случаев дисциплинирования ребенка), в дальнейшем частота такого рода воздействий постепенно снижается, достигая к подростковому возрасту 25–30%. Вместе с тем, часто данные об использовании физических наказаний в семье получены лишь от одного из наказывающих родителей, поэтому к ним нужно относиться достаточно критически, так как ребенок может подвергаться физическим наказаниям и со стороны другого родителя.

Использование физических наказаний – одна из многих форм родительского поведения, которая часто передается от одного поколения к

другому («эстафета насилия»). Основной причиной использования родителями физических наказаний по отношению к собственным детям является то, что в детстве они сами подвергались такого рода насилию. При этом частота и основательность, с которой родители бьют своих детей, тесно связана с некоторыми характеристиками семьи и особенностями взаимоотношений в ней: в большей мере с такими как стабильность брака и психическое здоровье родителей и в меньшей – с демографическими индикаторами и социально-экономическим статусом семьи.

Как отмечают многие родители иногда, чтобы дисциплинировать ребенка, «хорошая взбучка» просто необходима. Часть уверена, что лучший способ пресечения детской агрессии – это отшлепать его, то есть проявить контрагрессию. Некоторые родители считают, что битье детей является не только наиболее радикальным способом изменения поведения ребенка, а также может служить для того, чтобы уменьшить родительский стресс и обрести контроль над поведением ребенка. Большинство родителей отмечают, что бьют детей в состоянии крайнего раздражения и озлобленности, но вместе с тем предпочли бы альтернативную модель поведения.

Часто в семье возникает ситуация «кругооборота насилия»: плохое поведение детей провоцирует родителей на применение физических наказаний, а битье детей «заставляет», в свою очередь, их протестовать и вести себя плохо. Таким образом, с одной стороны, ребенок, который проявляет агрессию должен быть наказан, с другой – использование родителями физических наказаний приводит к повышению агрессивности у детей. Порочный причинно–следственный круг: абсолютно не понятно кто из участников этого процесса является его первоисточником.

Многочисленные исследования показывают, что дети, которые подвергаются физическим наказаниям, имеют большее количество эмоциональных и поведенческих проблем, особенно связанных с агрессией, депрессией и насилием по отношению к окружающим.

Агрессия и асоциальное поведение. Были обнаружены корреляционные связи между физическими наказаниями и проявлениями агрессии вне зависимости от возраста детей. Например, в результате обследования годовалых детей было обнаружено, что тех, кого часто шлепали их матери, на 58 % чаще не выполняли требования матерей, чем дети, чьи родители редко или никогда физически не наказывали. Обследование детей младшего школьного возраста показало, что те школьники, по отношению к которым дома использовались физические наказания, были вдвое более агрессивными, чем другие дети. Изучив поведение детей различных возрастов, М.А. Строос выявил, что дети, которые подвергались физическим наказаниям, в 4 раза чаще проявляли агрессию по отношению к сиблингам, чем дети, которых не наказывали. Кроме того, как отметили родители в своих самоотчетах, те из них кто в детстве имел опыт физических наказаний в 3 раза чаще проявляли физическую агрессию по отношению к собственному супругу.

Вместе с тем, в большинстве исследований вывод о взаимосвязи физических наказаний и агрессии делается на основе результатов корреляционного анализ, который не позволяет однозначно утверждать, что причиной эмоциональных и поведенческих проблем ребенка являются физические наказания. Немногочисленные лонгитюдные исследования не всегда подтверждают усиление детской агрессивности с возрастом или смешивают физические наказания (шлепки, тычки, подзатыльники) с другими более суровыми дисциплинарными воздействиями.

М.Строос с коллегами предпринял масштабное исследование взаимосвязи между телесными наказаниями и асоциальным поведением. В ходе этого исследования было проведено интервью с 807 матерей детей в возрасте от 6 до 9 лет В качестве гипотезы выдвигалось предположение, что, когда родители используют телесное наказание в надежде предотвратить асоциальные действия ребенка, на самом деле создают предпосылки для асоциального поведения в будущем. В ходе исследования фиксировались

уровень асоциального поведения в начале диагностики, социально-экономический статус семьи, пол ребенка, а также способы обеспечения эмоциональная поддержка и познавательного стимулирования дома.

Было установлено, что независимо от того обеспечивают ли родители удовлетворительную социальную среду в других отношениях, использование ими физических наказаний имеет тенденцию увеличивать риск появления асоциального поведения. Более того, тенденция применения физических наказаний связана с увеличением уровня асоциального поведения независимо от степени обеспечения родителями когнитивного стимулирования и эмоциональной поддержки и независимо от социально-экономического статуса семьи и пола ребенка. Таким образом, проведенное исследование позволило сделать вывод – когда родители используют телесные наказания, чтобы уменьшить асоциальные проявления у своих детей, через некоторое время они получают совершенно противоположный результат: чем чаще матерями используются физические наказания, тем больше вероятность появления асоциального поведения в будущем. И, наоборот, если родители заменяют телесные наказания ненасильственными способами дисциплинирования, то это уменьшает риск возникновения асоциального поведения.

Социальные навыки. Сравнение социального поведения и статуса детей, подвергающихся физическому насилию, и их одноклассников (возраста 8-12 лет) показало, что первые имели более низкий социометрический статус среди сверстников и меньше выбирались одноклассниками в качестве друзей. Вместе с тем, они же оценивались сверстниками как более агрессивные и менее склонные к сотрудничеству, а родителями и преподавателями как более тревоженные. Сходные данные были получены и на детях в возрасте 3-6 лет.

П.Трикетт сравнил семьи, имеющие детей в возрасте 4–11 лет, с использованием физических наказаний и без, обнаружил, что там, где родители применяли силовые методы воздействия дети имели более низкую

познавательную зрелость, слаборазвитые способности разрешения межличностных проблем и низкую социальную компетентность.

П. Курц и его коллеги сравнили группы детей, по отношению к которым использовались физические наказания, с ненадлежащим уходом и контрольную группы (возраста 8-16) и установили, что дети, подвергающиеся физическому насилию, имели низкую успеваемость, трудности социальной адаптации и эмоциональные проблемы в школе.

Личностные проблемы. Было обнаружено, что дети, подвергающиеся физическим наказаниям, имеют более выраженные дисфорические (депрессивно-враждебные) характеристики, более высокую интернальность, низкую самооценку и более безнадежны в оценках собственного будущего.

Не безинтересны результаты изучения самооценки детей 4-14 лет, которые подверглись серьезному физическому насилию со стороны родителей. Используя структурированные интервью и шкалу самооценки, психологи выявили, что дети, подвергающиеся телесным наказаниям, имели значительно меньшее количество друзей, были менее честлюбивы, и имели более низкую самооценку. Однако, эти исследования не учитывали социально-экономический статус этих детей. По этому поводу М.Раттер указывал, что так как социальные фрустрации идут рука об руку с проблемами воспитания, трудно установить являются ли эти характеристики результатом использования физических наказаний или они относятся к более широкому контексту условий окружающей среды.

Проблемы психического здоровья. Вызывают интерес данные, которые были получены в результате изучения признаков психического дистресса у нормальных подростков, которые сообщили о применении их родителями физических наказаний. У этих подростков были выявлены более высокий уровень проявления психиатрических симптомов (показатели соматизации, обсессивности, межличностной сезитивности, депрессивности, тревожности, враждебности, фобической тревоги, параноидальных идей и психотичности) и низкий уровень проявления благополучия (волнение по

поводу здоровья, энергетический уровень, интерес и удовлетворенность жизнью, эмоционально–поведенческий контроль, способность справиться с тревогой и др.). Полученные данные подтвердили гипотезу о тесной корреляционной связи между физическим наказанием и психическим дистрессом у подростков, а также зависимости этих последствий от образования и местожительства семьи и отношений ребенка с родителями.

Достаточно часто физические наказания смешивают с другими родительскими методами и стилями воспитания. Например некоторые психологи квалифицируют родительское отвержение и недостаток эмоциональности как проявление явной агрессии родителя против ребенка. Возможно именно поэтому Р. Саймонс и другие не обнаружили связи физических наказаний с подростковой агрессивностью, делинквентностью и психологическим благополучием после контрольного измерения родительского окружения. Именно поэтому необходимо рассматривать физические наказания в контексте родительско–детских отношений и учитывать влияние эффектов от других родительских стилей воспитания ребенка.

Кроме того, некоторые считают, что негативное влияние физических наказаний может амортизироваться, например эмоциональной теплотой и когнитивной стимуляцией ребенка. Однако, как уже отмечалось выше, предположение, что дети родителей, которые обеспечивают эмоциональную теплоту и когнитивную стимуляцию, не страдают от негативного влияния физических наказаний – не нашло подтверждения.

Существуют данные, что поскольку мальчики демонстрируют более высокий уровень нарушений поведения (прогулы школьных занятий, деструктивность, вербальная и физическая агрессия), чем девочки, то родители, более часто используют в отношении их физические наказания. Кроме того, исследования свидетельствуют, что использование физических наказаний связано с социо–экономическим статусом семьи. Противоречивые данные существуют и в отношении возраста детей, на которых оказывают

влияние физические наказания – до сих пор такой критический возраст точно не определен.

Структура семьи. Существуют многочисленные данные, что частота и сила физических наказаний связана с композиционными особенностями семьи. В частности, утверждается, что степень использования физических наказаний будет различной в полных и неполных семьях.

Некоторые авторы полагают, что одинокие матери будут применять физические наказания более часто и сильнее. Такое мнение складывается в результате предположения, что родители–одиночки являются в семье обычно единственным лицом, на которое ложится ответственность за контроль над поведением детей. Эта повышенная («удвоенная») ответственность выступает как своего рода компенсация вследствие отсутствия второго родителя, контролирующего дисциплину детей в семье. Кроме того различного рода социальные неудобства, сопровождающие жизнь в неполной семье, особенно, бедность, низкий уровень образования и интеллектуального развития родителя, могут вызывать стресс и ухудшать родительско–детские отношения настолько, что приведут к более частому использованию физических наказаний, а в последующем, возможно, и физического насилия.

Другим фактором, который провоцирует использование физических наказаний в отношении детей, являются межличностные разногласия. Считалось, что одинокая (никогда не бывшая замужем) мать будет меньше использовать физические наказания против детей, чем замужняя. В свою очередь, ожидалось, что разведенные или разводящиеся матери могут проявлять больше физической агрессии, так как высокий уровень разногласий и межличностной напряженности может сохраняться и после сепарации. Однако, исследования показали, что матери–одиночки используют не больше насилия в отношении собственных детей чем, замужние матери. Вместе с тем, степень использования «очень сурового» насилия одинокими матерями была на 71% выше, чем замужними.

В исследованиях Г.Нобиса и М.Смит, основанного на самоотчетах матерей, не было установлено различий в частоте и силе физических наказаний между одинокими и замужними матерями. Однако, такие различия были обнаружены при изучении самоотчетов отцов, которые отметили, что дети из полных семей подвергаются физическим наказаниям значительно чаще и сильнее, чем дети, воспитывающиеся одним родителем.

Кроме того, было установлено, что «бедственное» положение одиноких матерей, не совсем однозначно определяет использование ими физических наказаний. Так, в частности, несмотря на низкий экономический статус одинокие матери не были более агрессивны в отношении собственных детей, чем замужние. Наоборот, отмечается тенденция к использованию физическим наказаниям у одиноких матерей, имеющих более высокий доход (рис. Физические наказания¹). Помимо всего, замужние матери с нарушениями психического здоровья, чаще и суровее наказывают своих детей чем, одинокие. Например, только 6% одиноких матерей с низким психическим статусом используют суровые наказания собственных детей.

Эти данные несколько не согласуются, а в некотором смысле противоречат, данным других исследований. Однако, эти противоречия устраняются, если учесть, что в полных семьях наказывать ребенка может не только мать, но и отец. Другой причиной таких результатов могло стать то, что матери–одиночки с низким экономическим статусом имеют более благоприятные межличностные отношения со своими детьми, чем такая же категория замужних женщин, что и делает их менее наказывающими. Возможно, одинокие матери и их дети взаимодействуют более гармонично в неблагоприятных условиях существования семьи.

Сложнее объяснить факт более позитивного отношения к детям у одиноких матерей с низким психическим статусом. Возможно, можно провести параллель с матерями, испытывающими финансовые трудности: в неблагоприятной семейной обстановке матери с низким психическим статусом больше удовлетворены жизнью, чаще проявляют к детям нежные

чувства, меньше критикуют их. Другое объяснение состоит в том, что наличие отца в семье может создавать дополнительные проблемы матерям, делая их более депрессивными и тревожными. Таким образом супруги в семье могут выступать друг для друга дополнительным стрессогенным фактором, что усиливает их разногласия и повышает вероятность использования насилия и между супругами, и между родителями и детьми. Разногласия в супружеских отношениях часто рассматривается как самостоятельный стрессовый фактор, провоцирующий насилие над детьми. Согласно этой модели, напряжение каждого из супругов усиливается другим и ребенок может превратиться в «козла отпущения». Возможно, это как-то объясняет взаимосвязь между нарушениями психического здоровья в полных семьях и использованием физических наказаний. Исследования показывают, что в полных семьях насилие используется гораздо чаще, чем в неполных и что присутствие в семье неблагополучного партнера гораздо хуже, чем его полное отсутствие.

Таким образом, исследования, проведенные Г.Нобисом и М.Смит, показали, что одинокие матери не компенсируют в семье отсутствие наказывающего отца. Напротив, они реже используют физические наказания, чем замужние матери, и проявляют большую мягкость в отношениях со своими детьми. Это позволяет сделать заключение, что дети матерей-одиночек не составляют группу риска и имеют даже более низкие шансы подвергнуться насилию. Кроме того, нерегулярность использования матерями-одиночками суровых физических наказаний вообще ставит под сомнение роль таких факторов как низкий экономический и психический статус в провокации насильственного поведения родителей в отношении детей. Создается впечатление, что матери проявляют тенденцию к наказанию детей только при наличии отца в семье. Если это так, то неполную семью можно рассматривать как защитный фактор, предотвращающий наказания и насилие в случае неблагоприятного положения семьи. Еще более важно, что структура семьи, являющаяся источником психосоциального и

экономического стресса, определяет степень угрозы использования наказания, но не простое количество родителей в семье.

Обобщение многочисленных исследований позволило разработать интегративную модель для объяснения использования физических наказаний, включающую целый ряд факторов.

Культурный статус, семейные традиции и телесные наказания. Методы воспитания ребенка вообще и использование физических наказаний в частности в значительной степени зависит от приобретенного родителями культурного капитала, а именно культурных норм и ценностей. В этом смысле культурный опыт родителей во многих случаях является основным ресурсом в воспитании детей. Поскольку родители в качестве доминирующих культурных ценностей могут усваивают те, которые одобряют использование физической силы и телесных наказаний, насилие над детьми становится приемлемым и культурно оправданным. Это согласуется с идеями сформулированными М.А. Стросом как теория культурного распада. основная мысль которой состоит в том, что насилие в одной сфере жизни имеет тенденцию порождать насилие в других сферах, и что этот процесс переноса нарушает границы между законным и криминальным применением силы. Поэтому чем больше в обществе существует легитимных возможностей использования силы, тем сильнее будет проявляться тенденция использования родителями насилия в отношении детей для достижения воспитательных целей.

Поэтому пока существуют указанные тенденции, культурный опыт, вероятно, будет передаваться из поколения в поколение. В частности, опираясь на социологическую теорию ритуалов, Р.Коллинз и С.Колтрейн полагают, что телесное наказание могут являться составной частью семейных ритуалов, обеспечивающих сплоченность семьи. Как они утверждают, ритуал это тип взаимодействия, который создает условия и подкрепляет чувство социальной общности, членства, принадлежности к группе. Следовательно, физические наказания могут стать таким ритуалом в

отношениях родителей и детей. В этом смысле Р.Коллинз и С.Колтрейн разделяют точку зрения других авторов, что дети, которые подвергались в семье физическим наказаниям, будут использовать те же методы дисциплинирования, когда станут родителями. Так они будут продолжать традиции семейной солидарности. Это доказывает, что физические наказания интернализуясь становятся тем процессом социализации, который базируется на культурном опыте приобретенном родителями в детстве.

Еще одним специфическим типом культурного опыта родителей являются их вероисповедания и религиозные убеждения. В частности, была установлена сильная и положительная взаимосвязь между религиозными установками и использованием физических наказаний. Это объясняется тем, что многие христиане верят – те, кто нарушает религиозные заповеди, должен быть наказан. В этом случае они, с большей вероятностью, будут использовать силу и авторитарное дисциплинирование для достижения воспитательных целей. Например, такое поведение характерно для консервативных или фундаменталистских протестантских родителей.

Социальный статус и телесные наказания. Фактически основу социального статуса человека составляют такие три основных показателя как уровень образования, престижность работы и уровень доходов. Как показывают социологические исследования, социальный статус родителей может оказывать влияние на используемые методы воспитания ребенка. В частности, в классическом исследовании Ю.Бронфенбреннер установил, что родители, имеющие более низкий социальный статус, чаще одобряют и используют телесные наказания при воспитании детей. Вводится даже понятие «авторитаризм рабочего класса», объясняемый недостатком знаний и навыков воспитания детей. Было также обнаружено, что родители, имеющие низкий социальный статус, в своих воспитательных установках ориентированы в большей мере на детское повиновение, чем на детскую автономию. Более поздние исследования подтверждают отрицательную

корреляционную связь между уровнем социально–экономического статуса родителей и частотой использования телесных наказаний в отношении детей.

Уровень образования также является важнейшим фактором, определяющим использование телесных наказаний. Например, рядом исследований было показано, что лица с более низким образованием в среднем в два раза чаще одобряют физические наказания детей.

Еще одной составляющей социального статуса является – статус здоровья человека, особенно, его психического здоровья. Например, при разработке ситуативной модели было доказано, что статус психического здоровья родителей непосредственно связан с уровнем физического насилия в отношении детей. В этом отношении достаточно иллюстративны исследования Д.Дювалля и А. Бута, которые выявили, что низкий психический статус влияет на частоту использования матерями физических наказаний.

Коммуникативные сети и телесные наказания. Коммуникативная сеть человека включает все межличностные отношения с окружающими, особенно неформальную сеть общения и поддержки со стороны других людей или организаций.

Как часть более широкой социальной структуры, коммуникативные сети родителей могут быть ориентированы и связаны с поиском социальной поддержки в воспитании детей. Поскольку коммуникативная сеть родителей положительно связана с эффективностью родительского функционирования, она может определять особенности дисциплинирования и воспитания ребенка. То есть родители, которые имеют более разветвленную сеть возможностей получения поддержки, будут иметь большее количество времени и ресурсов для коммуникации с собственными детьми, снижая тем самым риск применения телесных наказаний. Это теоретическое суждение нашло эмпирическое подтверждение: было установлено, что матери которые имели обедненную коммуникативную среду в большей мере ориентированы

на установление домашних правил и использование авторитарных наказаний.

Демографические переменные и телесные наказания. Как показывают исследования, количество детей в семье играют важную роль в динамике вероятности использования родителями физических наказаний. В частности было установлено, что родители, имеющие большое количество детей, и в большей степени склонны использовать телесные наказания в воспитании. Другие исследования, проведенные Д.Дюваллем и А. Бутом, показали, что количество детей в семье положительно коррелировали с использованием физических наказаний со стороны матерей. Это объясняется тем, что распределение времени и ресурсов, связанное с большим количеством детей, вынуждало родителей быть более авторитарными, строгими и жесткими по отношению к детям. Также была выявлена тенденция родителей, имеющих значительное количество детей, более благосклонно относиться к физическим наказаниям. Причем особенно рельефно эти установки проявляются у родителей, имеющих четырех и более детей.

Эмпирические исследования также свидетельствуют, что возраст родителей – важный индикатор использования родителями телесных наказаний. Поскольку молодые родители имеют малый опыт воспитания ребенка – они имеют более сильную тенденцию применять телесные наказания, чем родители старшего возраста.

Некоторые исследования демонстрируют, что наличие или отсутствие гендерного паритета в родительских ролях может оказывать влияние на использование телесных наказаний. Были основания полагать, поскольку большинство матерей «львиную долю» своего времени тратят на уход за ребенком, чего не скажешь об отцах – следовательно, матери имеют больше возможностей и оснований быть более требовательными и склонными к наказаниям.

Однако, исследования показывают, что матери и отцы почти не отличаются по частоте использования физических наказаний в отношении своих детей. По сообщениям матерей и отцов они примерно в равном соотношении использовали физические наказания еженедельно или даже более часто (Таблица). Исключением в этой общей тенденции было более частое использование отцами такого наказания как «физическое сдерживание»).

Таблица

Частота использования родителями физических наказаний (по G.Nobes, et al, 1999)

Частота (%)	Когда-то		В последний год		Еженедельно или чаще	
	Матери	Отцы	Матери	Отцы	Матери	Отцы
порка/битье	91,2	90,3	76,8	76,7	39,8	35,9
физическое сдерживание	39,5	50	25,4	42,2	4,7	18,6
наказание для примера	38,8	30,1	12,7	14,6	1,1	2,9
физическое принуждение	9,7	3,9	5,2	3,9	0	0
другие физические наказания	93,4	91,3	80,4	80,6	42,5	45,6

В отношении использования такого наказания как «порка/битье» также не было обнаружено значимых различий между матерями и отцами. Вместе с тем в ситуации выбора наказания (т.е. «бить или не бить») отцы чаще отдают предпочтение сдерживанию, а матери порке и битью. Полученные данные согласуются и с другими исследованиями, в частности Г.Максвелл установил, что 24.4 % матерей и 15.6 % отцов шлепают своего ребенка еженедельно, более того матери вообще на 40% больше используют физические наказания еженедельно и чаще, чем отцы.. В целом матери более склонны к использованию карательных мер в воспитании детей, чем отцы. Возможно, предпочтение отцами сдерживания объясняется тем, что отцы являются более сильными, чем матери и, следовательно, лучше справляются с задачами воспитания. Кроме того, у отцов, вероятно, существует опасение, что, используя силу, они могут легко травмировать ребенка.

Исследования Г.Нобиса и др. не выявили существенных различий в степени суровости наказаний в отношении детей между матерями и отцами, хотя есть основания предполагать, что отцы наказывают детей более сурово. В частности большее количество отцов, чем матерей сообщило, что используют «ремень» и оценили используемые наказания как суровые. Также обнаружена тенденция более сурового наказания отцами сыновей, чем дочерей. Возможно, это связано с тем, что матери больше времени проводят вместе с детьми. Поэтому ограниченное время, которое отцы проводят с детьми, может побуждать их к более частому использованию физических наказаний. Однако, в тех семьях, где забота о детях распределялась равномерно между родителями, дисциплинарные меры также распределялись равномерно.

Следует отметить, что исследования влияния расовых или этнических различий относительно использования телесных наказаний дают весьма противоречивые результаты и не позволяют сделать однозначных выводов.

Детское поведение и физические наказания. «Непослушное» поведение детей делает процесс воспитания трудным и затратным. Дети, которые ведут себя плохо так или иначе сталкиваются с наказаниями.

Как уже отмечалось дети, имеющие высокий уровень активности, непослушания, агрессивности и нарушения поведения, чаще других сталкиваются с использованием физических наказаний со стороны родителей. Это очевидно, так как названные характеристики детей ставят под вопрос эффективность родительского авторитета и воспитания в целом, а, следовательно, заставляют родителей применять авersive методы подкрепления в случаях нежелательного поведения.

Супружеское насилие и телесные наказания. Было установлено, что супружеское насилие напрямую связано с физическим насилием в отношении детей. Кросс-культурные исследования Д.Левинсона показали, что использование физических наказаний как способа социализации детей связана с частотой насилия над женами в семье. Другими словами, супруги,

отличающиеся насильственным отношением друг к другу, чаще будут использовать физические наказания и в отношении собственных детей.

3.7. Насилие над родителями

Насилие в семье, как уже отмечалось, может принимать различные формы. Однако общественное мнение в большей мере концентрируется на насилии в отношении детей или супружеском насилии. Вместе с тем, все большую озабоченность и интерес психологов привлекает, часто являющийся семейной тайной, феномен насилия детей над родителями.

Определение насилия над родителями. Следует признать, что случайный конфликт между людьми, кто живут вместе, включая родителей и их детей, является вполне нормальным явлением. Определить факт насилия над родителями очень трудно, потому что не всегда ясно, какие нормы поведения в этой семье являются нормальными, а какие насильственными. Конфликт приобретает форму насилия, когда один из членов семьи использует угрозы, могущество или манипуляцию, чтобы получить власть над другим членом семьи. Исходя из этого **насилие над родителями** – это любые действия ребенка, которые связаны с причинением физического, психологического или финансового ущерба, а также направлены на получение власти и контроля над родителем.

Большинство подростков обычно проходят этап, связанный с попытками сепарации от родителей. Обычно этот процесс называют «индивидуализацией». Он может время от времени сопровождаться открытым неповиновением или сопротивлением власти. Следует, однако, различать сопротивление и агрессию, стремление сепарироваться от родителя и попытки взять под свой контроль родителя, «нормальное» подростковое поведение и насилие над родителями.

Насильственное подростковое поведение может изменяться от умеренного до тяжкого насилия. Родители должны изучить поведение их детей и на основе этого определить является ли оно приемлемым или оно

приняло форму насилия. Насильственное поведение не должно допускаться. Насилие обычно начинается с вербальной агрессии. Для большинства родителей насилие – обычная ситуация, когда родитель видит, что ребенок не демонстрирует никакие признаки раскаяния или вины за свое поведение.

Дети – не взрослые, они – зависимы, уязвимы и требуют защиты и руководства. Отношения между родителями и детьми по социальной роли не равны: это – оберегающие, неравные отношения взрослого с зависимым ребенком. Относительный баланс между зависимостью и независимостью не статичен, а изменяется с возрастом ребенка и по существу достигается в период взрослости. При позитивных родительско–детских отношениях родитель несет ответственность и именно она обеспечивает разумную власть над ребенком. Когда эти отношения дисфункциональны, т.е. в них все наоборот – они потенциально насильственны.

Некоторые родители, участники родительских тренинговых групп, сообщили о цикле насилия, подобному супружескому, когда дети выражали раскаяние и испытывали угрызения совести по поводу своей агрессии по отношению к родителю, а иногда и самонаказание. Даже тогда, когда подростки–агрессоры явно не выражали раскаяние, многие родители отмечали, что подростки знают, что их поведение наносит ущерб. Вместе с тем, некоторых родителей, чьи дети злоупотребляли спиртным или наркотиками, пугает эмоциональная черствость подростков, которые применяли насилие.

В принципе любое поведение, которое представляет собой намеренное причинение вреда родителям и используется как форма контроля, может быть определено как насилие. Насилие может быть физическим, психологическим (включая вербальную агрессию) или экономическим. Часто насилие по отношению к родителям представляет собой комбинацию различных форм.

К физическому насилию по отношению к родителям можно отнести удары, пинки, шлепки, толчки и отталкивания, ломание вещей, удары

кулаком в стену, по столу и пр., бросание вещей, сплевывание. К психологическому насилию – запугивание и устрашение родителя, попытки выставить родителя сумасшедшим, выдвижение нереалистичных требований к родителям (типа упреков в том, что родители ничего не делают, чтобы удовлетворить желания ребенка), преднамеренное лишение родителя информации о том, куда они идут, где находятся и что делают, побеги из дома или отсутствие дома всю ночь, угрозы нанести повреждения, покалечить или убить родителя или кого; шантажирование (типа высказывания угроз убежать, совершить самоубийство или причинить другой вред без видимых попыток сделать это), унижение родителя или других членов семейства, отказ в любви, попытки контролировать ведение домашнего хозяйства. К вербальной агрессии относятся вопли и крики, призывы к дискуссии, оспаривание (типа «Я не обязан делать то, что Вы мне говорите!»), саркастичность, критичность, девальвация, высмеивание родителя, обзывание, выражение ненависти и проклинание родителей. К экономическому насилию относятся кража денег или имущества родителей (которые иногда преподносятся как «заимствование» без разрешения), продажа собственного или родительского имущества, разрушение квартиры, дома или имущества родителей, требования купить вещи, которые родители не могут себе позволить, вынуждение родителей отдавать их долги.

Родители находятся под огромным постоянным, культурно обусловленным, давлением общественного мнения, что они должны обеспечить своих детей материально. В то же время многие подростки, спекулируя на этом, настаивают на покупке фирменных и модных вещей, а некоторые подростки, склонные к насилию, играя на чувствах родителей просто вынуждают их тратить гораздо больше денег на детей, чем родители могут позволить себе.

Половозрастные особенности ребенка, склонного к насилию. Хотя многие психологи полагают, что мальчики имеют более выраженную тенденцию проявлять физическую агрессию по отношению к их родителям

чем девочки, некоторые убеждены, что и мальчики и девочки в равной степени участвуют во всех формах насилия.

Следует отметить, что основа насильственного поведения закладывается задолго до того времени, когда дети достигают подросткового возраста. Большинство родителей отмечают, что насилие началось, когда ребенку было 12–14 лет. Однако некоторые из них замечали признаки насильственного поведения и в более раннем возрасте (4–5 лет), но первоначально трактовали такое поведение скорее как истерику, чем насилие. Большие физические габариты и кондиции подростков могут восприниматься родителями как более угрожающие и, следовательно, изменять их оценку, т.е. трактовать агрессивное поведение ребенка как насильственное.

Достигнув подросткового возраста, многие дети, проявляющие насилие против родителей, начинают участвовать в асоциальных (пьянство, употребление наркотических веществ) или противоправных (кражи, мошенничество, вандализм, воровство, совершение тяжкое преступлений, проституция) действиях.

Иногда молодые люди, проявляющие насилие к собственным родителям, сами являлись жертвами физического, сексуального и/или психологического насилия. Это могло быть возможным как в рамках собственной семьи, с стороны близких родственников, так и вне семьи, со стороны посторонних. Некоторые подростки – не являясь прямыми жертвами насилия, возможно, были свидетелями этого в их доме. Как уже отмечалось ранее, целым рядом исследований доказано, что дети, которые являлись свидетелями насилия, в большей мере склонны к нарушениям поведения, проявлению агрессии в отношениях со сверстниками и взрослыми, совершению деструктивных и противоправных действий.

Половозрастные особенности родителя– жертвы насилия.

Поскольку семьи существенно различаются по структуре, традициям,

социальному положению, достатку, условиям проживания, трудно составить типичный портрет родителя–жертвы.

Вместе с тем, все же можно остановиться на некоторых общих закономерностях. В частности, было установлено, что единственный родитель в семье имеет больший риск быть подвергнутым насилию, чем родитель из полной семьи. Средний статистический возраст родителей, подвергающихся насилию со детей – 44 года (В. Cottrell, 1996, 2001). Это противоречит распространенному мнению, что насилию подвержены прежде всего те людьми, которые стали родителями в слишком молодом возрасте.

Матери и мачехи (как в неполных, так и в полных семьях) в большей мере подвержены угрозе стать жертвой насильственного поведения подростков. Причем и физически сильные (в меньшей степени), и физически слабые (в большей степени) матери могут быть подвержены насилию со стороны сына или дочери. По своим физическим кондициям матери в меньшей степени чем отцы способны дать отпор агрессивному подростку, дисциплинировать их или защищать себя и младших детей.

Отцы и отчимы также могут стать жертвой насилия, но, конечно же, не в такой степени как матери и мачехи. Когда насилие возникает между детьми и их отцами, отцы часто реагируют ответной агрессией и этот инцидент скорее квалифицируется как борьба, нежели насилие.

Примечательно, что родители с физическими или психическими недостатками, чаще, чем другие становятся жертвами насилия. Не остаются в стороне и другие члены семьи – младшие дети, старики, домашние животные. Как и при всех других формах насилия, семейное насилие направленно на лиц, которые воспринимаются агрессором как более слабые и уязвимые.

Родительские переживания, связанные с насилием. Все родители, подвергающиеся насилию, испытывают целую гамму различных эмоций: от страха за свою жизнь и опасения за безопасность их подростка до вины в случае обвинений за насильственный характер действий их детей со стороны

окружающих. Эти переживания часто определяют не только восприятие обстановки в семье, но и поведение родителей, формируя психологию жертвы.

Отрицание. Для большинства родителей трудно признаться себе в том, что их ребенок может проявлять по отношению к ним насилие. Поэтому они могут первоначально просто отрицать проблему:

Ощущение фиаско, позора и вины. Многие родители чувствуют себя угнетенными и опозоренными за то, что не смогли создать семейное счастье. Они подвергают сомнению свои способности к воспитанию, мучаются мыслями о том, что сделали все не так как надо и начинают походить на неудачников. Женщины особенно живут под гнетом социальных ожиданий и осуждающего мнения, что они плохие матери. Действительно многие родители чувствуют ответственность за своих детей. Однако, признавая то, что родители конечно же играют главную роль в развитии ребенка— они обычно обвиняются и во всех грехах собственных детей. В результате не только у них формируется такое «иррациональное» убеждение, но они часто в самом деле принимают полную ответственность за насильственные действия их ребенка.

Трудно согласиться с перспективой развития таких родительско—детских отношений. Изменение убеждения, что родители — единственный фактор влияние на их детей, может стать позитивной перспективой, особенно для родителей, переживающих вину и позор по поводу действий их детей. Действительно, идея об исключительности родительского влияния на детей не только отрицает эффект других социальных воздействий на жизнь ребенка, но и возлагает на их плечи невероятный груз ответственности. Парадоксальность ситуации состоит в том, что как только они начинают искать помощи у окружающих, они часто натываются на обвинения окружающих — и это еще больше усиливает их чувство вины. Эти чувство вины и ощущение чрезмерной ответственности часто делают родителей не восприимчивыми к положительным и полезным советам по поводу изменения

их поведение и не позволяют предпринять эффективные шаги, чтобы справиться с трудностями в поведении их детьми.

Отчаяние и изоляция. В дополнение к чувству исключительной ответственности, родители часто ощущают себя покинутыми и изолированными. Они переживают безнадежность и беспомощность, потому что неспособны управлять ситуацией либо из-за физической опасности, либо их собственной эмоциональной нестабильности. Отчаяние из-за отсутствия гармонии в семейной жизни и ощущение изолированности в данной ситуации делает изменение убеждений еще более проблематичным.

Напряженность отношений. Проявление насилия со стороны подростков часто ведет к выяснению отношений между родителями по вопросу как должно дисциплинировать подростка. Это часто приводит к спорам и скандалам и существенно ограничивает количество времени, которое родители могли бы потратить, чтобы побыть вместе. Отношения между родителями в таких семьях настолько напряжены, что иногда приводят к разводу из-за поведения подростка.

Доверие. Почти все родители, подвергающиеся насилию, чувствуют себя неспособными доверить их детям, особенно, когда те остаются одни дома. Неуверенность будет ли конфронтация или нет, когда они возвратятся домой – чрезмерно беспокоит родителей. Кроме того – это постоянное сомнение, будет ли ребенок вообще дома или страх, что с ребенком опять придется иметь дело, что их дом и имущество будет повреждены, или что-то опять украдено.

Самое большая трудность состоит в том, чтобы изменить чувство безнадежности родителей и инерции, которая возникает из-за отчаяния. Родители агрессивных подростков часто выглядят либо эмоционально парализованными и бесчувственными, либо активными, выполняющими набор ритуальных действий, с помощью которых они беспомощно пытаются противопоставить тирании собственных детей.

Здоровье. Стресс и напряжение при общении с агрессивными подростками могут иметь негативные последствия для здоровья родителей, иногда усугубляя имеющиеся проблемы, иногда создавая новые. Многие родители прибегают к использованию лекарственных препаратов в надежде справиться с со стрессом и напряженной ситуацией. Некоторые родители начинают употреблять алкоголь, реже наркотики.

Потеря. Когда по разным причинам подросток покидает дом (уход из дома, заключение и пр.), некоторые члены семейства испытывают сильное чувство потери и часто горюют о потере их ребенка (брата, сестры). Они также могут горевать о нарушении целостности, разрушении единства семьи. Это особенно травматично для неполных семей, где подросток – единственный ребенок. В случаях, когда молодой человек имеет собственного ребенка – родители теряют не только их ребенка, но также могут утратить контакты с их внуком.

Сиблинги. Насильственные действия подростков могут распространяться и на других детей в семье и породить опасения родителей за их безопасность. Некоторые родители обеспокоены, что такие действия как употребление наркотиков, алкоголя, проституция могут стать примером для подражания для других детей и распространить «эту заразу» на остальную часть семьи. Кроме того, фокусировка на агрессивном ребенке часто отнимает больше времени и энергии родителей и тем самым отвлекает их внимание от других детей. В свою очередь, дети, родители которых обходят их вниманием, становятся агрессивными, чтобы получить это внимание, или депрессивными.

Другие межличностные отношения. Родительские и детские отношения с друзьями и родственниками также могут быть пронизаны насилием. Подростки часто манипулируют другими членами семейства, убеждая, что их склонность к насилию – ошибка родителей:

Работа. Стресс, вызванный насилием, распространяется и на занятия вне дома. Родители приносят свои беспокойство и тревогу на работу.

Волнение родителей, чьи дети переводят из школы в школу или которые убегают из дома, может помешать им сконцентрироваться на работе. Их беспокойство относительно местонахождения ребенка, тревога за безопасность ребенка, может привести к безразличию и даже травматизму на работе.

Некоторые родители также обеспокоены звонками на работу из милиции или социальных служб, необходимостью выплачивать различного рода штрафы и компенсации за нанесенный ущерб.

Семейные факторы. Достаточно сложно однозначно определить причины и факторы, приводящие к насилию детей над родителями. Однако, можно безошибочно назвать некоторые из них.

Родительская власть (авторитет). Пожалуй любая семья имеет потребность в ясной структуре и определении лидерства. Родители, будучи ответственными, понимают, что они имеют право устанавливать ограничения и говорить: «Это – мой дом и вы не можете вести себя в нем, как вам вздумается!». Некоторые из них, боясь потерять любовь их детей, устанавливают принудительные правила и стандарты поведения. Иногда родители так запуганы, что, стремясь избежать конфронтации, позволяя подростку управлять в доме. Когда подростки чувствуют, что их родители не в состоянии контролировать ситуацию в семье, они начинают поступать таким образом, потому что не ощущают себя защищенными. Принятие подростком на себя роли управляющего достаточно типичный случай для такой семьи. Однако для большинства подростков это дополнительное бремя в борьбе за власть в семье.

Использование принудительных мер. Следует признать нормальным, что в жизни каждого подростка бывает период «Я ненавижу ваши правила!», но родительская работа и состоит в том, чтобы постараться, несмотря на протест подростков, вводя ограничения и правила, «удержать детей в узде». Иногда такие попытки родителей имеют успех. Однако, при таком подходе, некоторые дети становятся более агрессивными и отказываются

повиноваться правилам до тех пор, пока родители не разъяснят, что такое поведение не приемлемо и именно поэтому родители вводят некоторые ограничения.

Изменения в структуре семьи. В ситуации развода родителей дети иногда злятся и обижаются на родителя, с которым они остаются жить (обычно на мать), за те изменения, которые произошли в их доме, в школы, в отношениях с друзьями или образе жизни в целом. Подростки иногда ревнуют к потере внимания со стороны их матери или отцов, особенно, когда у тех появляются другие партнеры. Когда мать – единственный родитель, подростки иногда срывают свой гнев и отреагируют свою фрустрацию на ней просто, потому что она рядом и «больше не на ком».

Социальная изоляция. Чувства изоляции и отчужденности от семьи, школы и общества часто продукт современной «эмоционально холодной» цивилизации. Ощущение разъединенности делает большинство подростков более агрессивными.

Современный пресс работы и денег создают дополнительное напряжение, вызывает семейные проблемы и заставляет родителей уделять все меньше времени на полноценное общение с ребенком. Когда дети маленькие, родители без труда справляются с бременем ответственности и необходимости планирования их действий, но когда дети подрастают и достигают подросткового или юношеского возраста – это становится делать все труднее и труднее.

Подростки, которые чувствуют себя отчужденными от родителей жаждут их внимание и поэтому могут использовать агрессию в виде средства выражения фрустрации и гнева. В будущем такие подростки могут испытывать недостаток социальной зрелости, что может привести другим формам асоциального поведения. Эти подростки нуждаются в постоянном взрослом руководстве и лидерстве.

Сопутствующие факторы. В современном обществе насилие и агрессия обычно используется для достижения каких-то определенных целей

и поддержания контроля. То, что агрессия и насилие буквально пронизывают все сферы человеческой жизни – пожалуй, самое распространено мнение. Действительно, в некоторых семьях или сообществах физическая и вербальная агрессия, эмоциональное насилие – принятый метод воспитания и взаимоотношений. И, если это продолжалось в течение многих лет или поколений – это, возможно, стало общепринятой моделью поведения.

Следование за образцом. Некоторые склонные к насилию подростки сами были жертвами физического, сексуального или эмоционального насилия, или были свидетелями такого насилия по отношению к их родителям или сиблингам. Таким образом, они могут использовать насильственные паттерны поведения как способ взаимодействия с окружающими в случае потери власти и контроль.

К сожалению, подростки, которые сталкиваются с насилием, часто сосредотачиваются не на возмездии виновнику насилия – вместо этого они направляют агрессию на ни в чем не повинного родителя. Отмечается, что мальчики, больше чем девочки, имеют тенденцию идентифицироваться с их отцами и, следовательно, с большей вероятностью будут заимствовать их негативные и позитивные черты. Это может иметь серьезные последствия для мальчиков, ставших свидетелями насильственного поведения их отцов по отношению к матерям. В этом исследовании доказывается, что комбинация отцовской агрессии, неадекватного дисциплинарования и негативное отношение к ребенку, провоцируют возникновение агрессивного и делинквентного поведения.

Стереотипизация сексуальная роли и насилие над женщиной. Длительная девальвация женщин в патриархальном обществе, несмотря на усилия правозащитных и феминистских организаций, до сих пор не изменило положение вещей: что женщины все еще меньше зарабатывают, мужчины, они недостаточно представлены и имеют более низкий статус в институтах власти. Как жертвы сложившихся гендерных предрассудков и продолжающегося насилия многие женщины испытывают недостаток

доверия к себе как к людям и как к родителям. Однако следует признать, что женщины, выполняя материнскую роль, все же в большей мере ответственны за воспитание детей. Вместе с тем, многие из отцов наравне с матерями обеспокоены агрессивностью детей и с готовностью разделяют ответственность за поиски необходимой помощи, хотя при этом могут оставаться эмоционально и физически холодными или даже агрессивными.

Многие исследования свидетельствуют в поддержку гипотезы, что подростковое агрессивное поведение является функцией того, что эти дети либо сами были жертвами насилия, либо его свидетелями. Проанализировав эти исследования можно заключить, что мальчики, склонные к агрессивному поведению, чаще чем неагрессивные, были жертвой или свидетелем чрезвычайного физического насилия.

В последние годы и педагоги, и криминалисты отмечают увеличение распространенности агрессивного поведения среди девочек–подростков. Некоторые утверждают, что это результат женского протеста, когда молодые женщины восстают против традиционной концепции, в которой «девочки являются робкими, пассивными и испуганными существами». Действительно, многие молодые женщины хотят обладать властью и быть признанными, и в этом случае их гнев можно расценивать как оправданный и конструктивный, как ответ на социальную несправедливость и господство мужчин. Однако, их гнев иногда совершенно необоснован, а агрессия принимает разрушительный характер.

Некоторые психологи считают, что девочки выражают ненависть по отношению к матерям, считая их виновными в покорности и подверженности их и детей насилию со стороны отца или отчима. Эти девочки осторожны из-за пассивности и оскорбленности, часто подражая агрессивному поведению мужчин. Совершенно очевидно, что стратегия подчинения, которую женщины используют, чтобы справиться с насилием – мало эффективна и часто ведет к дальнейшему преследованию.

Традиционно женщины всегда были и остаются более восприимчивыми к чувствам и эмоциональным переживаниям окружающих. Многие подростки полагают, что им более легко делиться их переживаниями именно с матерями. Они не так боятся матерей, как отцов, которые, согласно их социальной роли, чаще реагируют более агрессивно на попытки подростка выразить свои чувства. В результате этого, подростки могут выражать целую гамму чувств матерям, включая гнев.

Роль школы. Молодежь находится под большим давлением школьного окружения и сверстников. Школьная среда может быть насильственна, опасна и непочтительна. Дети испытывают угрозу насилия или подвергаются насилию со стороны других учащихся. Угроза насилия и давление, чтобы сделать ребенка «покладистым» в школе, заставляет многих подростков чувствовать себя уязвимыми и понижает их чувство собственного достоинства. Они стремятся контролировать себя, чтобы избежать преследований за поведение, и учиться, чтобы не показаться более слабыми перед соучениками. Преподаватели же часто сами чувствуют себя столь же бессильными, как любой другой взрослый, когда сталкиваются с агрессией подростков.

Школьная жизнь часто организована таким образом, что не предполагает никаких «каналов» для разрядки напряжения, которое дети испытывают в школе. Поэтому многие подростки отреагируют накопленные в школе гнев и агрессию дома или в других местах. Родителям, которые подвергаются насилию со стороны их детей, редко, а чаще никогда, не получают поддержку и помощь со стороны школы.

Употребление алкоголя, наркотиков, токсикомания. Употребление алкоголя и наркотиков напрямую коррелируют с насильственным поведением подростков. Вместе с тем, хотя токсикомания не является причиной агрессивного поведения, такие действия подростков нельзя признать благополучными. Кроме того, попытки родителей пресечь такое

поведение и оказать помощь детям могут встретить со стороны подростков достаточно агрессивный отпор.

Серьезные психические расстройства. В некоторых редких случаях, подростковое насилие может быть признаком серьезного психического расстройства. К сожалению, эти расстройства часто трудны диагностируемы. Хотя такой диагноз может как-то объяснить некоторые особенности агрессивного поведения.

Вместе с тем, постановка диагноза не должна поколебать убеждение родителей, что даже в этой ситуации можно добиться того, чтобы дети относились к ним с уважением. Пока диагноз о психическом заболевании их детей окончательно не установлен родители должны предпринимать попытки понять что происходит с их детьми и как-то изменить ситуацию. Самое большое ограничение для изменения ситуации – чувство безнадежности и инерции, вызванные отчаянным положением родителей. Как уже отмечалось, родители агрессивных подростков находятся либо в эмоциональном ступоре, либо выполняют набор ритуализированных действий, чтобы совладать с собственной беспомощностью.

Примечательно, что постановка медицинского диагноза часто приносит родителям облегчение, позволяя, избавиться от чувства вины и порицаний окружающих, предписанное лечение помогает контролировать агрессивное поведение.

Менее серьезные психические расстройства. У некоторых подростков, склонных проявлять агрессию по отношению к их родителям, диагностируют нарушения активности и внимания, поведенческие расстройства.

Методы воспитания. Многие современные родители направляют свою энергию на то, чтобы создать комфортабельные условия существования и сделать их детей счастливыми вместо того, чтобы формировать у них ответственность. Они пытаются изменить родительскую позицию с авторитетного дисциплинирования на установление партнерских отношений, в которых родители являются «друзьями» их детьми. В результате у детей

формируется образ родителей как людей, чей обязанностью является сделать их счастливыми.

Иногда, это заканчивается неэффективными и нездоровыми родительско–детскими отношениями, в которых родители обращаются с детьми как с компаньонами или партнерами.

Изменение отношения к ребенку, под воздействием борьбы за права детей, привело к неоднозначно позитивным последствиям. С одной стороны, было признано, что дети имеют права и они должны быть защищены, с другой – это привело к неблагоприятному кризису лидерства и руководства в пределах семьи.

«Новая этика воспитания ребенка» сместила акцент с необходимости структурирования и лидерства в семье на признание потребности детей иметь возможность выражать чувства и оценочные суждения. Доброта, мягкость и признание на важности свободного выражения ребенком чувств стали основными принципами положительного воспитания. Очень популярными стали идеи, препятствующие родителям чрезмерно контролировать их детей:

- Дети должны иметь возможность совершать собственные ошибки.
- Если родители будут опекать детей – они никогда не научатся ответственному поведению.
- Чтобы дети ни делали – это их жизнь.
- Детям нужно доверять (вне зависимости заслуживают они этого или нет). Иначе, рост внутренних ресурсов будет медленным, творческий потенциал и стремление к самовыражению может вообще не развиваться.
- Молодые люди должны иметь возможность самостоятельно принимать решения (поэтому родители не должны навязывать им свои суждения).
- Это ребенка не будет сформированным, если его право на частную жизнь будет нарушено.

- Использование наказания без предварительного предупреждения может иметь серьезные последствия.

Вместе с тем, большинство родителей, педагогов и психологов, признавая необходимость соблюдения прав ребенка, что должен существовать некий баланс между правами детей и их обязанностями. Подростки ответственны за свои действия и поведение и должны нести за них ответственность. Хотя они могут настойчиво сопротивляться этому, делегируя лидерские полномочия собственным родителям. Взрослые же часто, опекая подростковую культуру, живут в мире «иррациональных» убеждений об ответственности за мир, который они создали для своих детей.

ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

4.1. Агрессия

Часто детей, которые балуются, ведут себя непослушно, непосредственно, импульсивно, иногда нападают на других детей без видимых причин, громко говорят, нередко перебивают, дразнят и провоцируют других детей, пытаются доминировать, взрослые считают агрессивными. Однако здесь не все так просто, как кажется на первый взгляд.

Действительно в какой-то период многим детям свойственна агрессивность. Детская жизнь полна разочарований, которые кажутся взрослым мелкими. Но именно эти разочарования, вызванные лишениями и ограничениями, становятся травмирующими для ребенка. И наиболее удовлетворительным решением для ребенка может показаться агрессивная реакция. Особенно если у ребенка ограничены способности к самовыражению или он лишен возможности другим способом удовлетворить насущную для него в данный момент потребность. Вообще надо отметить, что агрессия может возникать в двух случаях:

- 1) как крайняя мера, когда ребенок исчерпал все другие возможности для удовлетворения своих потребностей;
- 2) как «выученное» поведение, когда ребенок поступает агрессивно, следуя образцу (поведение родителей, других значимых лиц, литературных или кинематографических персонажей).

Согласившись с этой точкой зрения, становится очевидным, что ребёнку в раннем возрасте неизбежно присуща определённая агрессивность.

Уже в отчаянном плаче грудного младенца нетрудно распознать злость и возмущение. Причина проста: ребенку что-то не позволяют или в чём-то отказывают, что собственно и раздражает его. В первую очередь, это касается физиологических потребностей, которые у ребенка проявляются с такой же силой, как и у взрослого. Однако должно пройти немало времени,

прежде чем ребёнок научится самостоятельно удовлетворять их. Или откладывать, или задерживать их удовлетворение, как это делают более взрослые люди.

С самого рождения ребёнок целиком и полностью зависит от родителей, особенно от матери. Причём положение его не меняется в течение многих лет. Даже если родительское отношение к ребенку полно заботы о нём, взрослые в силу целого ряда различных причин порой вынуждены уделять детям меньше внимания, чем следует, и навязывать им то, что их сердит и злит. Никто из родителей в силу обстоятельств нашей жизни не всегда может избежать подобных поступков, несмотря на то, что их намерения делать это достаточно велико. Они стараются изо всех сил по мере возможности помочь ребёнку освоиться в окружающем мире, но ребенок всё равно чувствует себя подавленным.

Неспособность управлять своими побуждениями и желаниями, а также неумение контролировать их усложняют жизнь ребёнка. Возникшие одновременно чувства голода и усталости, например, неизменно становятся для него причиной гнева и раздражения.

Ребёнку часто приходится страдать от ограничений и лишений. Нет такого дня, чтобы какое-нибудь его желание или какая-либо потребность не были подавлены. И, вначале от плача как призыва о помощи, он постепенно переходит к отчаянному, гневному протесту. Вот так и рождается агрессивность, отсюда она и проистекает.

Агрессивная реакция по своей сути - это реакция борьбы, за выживание, попытке ребёнка изменить положение вещей.. Она складывается из неудовлетворённости, протеста, злости или явного насилия. Всё это совершенно нормально. Агрессия в ряде случаев, безусловно, предпочтительнее, чем хныканье, жалобы, покорное повиновение, бесплодное фантазирование и другие проявления ухода от действительности. Если же гнев и возмущение ребенка постоянно подавляются, они могут накапливаться и проявляться нередко лишь в зрелом возрасте, когда

невозможно докопаться до истинных причин, поскольку агрессивность уже выливается в иные формы поведения, психосоматические симптомы или становится причиной различных заболеваний (например, ревматического артрита, крапивницы, прыщей, псориаза, язвы желудка, эпилепсии, мигрени, гипертонии).

Ребенок не становится агрессивным неожиданно. Он не может быть мягким и воспитанным ребенком, а спустя минуту начать кричать, драться со сверстниками. Процесс, как правило, постепенный. До определенного момента ребенок выражает свои потребности в более мягкой форме. Но взрослые обычно не обращают на это внимания до тех пор, пока не столкнутся с явными нарушениями поведения. То поведение, которое воспринимается взрослыми как агрессивное или асоциальное, часто в действительности является отчаянной попыткой удовлетворить потребности, восстановить эмоциональное состояние или социальные связи. Просто ребенок не в состоянии пока выразить свои истинные чувства никаким другим способом, кроме того, который он избирает. Он делает то единственно возможное, что может себе представить, чтобы продолжить борьбу за выживание в окружающем мире.

Вместе с тем, наблюдая за агрессивным ребенком, можно определить, направленность его реакций (на кого он нападает, в каких обстоятельствах и как часто это случается без какой-либо провокации). Внимательные наблюдения помогут взрослым выявить тревожные симптомы о назревающей атаке со стороны данного ребенка.

Поскольку причиной агрессии являются лишения и ограничения, то крайне редко удаётся полностью освободить ребёнка от его агрессивности. Но даже если бы такое было возможно, не следовало стремиться к этому. Бесспорно агрессивность имеет свои положительные и отрицательные, здоровые и болезненные стороны. Она может проявляться в предприимчивости и активности или, напротив, в непослушании и сопротивлении. Агрессивность способна развить дух инициативы или же

породить замкнутость и враждебность, может сделать ребёнка упорным либо безвольным. И это лишь некоторые из альтернатив.

Речь должна идти не о том, чтобы полностью исключить агрессивность из характера детей, а о необходимости ограничивать и контролировать её, а также поощрять те её проявления, которые не приносят вреда личности и обществу.

Агрессивность многолика. В частности, по своей направленности она может быть внешней, характеризующейся открытым проявлением агрессии в адрес конкретных лиц (прямая агрессия) либо на безличные обстоятельства, предметы или социальное окружение (смещенная агрессия), а также внутренней, характеризующейся выражением обвинений или требований, адресованными самому себе. По способу контроля агрессия подразделяется на произвольную, возникающую из желания воспрепятствовать, навредить кому-либо, обойтись с кем-то несправедливо, кого-нибудь оскорбить, а также на непроизвольную, представляющую собой нецеленаправленный и быстро прекращающийся взрыв гнева или ярости, когда действие не подконтрольно субъекту и протекает по типу аффекта.

Различают также три основных вида агрессии, рассмотрим их.

Физическая агрессия

Физическая агрессия (нападение) – использование физической силы против другого лица.

Физической агрессивность проявляется у детей достаточно часто. Ребенок может разъяриться, осыпать ударами того, кто находится рядом, нападать на детей младше себя или даже взрослых.

Физическая агрессия – это такая проблема, которая немедленно привлекает внимание взрослых.

Обычно больше всего досаждают родителям, когда дети в семье ссорятся и дерутся. Однако следует иметь в виду, что желание драться, равно как щипаться или кусаться исподтишка – это далеко не всегда признак ненормальности ребенка.

В случае, когда родители обращаются за помощью к психологу по поводу агрессивного поведения их детей наилучший совет таков – чем меньше они будут реагировать на ссору или драку своих детей, тем правильнее поступят. За исключением, конечно, каких-то особых, крайних случаев, когда дети могут причиняют друг другу серьезные увечья. Очень часто дети самостоятельно решают свои проблемы И, как правило, забывают про свои ссоры, а через некоторое время уже мирно и дружно играют. Но стоит вмешаться родителям, как один из детей, а то и оба непременно почувствуют себя ужасно несчастными – либо потому, что их накажут (и тогда достанется обоим), либо потому, что их не поняли и обидели напрасно.

Однако отрицательный эффект вмешательства родителей совершенно в другом – драка приобретает значение важного события. Ребенок, которого лишь слегка ударили, принимается кричать так, будто ему причинили нестерпимую боль. При этом у «обиженного» возникает повод вести себя инфантильно, по-детски Зато «обидчик» получает возможность немножко приврать. И то, и другое гораздо хуже самой потасовки.

Американский психолог Дж. Лешли считает, что родителями, которые особенно нетерпимы к дракам, движет обычно отнюдь не стремление уберечь братскую любовь своих детей. Их недовольство вызвано прежде всего шумом и явным непослушанием, недисциплинированностью. И все же чем быстрее родители вмешаются в ссору, тем громче дети будут орать при следующей драке. Самое полезное, что могут предпринять взрослые помимо того, что сделают вид, будто ничего не слышат и не видят – развести детей как можно дальше друг от друга (как боксеров на ринге – в разные углы). А утешать их и разбираться, что случилось, следует только после того, как дети совсем успокоятся.

Точно так же не стоит придавать значения драке детей "вне дома" (с их друзьями). Тем не менее, если ребенок постоянно ссорится с ними, психолог совместно с родителями или педагогами должен изучить причины такой чрезмерной агрессивности и, выработав профилактическую тактику,

проконсультировать взрослых.

Обращение с детьми до вспышки агрессивности

1). Несомненно, случается, что детей надо иногда оставить, чтобы они разобрались сами. Они способны к самостоятельному разбору некоторых споров, и, если взрослые контролируют события, это служит для детей полезным опытом. Дети поймут, что могут обойтись и без взрослых в качестве арбитров.

2). Если взрослые считают, что лучше «не доводить до греха», можно сориентировать ребенка на другой тип поведения. При этом целесообразно предложить ребенку его любимую игрушку или такую игрушку, которую он мог бы безбоязненно пинать или кусать.

3). Иногда бывает не бесполезно отвлечь ребенка каким-то интересным для него занятием.

4). В том случае, когда ребенка невозможно отвлечь и нападение вот-вот состоится – наилучшей реакцией взрослого будет отведение руку ребенка или удержать его за плечи. Особенно если действия родителя подкреплены резким «Нельзя!». Если взрослый находится поодаль, оклик тоже может остановить ребенка, знающего из прежнего опыта, что такие выходки не позволены.

Обращение с детьми после агрессивного нападения

Есть немало случаев, когда агрессивность невозможно унять. Тогда придется действовать после события, дабы преподать ребенку урок, что такого рода поведение неприемлемо.

1). Резкое слово драчуну и забияке и благосклонное внимание жертве могут очень ясно показать ребенку, что он проигрывает от таких неприятностей. Конечно, очень важно, чтобы в обычное время виновник пользовался таким же вниманием. Принуждать ребенка к извинению мера сама по себе малополезная. Некоторые дети быстро заучивают формулу «Прости, прости», чтобы избежать недоброго внимания взрослых.

2). Иногда взрослые предпочитают отослать агрессивного ребенка в тихий угол поостыть. Это хорошо подчеркивает факт инцидента и выражает большее неодобрение его поведения. Этот прием также полезен и родителям. Иногда, удаляя ребенка ненадолго из комнаты, взрослый сам успокаивается. Однако подобная мера теряет эффект, если длится более, чем минуту-две. Дети помладше вряд ли поймут связь между своим поступком и удалением. Лучше крепко взять ребенка за руки и, строго глядя на него, твердо сказать: «Драться нельзя» или: «Не кусаться!» Внимание, уделяемое агрессивному ребенку должно быть ограниченным и негативным, а жертва – сопровождаться обильными утешениями.

В идеале при каждом инциденте взрослые должны высказать свое отношение и постараться побыстрее прекратить его. Длинные объяснения или обвинения малоэффективны. Даже если ребенок может понимает родителя, мало вероятно, что он будет долго слушать его.

3). В том случае, когда за агрессивные действия виновника лишают любимых игрушек или привилегий, лучше не растягивая наказание на целый день, а следует осуществить это как можно скорее. Ребенок быстро забудет причину – все его мысли будут сфокусированы на том, что ему не дают заниматься любимым делом, или выставляют в другую комнату, или срамят перед другими как «шалолая». Его гнев и возмущение таким обращением снижает шанс, что он научится вести себя иначе.

4). Наименьший эффект приносят действия, когда взрослые отвечают агрессивностью на агрессивность. Во-первых, они могут побуждать к этому детей. Реплики «Иди и дай сдачи» вполне достаточно, чтобы ребенок воспринял ее как разрешение лупить забияку или со вкусом давать сдачи при любом поводе. Во-вторых, серьезные недостатки есть и в угрозе взрослого: «Вот я укушу тебя, будешь знать!» Подобное высказывание, адресованное ребенку любого возраста, содержит угрозу того же самого агрессивного действия, за которое упрекают ребенка. Однако у такого метода есть большой минус. Он заключается в том, что если взрослый начнет кусаться в

ответ, это может не сработать уже в первый раз. Тогда ему придется решать, что делать при последующих инцидентах – кусать сильнее, кусать дважды за один укус ребенка или может шлепать в придачу? Подобный подход может очень просто выйти из-под контроля, и лучше его избегать. Есть вероятность, что он станет опасным каналом для излияния взрослого гнева.

В отношении агрессивности, как и других проблем, важно соблюдать постоянство относительно пределов дозволенного и недозволенного. Это – часть долгосрочной тактики побуждения ребенка к другим формам выражения сильных эмоций. Незамедлительные действия взрослых после агрессивной выходки ребенка будут более правильными и эффективными, если их обдумывать в спокойное время, ибо при разворачивании событий размышлять уже некогда. Особое значение в укрощении детской агрессивности имеет то, что реакция взрослых должна быть краткой и точной.

Телесные наказания

Телесные наказания никогда не оказываются хорошей дисциплинарной мерой

Вполне возможно, что ребенок, которого больно отшлепали, никогда не повторит проступок, за который ему влетело. Но знают ли родители, что произошло в мыслях, чувствах и поведении ребенка? Скорее всего нет, так как они сориентированы на внешние проявления в поведении ребенка. На самом же деле ребенок, как и любой взрослый человек, стремится избежать не столько болезненной стимуляции, сколько ее источник. Поэтому он быстро научится бояться вовсе не того, что нельзя делать, а родителя. Таким образом, преобразование поведения ребенка, произошло за счет замены желания страхом. Это самое худшее, что можно сделать для психического здоровья ребенка.

Во-первых, страх очень сильно меняет облик ребенка: он делается робким, нерешительным, теряющимся, неуверенным в себе и почти начисто лишенным жизненного оптимизма.

Во-вторых, ребенок приучается бояться родителей и начинает испытывать к ним сначала неприязнь, а затем и ненависть. Если этот конфликт возникает в раннем детстве, ребенок привыкает ожидать враждебности от всех, кто любит его, и даже воспринимает ненависть как нечто сопутствующее любви.

В-третьих, телесные наказания со стороны родителей представляют собой модель агрессивного поведения. У агрессивных родителей как правило вырастают агрессивные дети. Более того, у ребенка может сложиться стереотип поведения: если другой человек сделал что-то не так – его надо наказать и лучше всего физически.

В-четвертых, телесные наказания часто вызывают совсем обратный результат, чем тот, которого добиваются родители. У детей лишь прочнее закрепляют неверное поведение ребенка и не сколько не меняют его. Психолог А. Фромм пишет, что ребенок начинает думать, что стоит, пожалуй, иной раз получить подзатыльник ради удовольствия позлить родителей. Кроме того, он ждет наказания и хочет получить его ради очистки совести. Он знает: за то, что он натворил, нужно расплачиваться. А расплатившись, чувствует себя вновь свободным и начинает опять повторять свои выходки (согрешил – покаялся). Только теперь уже он начинает действовать с большей осмотрительностью, чтобы его не поймали на месте "преступления". Короче, ребенок удовлетворяет и свое желание сделать что-то недозволенное, и очищает свою совесть одновременно.

Учитывая психологический риск, связанный с применением родителями телесных наказаний, психолог может порекомендовать им следующие «неагрессивные» модели дисциплинарного воздействия:

1. **Терпение.** Здесь нужна выдержка, выдержка и еще раз выдержка .
2. **Объяснение.** Следует объяснить ребенку почему его поведение неправильно, делать это надо максимально кратко.
3. **Отвлечение.** Надо постараться предложить ребенку что-нибудь более привлекательное, чем то, что ему сейчас хочется.

4. **Неторопливость.** Не надо спешить наказывать ребенка. Вдруг поступок повторится.

5. **Награды.** Лучше похвалить ребенка за хорошее поведение. Это пробудит в нем желание еще раз услышать похвалу.

6. **Шутки.** Рекомендуется иногда пошутить по поводу наказания и даже придумать какую-нибудь игру, чтобы ребенок тоже имел повод наказать «нерадивого» родителя. Очень важно дать ребенку возможность почувствует, что и родители подчиняются тем же правилам поведения. В этом случае ребенок будет меньше сердиться, когда подвергнется наказанию за нарушение правил.

Таким образом, если наказание применяется в дисциплинарных целях, оно будет эффективно лишь в отдельных случаях. Например, ребенок, если ему не исполнилось 3-5 года, может быть вообще не в состоянии понять цель наказания. Бить детей вообще не рекомендуется. Когда же родитель наказывает ребенка, лишая его какой-либо привилегии, которая у него была, – он непременно добьется гораздо лучших результатов.

Тем не менее, если психолог сталкивается с ситуацией, когда родители принимают решение использовать наказания – им надо напомнить, что:

1. Телесные наказания учат ребенка не признавать авторитет родителей, а бояться их.

2. Поведение ребенка будет строиться на непредсказуемой основе, а не на понимании и принятии законов морали.

3. Проявляя при детях худшие черты своего характера, родитель сам становится образцом плохого поведения.

4. Телесные наказания могут только утвердить, но не изменить поведение ребенка.

5. Телесные наказания требуют от родителей меньше всего ума и способностей, чем любые другие воспитательные меры.

6. Задача воспитания – изменить желания ребенка, а не только его поведение.

Словесная (вербальная) агрессия

Агрессивность не обязательно проявляется в физических действиях. Вербальная агрессия – это выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза, проклятия, ругань).

Почти все дети рано или поздно начинают говорить бранные слова, выкрикивать оскорбления, дразнить других или ругаться. Это не повод для беспокойства. Напротив, родителей должно больше тревожить, если ребенок и ни разу не произнес бы бранные слова. В этом случае можно было бы решить, что он просто не слышит, что говорят окружающие, а, может быть, даже не воспринимает их слова. Явное отсутствие непосредственности и непринужденности в поведении ребенка должно беспокоить больше.

Детям свойственно слушать, что говорят вокруг. И, вероятно, нет такой, даже самой лучшей семьи или школы, которые сумели бы воспрепятствовать этому. Часто взрослые сами не замечают как ведут себя. Нередко родители сами же и учат ребенка некоторым выражениям. К тому же было бы просто несправедливо думать, что ребенка "портят" другие люди и сам он ничего не делает, чтобы "испортиться". Совершенно очевидно, что дети усваивают определенный словарь от товарищей по играм и непосредственно от окружающих взрослых, а затем спокойно передают его друг другу.

Обычно бранные слова дети начинают использовать, как только попадают в детский сад или школу, а иногда и раньше. И то обстоятельство, что эти слова шокируют взрослых, привлекают их внимание, оказывается для детей наилучшим поводом, чтобы повторять их. Им хочется позлить, подразнить родителей, потому что им самим приходилось не раз терпеть это от их «самодурства». Теперь же они просто открыли для себя новое оружие агрессии.

Дети ругаются по разным поводам. И несомненно, на повод следует ориентироваться, определяя наиболее приемлемый способ, как их отучить

ругаться.

Некоторые дети ругаются совершенно невинно. Они не знают значения слов и не намерены кого-то шокировать. В подобном случае наиболее эффективным будет просто сказать, что это грубое или неприятное слово и лучше его не использовать.

Не понимая значения слова, дети часто знают, что оно запрещенное. Ребенок использует его для эффекта, чтобы огорчить взрослых или досадить кому-то. Игнорировать брань ребенка и уделять ему внимание в другое время – один из эффективных методов, который может помочь. Ребенок разочаруется в ругани, если не будет видеть желаемого эффекта.

Однако простое игнорирование может не остановить сквернословия. Бывает необходимо сделать выговор ребенку, особенно если он знает, какие слова бранные, а какие нет. В этом случае резкое неодобрительное «Довольно!» действует лучше длительной нравоучительной тирады. Это гораздо полезнее, нежели высказывать огорчение или потрясение. Также лучше воздержаться от привлечения внимания других взрослых к сквернослову. Реплики типа «Ты послушай, что он говорит!», сделанные в присутствии ребенка, обеспечивают ему аудиторию и внимание. Именно последние скорее будут стимулировать, а не предотвращать брань.

Дети, как и взрослые, нуждаются в выражении эмоций. Поэтому полезно давать им альтернативу брани – слова, которые можно произнести с чувством, когда ребенок ушибется или расстроится, слова для ответа на дразнилки и слова для усиления выразительности. Это, например, такие слова взрослых, как «елки-палки», «черт побери», «проклятье» и т. п. Поведение детей, которые ругаются бездумно, скорее всего в подражание услышанному, постепенно может перемениться. Например, взрослый может повторить ребенку предложение, заменяя слово. Если ребенок скажет: «Глянь-ка, что за паскудная собака!» – взрослый может ответить: «Да, что за по-тре-пан-ная собака!» Если же сказать это с некоторым наигрышем, ребенок почувствует, что новое слово выразительнее бранного.

Если обидные слова ребенка адресуются взрослым, надо как можно меньше обращать на них внимание. Вряд ли стоит заводиться от устных нападок, и лучше постараться не принимать их близко к сердцу. Целесообразно просто игнорировать ребенка, привыкшего оскорблять людей. Если другие дети тоже научатся не обращать внимания на товарища, когда он грубит, ему может прийти на ум, что и продолжать-то не стоит.

Иногда взрослые могут обратить оскорбления ребенка в комическую перепалку, если, якобы стараясь перекрыть сказанное им, ответят глупым замечанием. Сработает ли комический подход, зависит от того, как высказывался ребенок. Тем, кто регулярно говорит обидные вещи, да еще озлобленно, надо твердо сказать: «Ты мне нравишься, Таня, но то, что ты говоришь, мне не нравится». В перспективе можно попробовать удовлетворить потребность ребенка почувствовать себя сильным и значительным или отыграть за собственные обиды (если, по мнению взрослых, такие чувства стоят за устной агрессией). Со временем ребенок обнаружит, что он может нравиться, несмотря на все что говорит, и что он способен пользоваться авторитетом и играть какую-то особую роль в группе детей, не прибегая к оскорблениям.

Мальчики и девочки, узнав бранные слова, поначалу одинаково ведут себя, хотя первые более склонны употреблять ругательства. У детей, которые раньше других прибегают к этому языку, за ширмой подобных выражений скрываются более сложные проблемы. Они могут лгать, например, или какими-то другими способами, еще более агрессивными, "мстить" за свои несчастья.

Вообще же надо стараться, чтобы у детей просто не возникало желания ругать кого-то или что-то этом мире

Хотя вообще-то не стоит придавать брани слишком большого значения можно как-то повлиять на ребенка или принять какие-то профилактические меры. Полная профилактика бранных слов невозможна по той простой причине, что дети наши живут не под стеклянным колпаком. А вот повлиять

на них можно, как считает американский психолог А. Фромм, если порекомендовать родителям предпринять следующее:

1. Не ругайте ребенка, как это часто делают многие, и не угрожайте, что станете ругать его, если он будет говорить бранные слова.

2. Постарайтесь сделать так, чтобы он был как можно более откровенен с вами. Это позволит непосредственнее высказываться в вашем присутствии, и тогда то, чему он научится он скажет вам, а не произнесет при посторонних.

3. Обескуражьте ребенка – это наилучший способ повлиять на него. Когда он станет говорить бранные слова, отнеситесь к этому спокойно, мягко, добродушно. Ласковое обращение сразу же притупляет оружие, которое в противном случае может стать угрожающим.

4. Объясните ребенку, что говорить бранные слова так же неприлично, как отрывивать за столом или не извиниться в нужный момент. Но объясните это кратко и не наказывая его.

5. Если случится, что он обронит какое-нибудь бранное слово при посторонних, кратко извинитесь за него и сразу же смените тему разговора.

Косвенная агрессия

Под такого рода поведением понимают как агрессию, которая окольными путем направлена на другое лицо – злобные сплетни, шутки, так и агрессию, которая ни на кого не направлена – взрыв ярости, проявляющийся в крике, топанье ногами, битье кулаками по столу и т.п. Эти взрывы характеризуются ненаправленностью и неупорядоченностью.

Механизм косвенной агрессии связан с феноменом «перенесения». Например, ребёнок, которому мать не даёт карамельку, пинком отшвыривает игрушку. Он не осмеливается столь же открыто излить свою злость на мать и "переносит" гнев и агрессивность на другой, более безобидный объект. Но чаще всего дети открыто проявляют своё возмущение родителями, а потом долго страдают от своего поступка. Ребёнок не может взять верх над

родителями прежде всего потому, что они взрослые, пользуются реальным авторитетом и у них больше возможностей настоять на своём.

К тому же, если ребёнку уже привито чувство уважения и послушания, пусть даже с применением угроз и наказаний – он сильно огорчается из-за своего агрессивного поведения. У него рождается чувство вины, а также боязнь утратить любовь и заботу родителей. Этот страх, в свою очередь, тоже может развивать агрессивность. Возникает порочный круг - ребёнок чувствует себя подавленным не только родителями, но также собственным чувством вины и страха. И его агрессивность теперь уже будет направлена на всякие другие объекты.

У некоторых детей агрессивность принимает форму разрушительного отношения к вещам. Они рвут книги, высыпают продукты из пакетов или разбрасывают игрушки. Может доходить и до таких опасных проявлений, как поджоги. Бывает совпадение агрессивности и враждебности, когда ребенок швыряет игрушки в других детей или взрослых. Многие признаки агрессивности, о которых говорилось выше, равно относятся к детям, чьи чувства выражаются в разрушительном поведении.

Детский гнев или недовольство, проявляющиеся в разрушительности, могут вылиться в большую драму. Взрослым важно оставаться как можно спокойнее и не отвечать гневом на гнев. Это очень трудно, когда стулья и игрушки летят в голову! Если поведение мотивировано потребностью во внимании, какими-то драматическими событиями, то признаки страха у окружающих могут только стимулировать таких детей.

Прежде всего необходимо разобраться, действительно ли ребенок, играя, ломает игрушку только потому, что ему непременно хочется сломать ее. Прежде всего надо учесть, как часто он совершает подобные действия, каков при этом у малыша эмоциональный запал. К примеру ребенок ломает игрушку каждый день, тогда действительно надо расценивать это как желание ломать, даже если виновник выглядит совсем невинным. Когда ребенок сердится, злится, стремление ломать проявляется еще более

очевидно. Подобное происходит в том случае, если ребенок устав от бесконечных запретов родителей. Он рвет свою тряпочную игрушку только потому, что не в состоянии сделать то же самое с мамой и папой.

Другая причина, вызывающая желание ломать, портить, уничтожить, кроется в зависти, за которой стоит стремление самоутвердиться. Один ребенок завидует другому потому, что тот умеет собирать из деталей конструктора очень высокие башни. При этом первый, чувствуя себя неспособным строить так же, злиться не на ребенка, а на башню, успокаивая себя тем, что крушит ее. Это его способ утвердиться. Подобное желание часто направляется и на игрушки.

Есть дети, у которых такое чувство собственности, что они предпочитают сломать игрушку, чем отдать ее кому-либо. Такое поведение означает только одно: "Не хочу ни с кем делиться: или она моя, или ничья".

Если не считать случайных поломок, то во всех ситуациях, когда желание сломать, испортить, разрушить связано с гневом, завистью или эгоизмом, в его основе лежат неуверенность в себе и вражда к людям. Именно этот вывод может и подсказать взрослым самый надежный способ предотвратить подобную реакцию, а в ряде случаев даже совсем "снять" этот феномен. Самая надежная тактика, которую психолог может порекомендовать родителям, состоит в следующем:

- не заменять сломанные ребенком игрушки новыми, а оставлять повсюду их обломки, чтобы наглядно были видны последствия его поведения;
- давать детям игрушки, которые можно разбирать и собирать, чтобы они могли удовлетворить свое любопытство;
- подобрать детям очень прочные игрушки, которые они не смогли бы сломать.

Хотя эти психологические советы отчасти и полезны, связать их с эмоциональными причинами такого желания ребенка очень трудно. Поэтому

проблему лучше решать в целом, а не в частностях. Психологу еще раз надо напомнить родителям о самом главном: чем меньше они будут предпринимать что-либо, тем будет лучше. Это не значит, что надо совсем бездействовать. Ребенок может принять попустительство взрослого за молчаливое одобрение. Поэтому в качестве профилактики родителям надо посоветовать сделать самое необходимое:

1. Как можно мягче проявлять свое недовольство и раздражение. Если ребенок захочет что-нибудь сломать или даже сломает в чужом доме, куда взрослые и дети пришли в гости, следует принести извинения при ребенке, объяснить ему, почему и родители и все остальные не одобряют его поступок, предложить ему какое-нибудь другое занятие, а если необходимо, увести его домой.

2. Было бы ошибкой силой принуждать ребенка к повиновению по той простой причине, что подобная тактика может вызвать у него стремление еще больше ломать. Занять правильную позицию взрослому может помочь понимание, что даже самые уравновешенные взрослые люди, когда были детьми, не всегда являли собой чудо добродетели.

3. Помощь ребенку в адаптации к окружающей обстановке и к взрослым наверняка уменьшит его желание ломать и разрушать.

4. Большое участие в его жизни – с точки зрения ребенка, а не с родительской – позволит ему чувствовать себя любимым и желанным. Чем более уверенным в себе станет ребенок, тем реже он будет испытывать гнев, зависть, тем меньше в нем останется эгоизма.

5. Очень полезно каждый раз предлагать ребенку устранить учиненный им разгром. Чаще всего следует отказ, но когда-нибудь ребенок может и откликнуться на слова: «Ты уже достаточно большой и сильный, чтобы создать беспорядок, поэтому я уверена, что ты сможешь мне убраться». Если уборка назначается как наказание или ребенка принуждают помогать, это вряд ли изменит разрушительное поведение; в контексте должна быть уверенность взрослого, что «большой» мальчик должен нести

ответственность за свои дела. Если ребенок все же поможет убратся, он, конечно, должен услышать искреннее ««спасибо» и никаких напоминаний – для него инцидент исчерпан.

б. Если взрослый понизит тон нагоняев, когда ребенок рассердит его, то он покажет ему хороший пример.

Очень полезно каждый раз предлагать ребенку устранить учиненный им разгром. Чаще всего следует отказ, но когда-нибудь ребенок может и откликнуться на слова: «Ты уже достаточно большой и сильный, чтобы создать беспорядок, поэтому я уверена, что ты поможешь мне убратся». Если уборка назначается как наказание или ребенка принуждают помогать, это вряд ли изменит разрушительное поведение; в контексте должна быть уверенность взрослого, что «большой» мальчик должен нести ответственность за свои дела. Если ребенок все же поможет убратся, он, конечно, должен услышать искреннее ««спасибо» и никаких напоминаний – для него инцидент исчерпан.

4.2. Гнев

Причиной гнева чаще всего являются физические или психологические препятствия, мешающие удовлетворению потребности или достижению цели действий, замыслов человека. Этими препятствиями могут быть физические преграды, общественные правила и законы, собственные слабости. Но гнев могут вызывать и оскорбления личностного достоинства, повседневные страдания, прерывание «цикла» получения удовольствия, принуждения и наказания.

Состояние человека в гневe можно описать словами поэта В. Высоцкого: «Я сейчас взорвусь как триста тонн тротила. Во мне заряд немислимого зла...» – кровь «закипает», лицо «полыхает», мышцы напрягаются, появляется желание напасть на источник гнева.

Переживание гнева характеризуется высоким уровнем напряжения и импульсивности. Чувство уверенности в себе при гневe значительно выше, чем при любой другой эмоции.

Обычно гневу предшествуют ощущение полного провала и несостоятельности, чувства предательства, разочарованности, обиды, несправедливости и несовершенства окружающего мира. При этом часто появляются мысли разрушительного содержания, агрессивные и мстительные желания.

Иногда именно поэтому ребенка выражающего свой гнев воспринимают как агрессивного. Действительно, в гневe он может разбить тарелку или ударить другого ребенка. На самом же деле очень часто агрессивное поведение – это не только проявление гнева, но и отражение реальной ситуации, в которой оказался ребенок.

В. Оклендер отмечает, что ребенком, который обнаруживает деструктивное поведение, движет чувство гнева, отверженности, незащищенности, тревоги, обиды и часто неспособность к четкому восприятию своей личности. У него также часто отмечается низкая самооценка. Он неспособен или не хочет, или боится выразить то, что чувствует, потому что если он это сделает, он может утратить силу, лежащую в основе агрессивного поведения. Он чувствует, что должен сохранить ту же линию поведения, что это путь, способствующий выживанию.

Это происходит примерно так. Психика ребенка с неудовлетворенной потребностью пытается использовать все средства необходимые для достижения равновесия.

1. Ребенок может просто высвободить энергию гнева, выразив ее каким-либо образом.
2. Ребенок может прибегнуть к так называемой «ретрофлексии» гнева, тогда он будет делать с собой то, что хотел бы сделать с другими. Он может биться головой об стену, выдергивать себе волосы, «душить» себя приступами астмы, «сжигать» свой желудок до тех пор пока не

появится язва, напрягать мышцы до судорог, головной боли, резей в животе.

3. Ребенок может прибегнуть к так называемой «дефлексии» гнева, т.е. ни при каких обстоятельствах не выражать подлинного чувства. Механизм таков: возникающий гнев спустя некоторое время забывается, но его энергия остается и должна быть выражена. Ребенок выталкивает ее и проявляет агрессивность. Его состояние немного улучшается, но ненадолго. Поскольку момент хорошего самочувствия быстро проходит, он снова и снова пытается вернуть его, постоянно повторяя агрессивные действия.
4. Некоторые дети проецируют свой гнев на других, представляя себе, что все остальные гневаются на них или, что это другие, а не они сами, злые.
5. Ребенок может также выразить гнев телесно через ночное недержание мочи или через сдерживание работы кишечника.

Взрослые часто считают, что нарушения поведения у ребенка связано с его внутренними побуждениями, с каким-то внутренним стремлением к агрессии. Однако именно проблемы, связанные с его окружением, а не внутренние трудности, провоцируют ребенка. У него часто просто не хватает способности справиться с окружением, которое возбуждает в нем чувства страха и гнева. Он не знает, как справиться и что нужно сделать с чувствами, которые порождает в нем это враждебное окружение. Когда ребенок пристаёт к кому-нибудь, он делает это потому, что не знает, что еще он может сделать.

В первую очередь стоит разобраться с эмоциями, на основе которых возникает агрессия. Как правило, в какой-то степени придется признать, что именно присутствие гнева в его эмоциональном состоянии, побудило ребенка к таким действиям. Это может быть желание доставить такую же боль, какую он переживает сам. Может быть, ребенком руководит потребность испытать приятное чувство своего превосходства над взрослыми

или сверстниками. Иногда дети ведут себя агрессивно из-за того, что в гневе не знают более мягкого способа для выражения своих чувств.

4.3. Страх

Страх – неприятное и мучительное чувство. Его причиной обычно является присутствие чего-то угрожающего, либо отсутствие чего-то, что обеспечивает безопасность, ощущение смутной тревоги или неминуемой опасности.. Страх может иметь в качестве своего возбудителя какого-то конкретного человека или объект. Иногда страх не связан ни с чем конкретным, является мнимым, плодом воображения. Это беспредметный страх.

Однако, вне зависимости от причин страха, ключ к пониманию психологической природы возникновения страхов кроется в человеческом сознании, а не в тех конкретных реалиях, которых мы боимся. Смысл состоит в том, что не сами по себе некоторые явления или вещи пугают человека, а то, что он на них смотрит с опасением. Очень часто взрослый человек видит вещи и оценивает степень их опасности, исходя из представлений о них или из своего опыта. В этом он сильно отличается от ребенка. Ребенок, напротив: может совершенно не бояться действительно опасных вещей и пугаться совершенно безобидных. Поэтому детские страхи, в большинстве случаев, могут быть как обоснованными, так и придуманными; как незначительными, так и чрезмерными.

Дети испытывают страх чаще, чем думают взрослые. На каждый случай открытого выражения страха приходится много случаев страха скрытого. В нашем обществе боязнь чего-нибудь воспринимается как проявление малодушия. Родители тратят много сил, объясняя детям, как избавиться от страха, но редко принимают ощущаемый детьми страх. Дети обучаются загонять свои страхи глубоко внутрь себя, чтобы угодить родителям или не путать их своими переживаниями. Например, при анализе

рисунков детей очень часто всплывают на поверхность страхи, которые они скрывали.

Возбудителями страха могут являться также одиночество, незнакомость (человека, объекта, предмета), внезапное приближение, контрастное изменение стимула (тишина – громкость, свет – тьма), высота, боль.

Возникновение и исчезновение страхов у детей зависит от их возраста. Так психологи определили, что страх перед незнакомыми людьми не может появиться в первые несколько месяцев жизни просто потому, что у ребенка еще не развилась способность отличать знакомые лица от незнакомых. Эта способность возникает где-то между 6- и 9- месячным возрастом. Именно в этом возрастном периоде отмечается максимальный страх перед чужими. Боязнь животных и темноты обычно проявляется в первые год-полтора, но наблюдается довольно регулярно у детей после 3-х лет. В возрасте от 1 до 6 лет постепенно уменьшается боязнь звуков и незнакомых предметов. Страх перед животными достигает своего пика к 4 годам, а затем уменьшается. Кроме того, с возрастом на смену конкретным страхам приходят воображаемые, беспредметные страхи.

Существует три типа ситуаций, при которых у ребенка возникает страх или формируется предрасположенность к нему.

Подражание. Процесс, при котором ребенок перенимает многие страхи взрослых (в первую очередь – родителей) и их отношение к ним. Часто взрослый, боясь собак, мышей, огня, воды, молнии, не отдавая себе отчета «заражает» этим ребенка. Подражая родителю в поведении, ребенок со временем начинает испытывать те же чувства. Иногда ребенку вполне достаточно лишь только увидеть, что его родитель встревожен или проявляет беспокойство в какой-то ситуации.

Подражание порождает огромное количество детских страхов еще и по другой причине. Например, заботливый родитель, предупреждающий ребенка, чтобы он не упал, не сделал себе больно, не поранился, постоянно

«излучает» тревогу и опасения. Это состояние родителя передается ребенку. В этом случае, если постоянно призывать ребенка к осторожности, непрестанно напоминать ему о том, что он может причинить себе вред – он ощутит неотвратимость опасности. Даже, если ребенок и не сможет сразу определить, чего именно ему следует бояться, у него в душе поселится постоянное смутное ощущение тревоги и надвигающейся опасности. Это ощущение может жить в душе ребенка достаточно долго. Когда этот ребенок вырастит, станет взрослым человеком, родителем – он, вероятно, также будет «заражать» своих детей собственными детскими страхами. В шутку этот механизм можно назвать «кругооборотом страха в природе».

Ниже приведена табличка, в которой проиллюстрированы различные модели поведения родителей, когда они сталкиваются с проблемой детского страха.

Модели социализации страха

Тактика поведения родителей	
<i>Модель управления страхом</i>	<i>Модель научения страху</i>
<p>1. Минимизация страха</p> <p>Родители воздерживаются от запугивания ребенка. Даже если они опасаются за безопасность ребенка, они стараются защитить его, не передавая ему собственное чувство страха. Родители убеждены сами и информируют ребенка о том, что страх должен возникать лишь в чрезвычайных условиях.</p>	<p>1. Максимизация страха</p> <p>Родители преувеличивают значение страха и опираются на запугивание ребенка как способ расширения его адаптационных возможностей. Родители внушают ребенку собственные страхи, не приучают ребенка дифференцировать степень опасности.</p>
<p>2. Избежание страха</p> <p>Иногда ребенок начинает бояться своего страха больше, чем нужно, преувеличивая его силу. Благожелательное отношение родителей позволяет снять этот вторичный эффект.</p>	<p>2. Привычка испытывать страх</p> <p>Родители считают, что страх полезен и часто запугивают ребенка в целях воспитания. Ребенок при этом становится более боязливым, так как страх может возникать в абсолютно</p>

	нейтральных, не пугающих ситуациях, как реакция «как бы чего не вышло».
<p>3. Компенсация страха</p> <p>Если родители намеренно или по незнанию испугали ребенка, то стараются загладить свою вину с помощью извинения или объяснения, что не хотели причинить вред ребенку. Они также стараются восстановить близкие отношения с ребенком.</p>	<p>3. Отсутствие компенсации страха</p> <p>Если родители намеренно или по незнанию испугали ребенка, то они не пытаются дать каких-то объяснений и извинений. Они не стараются также укрепить или восстановить близкие отношения с ребенком. Родители считают вполне оправданным то, что ребенок научается подчиняться общественным нормам поведения с помощью страха.</p>
<p>4. Терпимость к страху</p> <p>Если ребенок испугался, родители стараются научить его не быть подавленным этим впечатлением, а управлять им. Особенно это эффективно, когда родители сами демонстрируют такую терпимость.</p>	<p>4. Подавление страха</p> <p>Родители, особенно те, которые являются сторонниками воспитания упорства, твердости и самостоятельности, используют чувство стыда и другие отрицательные санкции в отношении трусости.</p>
<p>5. Противодействие источнику страха</p> <p>Родители научают ребенка, в ситуациях вызывающих страх, наступать вместо того, чтобы отступить.</p>	<p>5. Невнимание к источнику страха</p> <p>Родители не обучают ребенка противодействовать источнику страха, часто пренебрегают этим, либо придают ему неприятный для ребенка характер. Кроме того, родители обращают мало внимания на признаки страха у ребенка, игнорируют или же преуменьшают его значение</p>

Травма. Это острое психическое переживание какого-то события, которое оставляет глубокий след в сознании ребенка. Такие эпизоды, как укусы собаки, падение с дерева или качелей, могут травмировать не только физически, но и психологически. То есть перед всеми этими событиями у

ребенка может возникнуть страхи. Одни надолго сохраняются в памяти, другие быстро забываются. Все зависит от характера ребенка, остроты ситуации и реакции родителей по поводу случившегося.

Наказания. Здесь речь идет скорее не о каких-то специфических страхах, а о глубинно основе тех впечатлений, которые могут привести к страху. Когда родители кричат или бьют ребенка, ему совершенно ясно – они раздражены и на время утратили любовь к нему. Ребенок часто пребывает в растерянности, не зная как объяснить причину «свирепости» своих родителей: что же плохого было в его поведении, ведь раньше он делал это тысячу раз и родители были спокойны.

Кроме того, если на ребенка постоянно кричат, угрожают ему и наказывают, в нем постепенно накапливается враждебность по отношению к родителям, а следовательно, он начинает ощущать себя виноватым. Ведь у него появилось чувство ненависти к людям, которых он любит. Он вынужден скрывать свою враждебность, но сделать это очень трудно. И он начинает бояться самого этого чувства.

Может стать причиной страха и неспособность ребенка выполнять приказания родителей. Когда ребенку не по силам выполнить родительское указание, он обижается на них за чрезмерно строгие требования. Но в то же время он опасается потерять любовь близких, если они останутся недовольными ребенком. Чем больше обида, тем сильнее страх. Часто чрезмерные требования к детям создают в семье атмосферу страха. Эта ситуация может возникнуть в двух случаях: во-первых, когда ребенок опасается, что родители от него откажутся и перестанут любить и, во-вторых, когда враждебная реакция ребенка на родительские требования заставляет его чувствовать себя все менее достойным любви близких, а значит чувствовать себя в большой опасности.

Некоторые страхи у детей становятся навязчивыми, возрастают до такой степени, что усилия, предпринимаемые для того, чтобы избежать

вещей или ситуаций, вызывающих страх, мешают жить. В этом случае нужно говорить о фобии.

Разница между страхом и фобией в том, что в первом случае дети испуганы чем-то реально виденным. Если самоощущение ухудшается, страх может возникать лишь от сознания возможности существования его источника, поэтому действия строятся по принципу «на всякий случай», «обжегшись молоком – дуют на воду». Ребенок, который боится собаки и не хочет идти гулять на улицу, где видел ее злобной и лающей, проявляет страх. У ребенка, который не отваживается переступить порог дома, потому что «там за дверью сидит собака», возможно, развивается фобия.

Симптомами страх в поведении ребенка являются грызение ногтей, сосание пальца, заикание, тики, ночное недержание мочи, капризы во время еды, жалобы и хныканье, скрытность и замкнутость.

В первую очередь психолог должен объяснить родителям, что они сами могут, если не избавиться полностью, то хотя бы помочь ребенку справиться со страхами. Для этого :

1. Необходимо сделать любое усилие, чтобы улучшить отношения с ребенком. Для этого взрослым нужно умерить свои требования к детям, реже наказывать их и меньше обращать внимания на враждебность, которую они время от времени проявляют.

2. Надо стремиться успокоить ребенка, вернуть ему душевное равновесие. «Научные» объяснения, высмеивание и шутки по поводу страха неуместны и вообще недопустимы.

3. Прежде всего взрослые должны с уважением отнестись к страху ребенка, даже если он совершенно беспочвенен, или же вести себя так, словно в испуге ребенка нет ничего удивительного. Ребенок крайне нуждается в том, чтобы все его страхи признавались, принимались, уважались. Только тогда, когда они рассматриваются открыто, ребенок может обрести силу, достаточную для взаимодействия с окружающим миром, который временами пугает его.

4. С детьми нужно разговаривать о страхах, слово «страх» не должно быть табу. Поскольку некоторые из страхов возникают в результате ошибочных представлений, другие основываются на реальных ситуациях или появляются вследствие неравного положения ребенка в семье, группе сверстников.

5. Можно рассказать ребенку, что сам родитель или кто-то из общих знакомых пережил точно такой же страх и сумел преодолеть его.

6. Наконец, нужно проще ко всему относиться: не надо из детского страха делать драму, еще хуже трагедию, не надо вести долгих разговоров на эту тему. Лучше отыскать какой-нибудь смешной эпизод в стрессовой ситуации, но не осмеивать ее и постараться быть как можно ласковее с ребенком.

Но, если все же в жизни ребенка появляется сильный страх, ему потребуется помощь детского психолога.

4.4. Горе.

Горем можно назвать такую эмоциональную реакцию на событие, когда человек падает духом, чувствует одиночество, испытывает жалость к себе и стремиться к уединению.

Ощущение горя обычно возникает, когда страдание становится доминирующим состоянием человека на разлуку или утрату. Психологические причины горя связаны с сильными эмоциональными привязанностями к людям, предметам, идеям. Разлука или утрата объекта привязанности означает потерю источника радости, удовольствия и возбуждения. Это в свою очередь означает для человека потерю любви, уверенности и чувства благополучия. Таким образом, ощущение лишения чего-то ценного и любимого, к чему имелась сильная эмоциональная привязанность и означает горе.

Длительное горе может сопровождаться целой гаммой других эмоций. Например, смерть близкого человека может вызвать и гнев (не могут

осуществиться планы; не могут быть удовлетворены желания, связанные с этим человеком), и страх (тревога за свою жизнь и судьбу), и чувство вины (сожаление, что не было лучших отношений с умершим; осознание того, что для утраченного человека не было сделано всего необходимого), и стыд (мысли о том, что другие осуждают человека за недостаточное внимание к умершему или недостаточную заботу о его здоровье).

Горе обладает большим приспособительным значением для человека. Оно дает возможность превозмочь себя и свыкнуться с потерей. Неспроста история человечества так бережно хранит традиции и ритуалы горевания. Все они вне зависимости от особенностей культуры включают три фазы: а) признание горя (осознание потери), б) переживание всех сопутствующих горю эмоций (отреагирование печали через плач, гнева через агрессию, вины и стыда через прощение себя и других), в) преобразование жизни (окончательное расставание, прощание с утраченным объектом или предметом и нахождение «замены» ему). Благодаря гореванию человек имеет возможность, во-первых, отдать дань потерянному любимому человеку или объекту, во-вторых, восстановить личностную автономию (через мотивацию к обретению нового объекта взамен утраченному), и, наконец, в-третьих, расширить собственную коммуникативную сферу (с одной стороны, вызывая сочувствие и помощь окружающих, а с другой – демонстрируя им, что он является заботливым и любящим человеком).

Детское горе – это предмет особого разговора. Часто дети горюют по таким поводам, которые для взрослых просто не понятны. Это может быть потерянная безделушка, сломанная игрушка или разорванный фантик от конфеты. При внимательном отношении взрослого к ребенку эту трагедию можно помочь пережить найдя эквивалентную замену утраченному. Однако, совсем иное, когда ребенок лишился или безвозвратно потерял своего родителя.

Общение и отношения с ребенком, пережившим смерть родителей должно быть очень осторожными и максимально корректными.

Дети, как и взрослые, нуждаются в понимании реальности смерти, и этот процесс постепенен. Поэтому, насколько это необходимо, нужно говорить о том, что произошло, и много раз. Независимо от того пришла ли смерть внезапно или нет. Информация, которую ребенок получает, и те разговоры, которые с ним ведутся, имеют решающее значение для того, как ребенок справится с несчастьем. Чтобы доверие к взрослым не нарушилось, ребенок как можно скорее должен получить точную информацию о том, что произошло.

Позволяя ребенку задавать вопросы, и отвечать на них, если есть ответ, и отважиться сказать «не знаю», если его нет ответа, взрослый поможет ребенку лучше понять случившееся. Иногда трудно ответить на прямые детские вопросы, но дать честный ответ – очень важно. Поэтому важно избегать метафор типа «умерший спит» или «он или она ушел или уехал». Если ребенок настолько развит, что может задать вопрос, то он достаточно развит, чтобы получить прямой ответ на него. Нет также смысла ждать до похорон с сообщением о случившемся: ребенок может неверно понять некоторые слова окружающих и еще больше испугаться.

После смертного случая дети очень болезненно переносят всякие расставания. У них может усилиться беспокойство, что опекающий их взрослый тоже может исчезнуть. Дети испытывают сильную нужду в близости, особенно в первое время после смертного случая. Поэтому лучше всего избегать ненужных разлук.

Дети испытывают сильную потребность вспоминать умершего, одновременно осмысливая случившееся. Дети могут выражать это по-разному.

В определенные моменты они могут часами смотреть на фотографии умершего, могут взять что-либо из вещей умершего, носить их с собой, спать с ними.

У них также может возникать желание посетить те места, где он был вместе с умершим или посетить его могилу. Если есть возможность, можно

сделать это вместе с ребенком. Посещение места несчастного случая также может помочь ребенку лучше понять, как наступила смерть. Иногда только тогда они начинают понимать, что произошло.

У детей существуют свои способы справляться с сильными чувствами. Например, дети часто имитируют похоронную процессию. Они хоронят животных и насекомых, что помогает им понять, что произошло с умершим. Они также могут рисовать могилы с крестом или рисовать другие вещи, имеющие отношение к умершему.

Для ребенка это нормальный способ выражения своих чувств. Одновременно они начинают лучше понимать смысл события, которое произошло. Поэтому важно не останавливать детей, когда они играют или рисуют. Если ребенок был свидетелем драматического смертного случая, он может повторять одну и ту же игру много раз.

Если поведение ребенка сильно меняется или если сильные эмоции не теряют интенсивности в течение настолько длительного времени, что это начинает беспокоить, надо обратиться за профессиональной помощью.

Но в качестве «спасательного круга» психологи У.Фориндер и Л.Полфелдт предлагают некоторые советы, которые смогут помочь взрослым при встрече с детским горем. Конечно, всякие советы хороши, но лучше, если их согласовать с индивидуальной ситуацией и психическим состоянием ребенка..

Говорите открыто и честно

- ◆ Незамедлительно расскажите о смертном случае и дайте конкретную информацию о том, что произошло.
- ◆ Скажите, что умерший никогда не вернется.
- ◆ Расскажите о церемонии прощания и похоронах.

Избегайте неясностей

- ◆ Не говорите о "путешествии" или "сне".
- ◆ Избегайте абстрактных объяснений.
- ◆ Давайте объяснения, подходящие возрасту ребенка.

Помогите ребенку понять

- ◆ Выделите время, чтобы поговорить с ребенком о тяжелом.
- ◆ Отвечайте на вопросы ребенка, даже если он повторяет их из раза в раз.
- ◆ Пройдите через то, как разворачивались события, несколько раз.
- ◆ Прислушивайтесь к мыслям и пониманию ребенком того, что произошло.
- ◆ Позволяйте ребенку рисовать и играть, чтобы он таким образом высказал свои чувства.
- ◆ Позвольте ребенку старшего возраста написать о произошедшем - все от дневника или стихотворения до сочинения в школе помогает.

Сделайте потерю реально ощутимой

- ◆ Позвольте ребенку видеть мертвого.
- ◆ Позвольте ребенку присутствовать на похоронах.
- ◆ Не скрывайте от ребенка своих мыслей и чувств.
- ◆ Часто вспоминайте ушедшего, сделайте фотоальбом, смотрите на фотографии и видео.
- ◆ Берите ребенка с собой на кладбище.
- ◆ Печаль, тоска - естественные реакции даже у детей. Покажите, что такие чувства разрешены.

Не отступайте от заведенного порядка

- ◆ Постарайтесь не разлучать ребенка с родителями. Даже кратковременное отсутствие из дома может быть причиной беспокойства.
- ◆ Попытайтесь сохранить заведенный порядок вашего дома.
- ◆ Согласитесь с тем, что ребенок нуждается в вашей близости и защите.
- ◆ Не затягивайте с возвращением ребенка в школу или детский сад.

Успокойте беспокойство ребенка, что он или его родители скоро умрут

- ◆ Говорите с ребенком об его страхах.
- ◆ Уверьте ребенка, что подобные смертные случаи бывают очень редко.

Приглушите чувство вины у ребенка

- ◆ Поговорите серьезно с ребенком, если он показывает чувство вины.
- ◆ Уверьте ребенка, что ничего, о чем он думал или что он сделал, не привело к смертному случаю.

4.5. Психосоматические симптомы

Энурез (от лат. Enures) – ночное недержание мочи – очень распространенное явление среди детей. Как показывает практика, крайне трудно понять его причины, но еще более сложно его устранить.

Обычно дети самостоятельно перестают мочиться в штанишки в 2,5-3,5, а в постель – в 3,5-4,5 года. Пока ребенок не достиг этого возраста вряд ли стоит придавать этой проблеме большое значение. Проблема возникает тогда, когда ребенок продолжает мочить и штанишки и постель уже после отведенного природой срока. Однако, следует отметить, что указанные ориентиры – это лишь общая норма, но от не иной раз возможны значительные отклонения.

Недержание мочи может быть вызвано многочисленными факторами, не имеющими никакого отношения к физиологии ребенка:

Боязнь темноты.

Трудно добраться до туалета.

Ребенок может просто не знать, что мочиться в постель нельзя.

Слишком сильное переживание, яркое впечатление, испуг.

Инфантилизм, замедленное психическое развитие или общая недоразвитость ребенка.

Слишком ранние и слишком строгие попытки научить ребенка пользоваться горшком или туалетом.

Следует заметить, что недержание мочи почти всегда обусловлено психологическими причинами – это результат неправильного воспитания, или проявления какого-то психического напряжения (либо и того и другого вместе).

Очень часто родители, столкнувшись с этой проблемой, с упреками, угрозами, в очень категорической форме требуют, чтобы ребенок перестал мочиться в штанишки или постель. При таком отношении у ребенка может возникнуть страх перед естественными нуждами. А это уже ненормально и сильно осложнит жизнь как самого ребенка, так и его родителей. Один из самых распространенных способов скрыть свой страх – проявить отвращение к фекалиям. В этом случае формируется так называемый «анальный» характер: ребенок растет с обостренным чувством неприязни к грязи, вообще к любому беспорядку и «зацикливается» на чистоте.

Психолог А. Фромм считает, что проблему недержания мочи можно сгладить, соблюдая следующие рекомендации.

Прежде всего следует относиться ко всему этому спокойно и с уверенностью, родитель сможет решить эту проблему.

Не следует ожидать, что ребенок перестанет мочиться в постель сразу же, как только научится это делать днем.

Не надо проводить эксперименты и пытаться сделать из ребенка чудо в этом отношении. Этим можно только навредить ему.

Надо радоваться каждому маленькому успеху ребенка. Когда он научится сдерживать себя днем, велика вероятность того, что он будет оставаться сухим и ночью.

Будет полезно раз или два ночью отнести или отвести его в туалет. Это может не войти в привычку, поможет ребенку более эффективно контролировать деятельность мочевого пузыря, а также заслужить похвалу утром.

Не следует ругать ребенка, если вдруг окажется, что его постель мокрая. Лучше промолчать или просто приласкать ребенка.

Интересную точку зрения на эту проблему имеет другой американский психолог В. Оклендер. Она считает, что недержание мочи в постели можно считать одним из примеров того, как ребенок выражает себя. Недержание мочи может быть проявлением здорового стремления к самовыражению.

Если ребенок не нашел адекватного способа выразить то, что ему было нужно, он начинает выражать это другим способом. Если бы он не нашел такого пути, неудовлетворенные потребности могли бы найти свое отражение в симптомах бронхиальной астмы или развитии экземы. Это не случайное совпадение, что многие дети, страдающие недержанием мочи в постели – добродушны, общительны и редко выражают свой гнев.

Недержание мочи связано с невозможностью каким-либо иным образом выразить подавленные чувства, ни один ребенок не испытывает сознательного желания мочиться в постель.

Важно, чтобы родители поняли, что ни они, ни ребенок не виноваты в этом. Если ребенок периодически мочит или пачкает штаны, вряд ли стоит сердиться. Если это происходит вследствие нервозности или перевозбуждения, гнев взрослого вызовет излишнее напряжение. Лучше показать малышу, что родителям бы хотелось, чтобы такое происходило. Здесь также может помочь и привлечение ребенка, как уже достаточно большого, к стирке трусиков или брюк. А вот кричать или срамить по этому поводу бесполезно. И жестоко.

Очень немногие ведут себя так из «вредности» и непослушания. Просто, погружаясь в какое-то очень увлекательное занятие, некоторые дети игнорируют позывы организма до последнего момента. А иные настолько увлекаются, что и не замечают случившегося.

Следует водить детей в туалет через определенные интервалы времени, ободрять их собственную инициативу и сохранять спокойствие.

В. Оклендер предлагает, чтобы родители — а иногда и все члены семьи — делились своими переживаниями, связанными с этой ситуацией. Кроме того, можно предпринять попытку возложить ответственность за те или иные телесные функции на самого ребенка: он несет ответственность за недержание мочи в постели. И, наконец, следует помочь ребенку овладеть более приемлемым способом выразить то, что ему необходимо выразить.

Когда приучение к туалету проходит с трудом, не стоит раздражаться или называть ребенка глупым. Он только переволнуется и вряд ли мгновенно исправится.

4.6. Гиперактивность

Ребенку с повышенной активностью трудно усидеть на месте. Он суетлив, много двигается, вертится на месте, иногда чрезмерно говорлив, может раздражать манерой своего поведения. Часто у него наблюдается плохая координация или недостаточный мышечный контроль. Он неуклюж, роняет или ломает вещи, проливает молоко. Такому ребенку трудно концентрировать свое внимание, он легко отвлекается, часто задает множество вопросов, но редко дожидается ответов; испытывает потребность что-то схватить, начать играть с чем-нибудь, но затем может внезапно изменить свое намерение.

Гиперактивность проявляется уже на третьем-четвертом годах жизни. У этого ребенка очень сильно ограничен объем внимания, он может сосредоточиться на отдельных формах активности всего лишь на несколько мгновений, а затем переключается на другие виды деятельности. Как правило этим детям присуща чрезмерно высокая отвлекаемость, настолько что они реагируют на любой звук, на любое движение.

Очень часто гиперактивные дети испытывают трудности в учебе, вызванные недостаточными способностями к умственной сосредоточенности, к восприятию зрительных, слуховых, а иногда и тактильных образов. Моторная несогласованность вызвана слабой координацией связи “глаза-руки” и отрицательно сказывается на способности легко и правильно писать. Ребенка угнетают трудности в учебе которые неизбежно приводят к формированию низкой самооценки.

В трудности такого ребенка вносят вклад многие вторичные эффекты. Взрослые нетерпеливы с ним, не доверяют ему, иногда не могут спокойно выдерживать его поведение. Они пытаются с раздражением утихомирить их.

Тем самым стремятся подавить их психическую и физическую активность. Поэтому, естественно, что ребенку, который лишен возможности выражать сдерживаемые чувства, трудно быть спокойным и сосредоточенным, концентрировать внимание.

У гиперактивного ребенка, как правило, мало друзей, потому что слабо развиты навыки социального общения. Его унижают ярлыки, которые ему приклеивают, и то, что другие дети дразнят его и дают ему прозвища. Поэтому он часто агрессивен, вызывает множество конфликтов и споров, плохо контролирует свои побуждения, очень импульсивен.

Многие стимулы, исходящие из окружения, смущают и раздражают гиперактивного ребенка. Дети, которые обнаруживают отдельные симптомы гиперактивного поведения или все их разнообразие, иногда просто избегают болезненных для них ощущений. Часто тревожные дети испытывают страх перед тем, что их заставят участвовать в какой-либо деятельности. Они постоянно переходят от одного к другому и выглядят так, как будто они неспособны остановиться на чем-нибудь одном или целиком сосредоточить свое внимание на избранном объекте. Такие дети — боязливые, раздражительные, тревожные — могут производить впечатление гиперактивных детей со всеми следствиями, вытекающими из этого ярлыка.

Более того, чрезмерная подвижность может быть прямым следствием нервного напряжения ребенка. Вернее способом ее разрядки.

Главное в помощи психолога гиперактивному и рассеянному ребенку – это постараться сосредоточить внимание взрослого на проблеме ребенка.

1. Необходимо выделить специальное время для занятий с ребенком, которое проводилось бы вместе с ним в тихой комнате с минимумом отвлекающих факторов. Вначале это может быть лишь одна-две минуты. Увеличить время нужно лишь тогда, когда ребенок спокойно сможет переносить этот интервал времени.

2. Подбор игрушек и занятий желательно осуществлять с учетом интересов и привязанностей ребенка.

3. Во время занятий нужно стараться постоянно привлекать внимание ребенка репликами «Посмотри!», «Послушай!».

4. Разрядить нервное напряжение ребенку могут помочь игры, требующие больших физических усилий. Игры с ребенком должны быть короткими и успешными.

Однако, это лишь «первая помощь пострадавшему». Лучший способ «снять» гиперактивность ребенка – постараться устранить причины, вызвавшие ее. Здесь, конечно, необходимо вмешательство психолога, специализирующегося на работе с расторможенными детьми.

4.7. Замкнутость

Словарь трактует слово «замкнутый» как обособленный, отчужденный, сдержанный, скрытный, отдаленный. Таким образом, замкнутый ребенок — это ребенок «недоступный» для других, испытывающий потребность в отдалении от слишком болезненного для него мира.

Взрослые, как правило, довольны такими детьми, потому что они причиняют мало беспокойства. Проблемы становятся очевидными только в том случае, когда ребенок начинает проявлять чрезмерную замкнутость.

Он может разговаривать только в случае необходимости или вообще не разговаривать. Замкнутые дети все таят внутри себя. В каком-то отношении они научились держать язык за зубами (слишком много было кем-то когда-то сказано, и они усвоили этот урок). Такие дети охотно замолкают, храня про себя свои чувства и переживания. Они хорошо успевают в школе, выполняют свои домашние обязанности, соблюдают правила, не хнычут и ни на что не жалуются, не плачут, не дерутся, не ссорятся и не кричат. Но они разговаривают, только тогда, когда это необходимо.

Замкнутый ребенок может говорить очень тихо, почти шепотом. Он может держаться в стороне от всех, бояться присоединиться к группе детей или предпринять что-то новое. Он часто одинок, у него нет друзей или их слишком мало.

Среди них есть, конечно, и те дети, которые любят играть в одиночку. Они проводят много времени в одиночестве, раскачиваясь или посасывая палец. Бывает, они бесцельно слоняются, глазеют или ходят за другими. Его даже может пугать большое скопление детей и взрослых в его окружении.

Очень часто замкнутость наблюдается у детей из школ-интернатов. Как правило, эти дети либо просто не умеют играть, либо привыкли играть в одиночестве. Их замкнутость – результат пренебрежения детской потребностью играть. Их игровой опыт невелик, дети часто просто не знают, что делать с игровыми материалами, знакомыми другим детям. Вот ребенок и предпочитает болтаться без дела.

В другом случае ребенок, впервые встретив разнообразие новых игрушек, слегка шалет и бросается от одного занятия к другому. Тогда они могут заработать ярлык «сверхактивных».

Замкнутость может проявляться как своеобразная защита от чрезмерно назойливого и опекающего взрослого. Например, не разговаривать, это единственное оружие, которое ребенок может использовать против требований родителей. Однако, даже если он и не разговаривает, это не значит, что ребенок не слышит то, о чем ему говорят. Замкнутые, неразговорчивые дети не воспринимают свою молчаливость как какое-то нарушение. Они полагают, что им просто нечего сказать.

Даже если не учитывать стереотипа социального поведения, связанного с полом, девочки чаще воспринимаются как застенчивые, сдержанные, спокойные, замкнутые. Мальчики более расположены к контактам в силу большей агрессивности.

Некоторые рекомендации психолога, возможно, помогут родителям самим оказать помощь замкнутым детям.

1. К очень замкнутым детям подход должен быть, скорее всего, постепенным. Родителям надо быть также очень терпеливым и готовым затратить много времени, пока появится первая ответная реакция. Если у ребенка отсутствует игровой опыт, то регулярные занятия с ним помогут

такой опыт приобрести. Для этого понадобится немного времени – каждый день показывать ребенку, как пользоваться игрушкой, постепенно подключая его к играм других детей. Радость от игры – лучшее подкрепление опыта ребенка.

2. У ребенка из интерната замкнутость – это реакция на невнимание со стороны взрослых, на ситуацию «беспризорничества». Такому ребенку надо дать время привыкнуть и научиться переносить постоянное физическое соседство взрослого. Лучшим выходом тут могут быть ежедневные игры рядом с ребенком. Но при этом не надо втягивать его в игру насильно. Дружественные отношения (на равных), интересные занятия и приятельская болтовня без требования ответов могут постепенно создать чувство доверия.

3. Замкнутый ребенок может не знать, как обратиться к взрослым, особенно к приемным родителям. Он может нервничает или даже пугаться их соседства. Завоевать доверие ребенка может физическая ласка. Но надо помнить что не всякий ребенок в ней нуждается. Некоторые дети, особенно пережившие различного рода насилие, могут не переносить физических контактов. В дальнейшем необходимо приложить некоторые усилия с тем, чтобы ребенок стал доверять и другим людям, сходилась со сверстниками. Но этот процесс не будет быстрым.

4.8. Чувство вины

Вина по большому счету представляет собой обращенный против себя гнев (или негодование). Механизм формирования вины примерно следующий. Ребенка ругают или наказывают за какой-то проступок. Это вызывает его гнев. Но поскольку ребенок часто не имеет возможности выразить свой гнев, он загоняет его «внутри» и начинает испытывает чувство вины за совершенный поступок. Если гнев выражается непосредственно, чувство вины как правило исчезает.

Обида сопутствует любому чувству вины. Если ребенок не может выразить гнев и испытывает чувство вины, он обижается на взрослого (или,

возможно, на другого ребенка), который связан с этим неприятным чувством. За чувством обиды обычно скрываются невысказанные претензии. Ребенок, чувствуя обиду на родителей за то, что они ругают его, в то же время может неявно выражать требование, адресованное родителям. Его суть может заключаться в том, чтобы они терпимее отнеслись к тому, что он совершил тот или иной проступок.

Ребенок, особенно маленький, часто пребывает в состоянии замешательства по поводу того, кто виноват в том, что произошло. Если его постоянно ругают за то, что он считает неопределенным – он часто принимает вину на себя, он сам себя порицает и чувствует, что он “плохой”. Таким образом гнев, вина, чувство обиды и самоупреки смешиваются и внедряются в образ Я ребенка. У чрезмерно виноватых детей чувство вины пронизывает всю их жизнь. Они могут чувствовать вину задолго до совершения поступка от одних только мыслей или желаний.

Чувство вины может возникать не только после того, как ребенок совершил какой-нибудь плохой поступок, но даже в том случае, когда его намерения не реализуются. Скажем, ребенок разгневан на своих родителей и хотел бы отомстить им, но не делает этого. Однако сама мысль о мщении уже заставляет его испытывать чувство вины.

Попытка избежать чувства вины порождает такие формы поведения, которые внешне вроде бы и не имеют никакого отношения к человеческой боязни совершить что-то дурное. Чтобы уменьшить ощущение вины, он пытается делать все, чего, как ему кажется, ожидают от него другие, но в то же время постоянно чувствует себя обиженным. Он теряет и испытывает неуверенность по поводу того, чего именно от него ожидают, но он, несомненно, уверен, что гнев и ярость нужно затаить. Он упорно пытается всем угодить и соглашаться со всеми. Ребенок, например, может превратиться в маленького ханжу. Поступая так, как ждут от него окружающие, хитрец цепляется за их любовь, подменяя ее любовью к самому себе. Однако в этом случае ребенок перестает дифференцировать

свою жизнь и жизнь других людей, утрачивает чувство своего Я и собственной целостности.

Другой способ избавиться от чувства вины можно распознать в некоторых особенностях и детей и взрослых. Если ребенок все время беспокоится по поводу сделанных уроков, часто моет руки, без конца наводит порядок в своей комнате, часто что-то трогает или теребит – все это признаки рабской зависимости от привычек, невольно возникших у него в условиях дискомфорта и внутреннего напряжения. Значительная доля этого напряжения порождена именно комплексом вины.

Воспитывая ребенка, родитель очень часто неоправданно спешит выразить свое одобрение или неодобрение, чтобы ребенок понял, чего от него хотят. В то же время, видя, как родители всеми силами стремятся удовлетворить основные нужды ребенка – он начинает воспринимать родителя как часть самого себя. Он как бы присваивает не только фамилию родителей, но и их руки. Ведь именно они укачивают его, кормят, моют, согревают. Неизбежно, что в конце концов и мысли родителей делаются его мыслями. И, наконец, наступает момент, когда родителю уже незачем находиться рядом с ребенком, чтобы объяснять ему, какие из его намерений дурные, какие хорошие. Поэтому очень скоро родительские суждения и стереотипы поведения становятся детскими суждениями и стереотипами поведения.

Когда родители проявляют свой гнев, нетерпение и вдобавок применяем наказание, они как бы говорим ребенку, что не любят его. И даже если это не совсем так или совсем не так, ребенок все равно останется при своем мнении, поскольку он видит далеко не дружеское и не ласковое родительское отношение.

Для ребенка истинная родительская любовь имеет очень большое значение и ее явное или неявное отсутствие оставляет глубокий след в его сознании по двум причинам:

1. До тех пор, пока ребенок зависит от своих родителей, он понимает,

что их любовь – самая большая гарантия, что родители и впредь будут удовлетворять все его нужды.

2. Поскольку ребенок ощущает себя родительской частицей, он начинает смотреть на себя глазами своих родителей. А это означает, что он с родительской подачи может с горечью почувствовать себя плохим, недостойным родительской любви, и на этом основании решить, что он гораздо хуже, чем думал о себе прежде.

Если родители столь суровы, что выражают свое неодобрение более эмоционально и чаще, чем следует, ребенок испытывает недостаток их любви. Сознание, что его любят, оказывается для него скорее роскошью, чем нормой. Он начинает относиться к себе с меньшим уважением. Неуверенный в себе, не обладающий должным мужеством, лишенный многих интересов, ребенок испытывает боязнь и необходимость извиняться или заранее оправдываться перед всеми.

Разумеется, невозможно растить детей, не выражая одобрения или неодобрения их поступков. Точно так же как нельзя пробудить у ребенка совесть, не породив при этом комплекс вины. Самое лучшее, что можно сделать в таком случае, – соблюдать чувство меры. Взрослые должны всячески стараться уменьшить комплекс вины, а не пытаться достичь нереальной цели – совершенно избавить ребенка от него.

Если ребенок испытывает страх и у него наблюдаются признаки повышенной нервной возбудимости, если он вообще неуверен в себе, о чем говорят сосание пальца и другие симптомы психического напряжения, то вполне возможно, что у него уже развился комплекс вины.

Комплекс вины может помешать ребенку получать максимум удовольствия от жизни. В этом случае ребенку нужно помочь понять, кто он, каковы его потребности, чего он хочет. Ему нужно научиться вербализировать свои желания, мнения, мысли, осуществлять четкий выбор и принимать на себя ответственность за свой выбор. Он также нуждается в приобретении опыта выражения своего гнева, обиды и требований. Чем более откровенно

ребенок сможет выразить свой гнев, тем меньше чувство вины, которое ослабляет и сковывает его.

Кроме того, родителям стоит сделать над собой усилия и попытаться умерить тон их упреков. Следует объяснить ребенку, почему взрослые не одобряют тот или иной поступок. Но сделать это нужно кратко и спокойно: это самый лучший путь.

Никогда не следует говорить ребенку, что родители его больше не любят и вообще "куда-нибудь отдадим". Наоборот, родители должны дарить детям поистине безграничную любовь и как можно чаще одобрять их хорошие поступки. В данном случае любая щедрость – гарантия того, что будет сведен до минимума комплекс вины.

4.9. Незащищенность

Термин “незащищенный” широко используется при описании детей с самыми разнообразными формами поведения. Словарь определяет это слово как “беспомощный, не способный защитить себя от опасности, ощущающий тревогу без достаточных оснований”.

Иногда можно наблюдать детей, которые буквально вешаются на людей. Когда от них пытаются отделаться, они виснут еще больше. Эти дети физически захватывают людей, как будто для того, чтобы уменьшить свою незащищенность и чувство неуверенности, почувствовать себя в большей безопасности. Обычно окружающим очень трудно выносить их назойливость. Сверстники не любят их общества и стараются избегать их.

Ребенок, который вынужден цепляться за других, имеет такое нечеткое чувство собственного Я, что он чувствует себя хорошо, только если может объединиться с кем-нибудь. Он может существовать только в слиянии с другим человеком. Ощущение отдаленности для него необычно и вызывает страх. Он не знает, где его Я начинается, а где заканчивается. Интенсивная потребность в идентификации приводит к тому, что он не может провести четкой границы между собой и другими.

Дети, которые доходят до крайности в стремлении угодить взрослым, представляются чрезмерно послушными, испытывают аналогичное чувство неуверенности. Они ищут подтверждения таким путем правильности своих действий, принимая правила, которые часто навязываются взрослыми. Они иногда не могут сказать “нет” кому-либо, не имеют собственных идей и собственного мнения, назойливо послушны и стремятся вести себя хорошо до такой степени, что воспринимаются как туповатые и утомительные в общении.

Все дети хотят одобрения, быть «хорошими», следовать указаниям и вести себя «правильно». И у них все это получается в пределах их способностей. Они проявляют также способности выражать гнев, протест, несогласие, стоять на собственных ногах и выражать свою точку зрения случае несогласия с другим. Незащищенный же ребенок, стремящийся угождать другим, затрачивает на это большие силы. Он постоянно направляет энергию вовне, а не тратит ее на удовлетворение собственных потребностей.

На выраженность незащищенности оказывает влияние опыт разлучения с матерью (в роддоме, в семье, после смерти, при приеме в ясли или детский сад). Детям нужен период адаптации для увязки прежнего опыта с новым – миром одиночества. У разных детей период привыкания различен, и родители не всегда при этом наилучшие помощники. Если, например, ребенок проводил больше времени с бабушкой или няней, то именно они лучше помогут ему. Особенно сложно адаптация может протекать у детей, которых сразу разлучили с матерью или другим взрослым на достаточно длительное время. Однако и трех-четырехлетним, сидевшим дома с мамой, опыт детсада покажется трудным: новые взрослые, новые дети, новые ожидания и распорядок. У ребенка ограниченное понятие времени, и целый день в яслях или саду может смутить его. Порою ребенок искренне боится, что родители не вернуться. А если предстоит тихий час, то некоторые дети

думают, что и ночевать они будут в яслях. В таких новых и неожиданных условиях ребенку явно нужна помощь.

Вообще-то бывает тревожным и то, что дети дошкольного возраста очень уж быстро сходятся с новыми людьми и местами. Некоторые дети пережили столько перемен, что последующие они воспринимают не особо реагируя и чрезмерно привязываются к любому новому взрослому. Однако эти привязанности неглубоки, так как не основаны на уверенности, что взрослый будет постоянно рядом. Такие проявления должны стать для взрослых предметом заботы, а не свидетельством «хорошего» или «плохого» поведения.

Есть много способов, посредством которых чуткий взрослый способен помочь ребенку привыкнуть к новому окружению. Как уже отмечалось особенно трудно разлуку переживают дети, травмированные многочисленными расставаниями. Поэтому вне зависимости от опыта ребенка родители должны объяснить ребенку, куда они идут. Уверить, что вернутся за ним. Тепло попрощаться. Если известно, что родитель пошел на работу, то можно поговорить об этом с ребенком, объяснив, что «после чая» (или в другое время) мать вернется. В первые несколько дней некоторые дети чувствуют себя увереннее, если им оставить родительскую сумку или перчатку как гарантию, что родители придут за ребенком и оставленными вещами.

Наиболее верным признаком незащищенности ребенка является его «привязанность» ко взрослому, когда он ходит за ним буквально по пятам.

Занятия с детьми, которые нуждаются в идентификации, одобрении и положительной оценке, предполагают предоставление свободы выбора.

Можем начать с деятельности, включающей сенсорные упражнения, двигательные упражнения и игры, которые дадут возможность ребенку познавать свои чувства, свой образ, образ своего тела, интегрировать все это. И наконец приобрести навыки в осуществлении выбора, выражения собственного мнения, определения своих потребностей, желаний,

предпочтений и отвержений и научиться вербально выражать осознанные потребности, желания и мнения.

3.10. Другие проблемы поведения

Наряду с перечисленными в предыдущих разделах у детей могут встречаться и другие проблемы.

Отказ от еды или питья

Отказы от еды или питья, разбрасывание пищи случаются у детей не редко. При этом взрослому надо иметь в виду ряд обстоятельств.

Во-первых, именно таким способом ребенок может выразить свой протест и гнев.

Во-вторых, некоторые дети в семье или учреждении, в котором они воспитывались, никогда не пользовались столовыми приборами. Они часто «таскают» со стола или едят, держа тарелку на коленях, то сидеть за столом.

В третьих, у детей есть любимые блюда, и было бы глупо думать, что ребенок съест все, что дадут. Детские привычки и предпочтения в пище и поведении за столом могут значительно отличаться.

В-четвертых, разные дети могут съесть различное количество пищи. «Малоежкам» лучше много и не накладывать. Другие хотят съесть побольше. Лучше побудить ребенка съесть все с удовольствием, а потом попробовать что-нибудь еще. Когда взрослые дают детям возможность обслуживать самих себя, то порой оказывается, что они охотнее съедают то количество, что сами выбрали. Тут, конечно, нужен присмотр, но некоторый выбор поможет избегать баталий взрослых и детей за столом.

Вообще проблем с едой возникает гораздо меньше там, где создана хорошая эмоциональная атмосфера за столом. Обед лучше проходит в тех случаях, когда за столом ведутся оживленные беседы, где детям позволено выражать предпочтения в пище, их не заставляют доедать до последнего кусочка и нет постоянной угрозы: «Останешься без сладкого!».

Невротические привычки

Дети, проходящие через лишения, период отчаяния и одиночества, впадают в повторяющийся и самопоглощающий тип поведения, который изолирует их в собственном мире. Проявления такого поведения, как, например, посасывание пальца или ковыряние в носу, не вызывают беспокойства, пока не начинают поглощать слишком много времени. Другие проявления необходимо прервать, даже если они редки. Например, если ребенок стучит головой по чему-либо.

«Особо опасные» нервные привычки – это когда ребенок царапает кожу, дергает себя за волосы или бьется головой. Детей, стучащих головой или дергающих себя за волосы, надо останавливать. Но не простым приказанием типа: «Нельзя делать так!». Это чаще всего не дает необходимых результатов. Поскольку некоторые дети видят в них самый удовлетворительный способ выразить сильные чувства. За этими занятиями могут крыться гнев или расстройство.

Но даже если это случается редко, ребенка надо остановить, чтобы он не причинил себе вреда. Помешать этому следует физически. Если ребенок бьется головой, надо подстраховать голову ладонью. Это и защитит ребенка, и поможет поднять его. Резкое «Нельзя!» с подсовыванием ладони под его голову, часто моментально привлекает внимание ребенка. Потом нужно успокоить его, поговорить и, лучше всего, отвлечь каким-то занятием. Внимание можно привлечь и с расстояния – хлопком вместе с резким «Нет!». Если взрослые проявляют упорство, то появится возможность, что ребенок будет прекращать это занятие сам, часто сопровождая свои действия самоинструкциями. Но на это нужно время.

Точно так же следует отвлекать детей от выдергивания волос или чесотки. В первую очередь необходимо выяснить, какие события могли расстроить ребенка до такой степени. Осведомленность поможет как можно лучше утешить ребенка. С учетом возраста необходимо пытаться, чтобы ребенок мог выразить свои чувства в словах или доверительной игре. Если

его состояние внушает тревогу, надо проконсультироваться со специалистами в области детской психологии.

Некоторые дети часто онанируют. Это вполне естественно. Многие дети переживают периоды повышенного интереса к своим половым органам и находят удовольствие в игре с ними. Кроме того, существует мнение, что достаточно часто мастурбируют дети, которые испытывают недостаток телесных контактов с родителями. Им не хватает физических ласк и поглаживаний.

Взрослому не следует слишком усердствовать, когда он купает ребенка, половые органы нужно мыть тщательно, но быстро. Если взрослый заметил, что ребенок онанирует, не стоит отводить его руку или бить по ней, угрожать ему или наказывать. Лучше всего сделать вид, что его занятие взрослому не интересует. А еще лучше просто отвлечь ребенка от этого занятия.

На досуге нужно постараться разобраться и понять, что в поведении окружающих вызвало у ребенка нервное напряжение.

У некоторых детей возникает привычка сосать одеяло, крепко прижимать его к себе, прикладывать к лицу. Обычно дети это делают, когда ложатся спать. Посасывая одеяло, ребенок как бы дает понять взрослому, что он испытывает неудобство, чувство тревоги. Сосание – это один из самых распространенных способов отогнать страх. Ребенок получает удовольствие и от этого ему становится легче.

Прежде всего не стоит делать из этого проблему. Со временем ребенок самостоятельно избавится от привычки сосать одеяло. Правда, при этом нужно проводить с ребенком больше времени при укладывании его в постель и постараться оставить его засыпать в максимально комфортных условиях (например, с включенной на всю ночь лампы).

Сосание пальцев – более распространенное явление. Точно также чувство страха и бессилия заставляют ребенка находить покой и удовольствие в чем-то, что доставляло удовольствие прежде. Поэтому ни

угрозы, ни наказания, ни народные средства (перчатки, перец, горчица) не принесут должных результатов. Более эффективно не вынимать у ребенка палец изо рта, а дать ему карамельку.

Привычка грызть ногти, как правило признак нервозности у ребенка. У этого явления существуют свои причины.

Ребенку просто приятно грызть ногти, это доставляет ему физическое наслаждение. Чтобы избавить ребенка от этой привычки, надо предложить ему другое занятие, более удовлетворяющее его. Но сделать это надо мягко, не акцентируя внимания на грызении ногтей.

Эта привычка возвращает ребенка в детство. Держа палец во рту ребенок как бы воспроизводит знакомое с детства движение. Но это значит, что возвращение к детским привычкам, свидетельствует о снижении желания расти. В этой ситуации все, что необходимо сделать – это подчеркнуто вознаграждать ребенка за взрослое поведение.

Привычка грызть ногти дает выход агрессивности ребенка. Он использует ее для манипулирования родителями: он таким способом злит их, даже если иногда делает себе больно. Но в любом случае подобный поступок – проявление враждебности. Здесь нужно, во-первых, не придавать большого значения агрессивности ребенка. Во-вторых, позволить ему иногда свободно выразить свои гнев, обиду и раздражение. В-третьих, поощрять социально приемлемые формы проявления враждебности и во время игр, и во время случайных домашних ссор, и во время спортивных соревнований.

Расстроенные сильными эмоциями дети проводят большую часть дня в рассеянности. Поэтому-то и случается, что некоторые ковыряются в носу, сосут палец или утыкаются в любимое одеяло в момент стресса или утомления. Это вполне оправданные способы преодоления трудностей, и взрослые должны радоваться, что у ребенка есть собственные ресурсы, к которым он прибегает, как и к их помощи. При таком поведении более всего должны беспокоить чрезмерная продолжительность сосания пальца, раскачивания или мастурбации. Тогда надо отвлечь ребенка от рассеянности,

постараться, чтобы он воспринял чье-то утешение, и помочь выразить чувства другим путем.

Простое приказание прекратить качаться или онанировать вряд ли сработает. Ведь взрослые или родители хотят, чтобы ребенок бросил то, что ему сейчас помогает справиться с душевным состоянием. Поэтому эффективнее будет то, что поможет выразить эмоции. Надо открыть ребенку, что он может найти утешение у взрослых и радость в занятиях, в которых нет принуждения или непонятного. Вначале взрослым следует держаться поближе к ребенку. Если он не дичится, посадить его на колени и тихо поговорить с ним, чтобы отвлечь. Если родители регулярно уделяют ребенку время, постепенно он заинтересуется разговорами, а потом и игровыми занятиями: рассматриванием вместе со взрослым (в обнимку с игрушкой) картинок в книжке или каким-нибудь своим делом. Тут важно помнить, что это, скорее всего, займет много времени. Дети, как и взрослые, не перескакивают из печали и депрессии в другое состояние. Нужны постоянное внимание и забота взрослых, чтобы ребенок проникся доверием к ним. Надо постараться обойтись без критики или резких слов – они только загонят ребенка глубже в себя.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Основная направленность пособия научно–образовательная, а функция просветительская. Это не практическое руководство по работе с той или иной категорией детей. С нашей точки зрения, навыкам практической работы можно научиться не по книжкам, а в процессе практической подготовки: участия в специализированных тренинговых программах и семинарах. Поэтому целью данного пособия было сообщение психологам и педагогам общеобразовательных учреждений, а также социальным педагогам, специалистам по охране детства, СППС и другим специалистам знаний о причинах возникновения детских психологических проблем в условиях семейного благополучия.

Этой позицией автора подчеркивается важность и значимость первичной профилактики детского и подросткового психического здоровья, которая нацелена на выявление риска нарушений личностного развития и поведения. Задачи первичной профилактики эмоциональных и поведенческих отклонений у детей и подростков, возникающих в условиях семейного неблагополучия, включают:

1. Осуществлять скрининг неблагополучных семей и семей группы риска.
2. Снизить до минимума влияние факторов, способствующих возникновению эмоциональных и поведенческих отклонений у детей и подростков.
3. Дать знания родителям о психологических проблемах ребёнка.

В связи с этим психолого–педагогическая профилактика детских психологических проблем, связанных с условиями семейного воспитания должна строиться на принципах детоцентрированности и тесного взаимодействия специалистов и семьи.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллан Дж. Ландшафты детской души. Психоаналитическое консультирование в школах и клиниках.–СПб–Мн., 1997. – 256с.
2. Бауэр Т. Психическое развитие младенца.(Пер. с англ.) – М.: Прогресс, 1979.– 145 с.
3. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. (Пер. с англ.) – М.: Прогресс, 1986.– С.34–56.
4. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте: (Психологическое исследование). – М.: Просвещение. 1968. – С. 41.
5. Бреслау Г. Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности: Учебное пособие для специалистов и дилетантов.– СПб., 2006.– 129 с.
6. Брутман В.И., Панкратова М.Г., Еникополов С. Н. Некоторые результаты обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных детей.//Вопросы психологии, 1994. №5. С. 31—36.
7. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи: Записки детского психиатра.– М.: Просвещение, 1988. – 207 с.
8. Валлерштейн Дж.В., Келли Дж.Б. Последствия развода родителей: переживание ребенка в период поздней латентности/ Лабиринты одиночества. – М.:Прогресс, 1989.– С. 77–84.
9. Валлон А. Психическое развитие ребенка. (Пер. с фр.) – М.: Просвещение, 1967.– С. 34–75.
10. Винникотт Д. В. Маленькие дети и их матери. М., 1998. С. 40—46, 53—54.
11. Захаров А. И. Ребенок до рождения и психотерапия последствий психических травм. СПб., 1998. С. 3—77.
12. Захаров А.И. Неврозы у детей и их лечение.– Л.: Медицина, 1977.– . 15–35.
13. Колпакова М. Ю. Особенности психологической работы с матерями-

«отказницами»//Московский психотерапевтический журнал, 1999. №1. С. 127-154.

14.Копыл О. А., Баз Л. Л., Баженова О. В. Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка.//Синапс, 1993. №4. С. 35-42.

15.Крайг Г. Психология развития.– СПб.: Издательство "Питер", 2000.

16.Лангмейер И., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. – Прага: Авиценум. 1984.– .45–90.

17.Лешли Д. Работать с маленькими детьми, поощрять их развитие и решать проблемы.– М.: Просвещение, 1991. – 223с.

18.Лишенные родительского попечительства: Христоматия: Учеб. Пособие для студентов пед. ун-тов и ин-тов/ Ред.-сост. В.С. Мухина.– М.: Просвещение, 1991.– С 34-89.

19.Лосева В., ЛуньковаА. Страхи вокруг беременности. //Психологическая консультация, 1998. №1. С. 21—34.

20.Мэнделл Дж. Г., Дамон Л. и др. Групповая психотерапевтическая работа с детьми, пережившими насилие. М., 1998.– 205 с.

21.Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей.– СПб.: Речь, 2000. – С. 49-50, 279-280.

22.Помощь родителям в воспитании детей. (Пер. с англ.) – М.: Прогресс, 1992. – С.121.

23.Раншбург Й., Поппер П. Секреты личности.– М. Педагогика, 1983. – С. 125–135.

24.Раттер М. Помощь трудным детям. (Пер. с англ.) -- М.: Прогресс, 1987. – 421 с.

25.Смит Э. У. Внуки алкоголиков: Проблемы взаимозависимости в семье. (Пер. с англ.) – М.: Просвещение, 1991. – С. 24–56.

26.Спиваковская А.С. Психопрофилактика детских неврозов (комплексная психологическая коррекция).– М.: Изд-во МГУ, 1988. – 200 с.

27.Филиппова Г. Г. Психология материнства и ранний онтогенез: Учебное пособие. М., 1999. – С. 67–89.

- 28.Фориндер У., Полфелдт Л. Работа с детьми и подростками, лишившимися близких// Кризисные события и психологические проблемы человека/ Сб. науч. трудов.– Минск: НИО, 1997.– С. 12–56.
- 29.Фромм А. Азбука для родителей.– М., 1994. – 319 с.
- 30.Фурманов И.А. Психологическая реакция жертвы, пережившей попытку изнасилования// Социально-психологическая реабилитация населения, пострадавшего от экологических и техногенных катастроф/ Мат. V Междунар. конф.– Минск, 1998. – С.191.
- 31.Фурманов И.А. Насилие над детьми: сходство и различия психологических последствий// Теоретические и прикладные аспекты кризисной психологии/ Сб. науч. трудов.– Минск.: НИО, 2001. – С. 150–158.
- 32.Фурманов И.А., Аладьин А.А., Фурманова Н.В. Психологическая особенности детей, лишенных родительского попечительства. – Мн.: Тесей, 1999.– 160 с.
- 33.Фурманов И.А., Аладьин А.А., Фурманова Н.В. Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства: Книга для психологов.– Минск.: Тесей, 1999. – 224 с.
- 34.Фурманов И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика, коррекция.– СПб.: Речь, 2007.– 480 с.
- 35.Холл З. Последствия сексуальных и психологических травм детства// Психол. журнал, № 5.– т.13, 1992.– С. 55–78.
- 36.Хоментаскас Г. Т. Семья глазами ребенка. – М.: Педагогика, 1989.
- 37.Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. Курс лекций.– М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.– 512с.
- 38.Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция/ В.В. Лебединский и др.– М.: Изд-во МГУ, 1990. – 197 с.
- 39.Эриксон Э. Детство и общество.– Обнинск, 1993.– 23с.